

ЖЕНЩИНА ХРИСТИАНКА

*Образ и значение
женщины
в христианстве*

ЖЕНЩИНА ХРИСТИАНКА

*Образ и значение
женщины
в христианстве*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОТЧИЙ ДОМ"

МОСКВА
2000

ISBN 5-86809-113-2

© Макет, оформление —
издательство «Отчий дом», 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

С давних пор существовало убеждение, что женщина по природе своей слабее и ниже мужчины и потому всегда должна находиться у него в подчинении. Это подчинение женщины, соединенное большею частью с ее угнетением и страданиями, вызвало, особенно в последнее время, множество защитников ее самостоятельности и независимости. Теперь стали доказывать, иногда даже в ущерб самобытности женской природы, что женщина во всех отношениях равна мужчине и потому существовавшее

* Печатается по изданию: А. Надеждин. «Права и значение женщины в христианстве». СПб., 1873 г. Книга переиздается в сокращении и с небольшой стилистической правкой. — *Ред.*

доселе подчинение ее должно быть уничтожено как остаток времен варварства.

Между этими крайними воззрениями находится воззрение христианское. Оно признает, с одной стороны, полное человеческое равенство мужчины и женщины, но не отрицает, с другой, и тех естественных особенностей их натуры, которыми определяется различие их взаимных отношений, их общественно-го положения и назначения в жизни.

Древний взгляд на женщину, со всеми печальными для нее последствиями, существует и доселе: он старается находить себе опору в христианстве, прикрывается часто его именем, оставаясь в существе своем, далеко не христианским. Что же касается современного воззрения, призывающего к эмансипации женщин, то и оно, или в существе дела расходясь с христианским, все же ссылагается на его авторитет; или же прямо отрицает христианское воззрение как отсталое, не отвечающее современному развитию человеческой жизни. Между тем это отрицательное отношение к христи-

анству имеет часто совершенно фальшивые основания, принимая за христианство, прикрывающиеся его именем, вовсе не христианские явления жизни, а пережитки язычества.

Христианство защищает человеческое достоинство и права женщины и, вместе с тем, отдавая должное ее природным особенностям, на основании их определяет ее отношение к мужчине и значение в жизни общественной.

Положение женщины вне христианства большею частью безотраднo, значение ее ничтожно или ненормально, отношения к ней неправильны и неестественны, права ее унижены. Только христианство — это лучшее выражение нормального порядка вещей, эта высшая степень нравственного совершенства — обеспечивает за женщиной ее настоящее значение и законно принадлежащие ей права.

Библия, на первых своих страницах изображая состояние невинного человека, показывает также и первоначальное высокое значение женщины, и светлый

образ семейных отношений. Грехопадение совершенно изменило людей и их отношения. Последствием его для мужа явилась вечная упорная борьба с природой, а для жены — материнские страдания и подчиненность мужу. *К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16). История представляет печальное оправдание этого приговора.

По учению Библии, человек, отпавший от Бога и подвергшийся всем злым последствиям своего падения, не лишился, впрочем, надежды на возвращение утраченных благ, на восстановление расстроенной им гармонии жизни. Ему дано было обетование, что жена, которая сделалась виновницей его падения, первая поддавшись обольщению змия, послужит и к его восстановлению: *Семя жены поразит главу змия* (Быт. 3, 15). Время до исполнения этого Божественного изречения оказалось продолжительным. Грешному роду человеческому весьма трудно было сохранять в целости и неповрежденности данное обетование. Требовалось руководство Самого Бога, Ко-

торый и избрал с этой целью народ еврейский (Исх. 19, 5—6). Но и находившиеся все-таки под грехом, евреи не чужды были многих уклонений от требований чистой нравственности.

Господь — Иисус Христос пришел на землю, чтобы восстановить падшее естество человека.

Новые религиозные и нравственные воззрения, открытые христианством, изменяя весь уклад древней жизни, должны были радикальным образом изменить и быт женщины.

Но христианским воззрениям трудно было привиться к древнему, вконец развращенному обществу. Борьба новых идей со старыми сопровождалась не только кровавыми, но и нравственными жертвами: человеческие недостатки и заблуждения в жизни постоянно примешивались к чистоте и святости евангельского воззрения. Среди небесной пшеницы являлись и плевелы, препятствующие ее росту.

Видя в женщине начало и средоточие всякого греха, люди основывались

действительно на множестве ее нравственных недостатков. Но никто не хотел обратить внимание на то, что эти нравственные недостатки развились в женщине во многом из-за ее угнетенного положения. Ее коварство, хитрость, измены — не суть ли некоторого рода плата мужчине за тяготеющий над нею гнет его?

Такое уничтожение женщины, в корне разрушаемое христианством, осталось, однако, и в обществах, именующих себя христианскими. Некоторые еретики первых веков (гностики, манихеи и пр.) держались этого отрицательного взгляда, стараясь находить себе подтверждение в неверно понимаемом ими христианском учении. Особенно крайние аскеты, вроде, например, евхитов², продолжали смотреть на женщину не иначе как на “источник греха, мать преступления, врата дьявола, ученицу змия, хвост скорпиона” и т. п. Эти еретики старались всячески избегать женщин. К сожалению, взгляды их нашли себе значительную поддержку в средние века.

На Западе враждебный взгляд на женщину усилился особенно тогда, когда папская власть увидела, что семейные связи духовенства составляют одно из главных противодействий для ее возвышения. Папская власть, опираясь на аскетические начала, объявила, что общение с женщиной — этим сосудом разврата — есть осквернение для священника, предстоящего престолу Божию и совершающего бескровную жертву. Буллы Григория VII против брака духовных лиц, унижая женщину в теории, в то же время унижали ее и на практике. Разврат, развившийся в духовенстве вследствие целибатства, породил наложничество и незаконное сожителство.

ЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ХРИСТИАНСТВЕ

Только Православие сохранило истинное воззрение христианства на женщину. Истинное христианство признает достоинство каждого человека и является, по преимуществу, с характером всеобщности. Это не домашняя религия какой-нибудь семьи, не национальная религия какого-нибудь народа. Христианство не ограничивается какой-либо кастой или группой избранников. С самого появления своего оно призывает к себе все человечество, всем людям обещает спасение (Лк. 2, 31—32) и проповедуется всем народам (Мф. 28, 19). Только христианство показало людям Единого и Всеобщего Бога, Который есть Отец Небесный для людей всех национальностей, будь они иудеи, эллины или варвары, рабы или свободные, мужчины

или женщины. Все они дети Его и между собою братья и сестры, соединенные друг с другом узами любви, составляющие одно духовное семейство, или Царство Божие (Рим. 3, 22). *Да будут все едино* (Ин. 17, 21), — была последняя молитва Иисуса перед страданиями.

Что внешние преимущества и отличия, равно как и разные внешние недостатки и слабость, не имеют существенного значения в Царстве Божием, это ясно показало христианство, обратившись особенно к тем, на которых в древности лежала печать отвержения. Разного рода несчастные и страждующие призываются Христом (Лк. 4, 18—19). Трудящимся и обремененным по преимуществу обещаются отрада и успокоение (Мф. 11, 28—30). Покаявшиеся мытари и блудницы получают предпочтение в Царстве Божием перед первосвященниками и старейшинами (Мф. 21, 31); слабые дети имеют свободный доступ туда (Мк. 10, 13—16; Мф. 18, 1—6; Лк. 18, 15—17). Нечистые язычники очищаются и сподобляются принятия

Святого Духа, к изумлению верующих иудеев (Деян. 10, 15—45; ср.: 11, 9—17); благодатные дары обильно изливаются на всякую плоть (Деян. 2, 17—18).

Таким образом, право человека, как творения Божия, в христианстве поставлено выше всех прав и привилегий, даваемых происхождением, сословием, полом, или общественным положением. Прежний идеал человека, определяемый на основании этих внешних условий, не имеет ничего общего с христианским идеалом. Прежние языческие добродетели — мужество, храбрость, внешняя сила — в христианстве сменяются нравственными добродетелями, такими, например, как вера, любовь, смирение. Внешняя сила уступает свое место силе нравственной; дух торжествует над плотью. Сообразно с этим, прежнее бесправное положение женщины теперь должно было радикально измениться. Женщина оказалась не только вполне соответствующей христианскому идеалу, но по своей натуре, может быть, даже по преимуществу, подходящею под этот

идеал. Христианство ясно показало, что женщина обладает всеми высокими разумно-нравственными достоинствами и свойствами человеческой природы. Поэтому может и должна иметь не прежнее, служебное только и пассивное значение, при котором и существование ее не мыслилось отдельно от мужчины, но значение совершенно самостоятельной, свободной человеческой личности. Прежде всего женщина есть личность, и потому ей принадлежат все общие человеческие права и преимущества, естественные и благодатные. В этом она не имеет отличия от мужчины.

Но с другой стороны, христианство как воззрение, гармонирующее с условиями человеческой природы, не могло игнорировать то обстоятельство, что женщина есть человек иного пола, чем мужчина, и что она, в силу этих своих естественных особенностей, в различных отношениях жизни, должна иметь особенное значение, неодинаковое с мужчиной, которое, впрочем, нисколько не служит к ее унижению или невыгоде, напротив,

только показывает индивидуальность ее собственно *женской* личности.

Таким образом, восстанавливая общечеловеческие права и достоинства женщины, христианство, в то же время, защищает и представляет в истинном свете ее права и достоинства собственно *женские*.

ОБ ОТНОШЕНИИ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА К ЖЕНЩИНАМ

Христианство признало и утвердило общечеловеческое значение и права женщины. Это прежде всего можно видеть из истории отношений к женщине Самого Господа Иисуса Христа и Его верных последователей. Евангельские примеры отношения Спасителя к женщинам наглядно показывает, как высоко и уважительно смотрел Он на женскую личность. Его отношение к женщине всегда было внимательным, нежным, не говоря уже о высокой чистоте этих отношений. Спаситель показал, что если кто особенно нуждается в Его помощи и защите и имеет полное право на то, так это угнетенный и отверженный доселе пол.

Он всегда заявлял, что женщина обладает высоким совершенством человеческой природы. Часто беседуя с женщинами, Он признавал их способность к восприятию и усвоению тех высоких истин, которые нелегко усваивались и апостолами. Иисус Христос неоднократно обнаруживал, как может быть искренна и глубока вера женщины, как горяча любовь ее, сильна и чиста ее преданность всему высокому, святому. Каждое движение Спасителя в обращении с женщинами направлено было к утверждению и засвидетельствованию пред всем миром их человеческих достоинств и служило к разрушению тех цепей рабства, отчуждения и вечного несовершеннолетия, в которых женщина находилась прежде.

По изображению Евангелия, страждущая женщина всегда находила в Иисусе глубокое сострадание и полную готовность на помощь. В этом отношении она не только не унижалась пред мужчиной, напротив, иногда как будто пользовалась предпочтением: Спаситель нередко выказывал особую симпатию к ней, или сам вызываясь на помощь, или от-

носясь к ней в самых нежных выражениях, или прославляя ее веру и другие нравственные качества. Рассказы евангельские очевидным образом подтверждают это.

Когда Спаситель пришел в дом апостола Петра, то увидел, что теща его страдает от сильной горячки. Он обратил особенное внимание на страждущую и не замедлил подать ей Свою Божественную помощь. Он *коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им* (Мф. 8, 14). Однажды на пути в город Наин Иисус встретил погребальную процессию: несли умершего юношу, единственного сына у матери-вдовы, которая шла за гробом, вся в слезах. Неоткуда было ожидать утешения несчастной: учителя народа — фарисеи — большею частью только притесняли вдов (Мф. 23, 14; Мк. 12, 40). Христос сжалился над нею. Он уговаривает ее не плакать, потом, чудесным образом воскресив ее возлюбленного сына, возвращает его обрадованной и пораженной благоговением пред Спасителем, матери (Лк. 7, 11—17).

Случилось также Иисусу быть в одной из синагог в субботу и учить. Тут была женщина, восемнадцать лет одержимая страшною болезнью: она была скорчена и не могла стоять прямо. Заметив больную, Спаситель Сам подозвал ее и возложением рук избавил от страданий: она выпрямилась и стала славить Бога. Для фарисея — начальника синагоги, строгого исполнителя буквы закона — милосердие к женщине показалось совершенно неблаговременным, ибо была суббота. Он грубо заметил женщине, что в другие дни, а не в субботу, нужно приходить лечиться. Спаситель пристыдил фарисея за такое равнодушие к страждущей женщине. *Лицемер!* — сказал Он, — *не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?* (Лк. 13, 15—16).

В другой раз, когда Христос проходил среди большой толпы народа, одна женщина, которая страдала двенадцать лет

кровотечением и бесполезно истощила на врачей все свое состояние, услышав о необыкновенной силе Иисуса, тихо подошла к Нему, надеясь одним прикосновением к Его одежде избавиться от своей болезни. Глубокая вера женщины не обманула ее: течение крови остановилось, и она почувствовала выздоровление. Христос не хотел оставить в неизвестности веру женщины и не упустил случая засвидетельствовать пред всеми ее достоинства. Когда на вопрос Его: “Кто прикоснулся ко мне?” — испуганная женщина пала пред Ним, всенародно объявив, по какой причине она прикоснулась, Он нежно ободрил ее: *“Дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя”* (Мф. 9, 22). Не к обличению женщины Он заставил ее сознаться, но, очевидно, к прославлению ее, ибо глубокая вера ее могла служить примером для других. Начальник синагоги, например, в это же время просивший Христа об исцелении своей дочери, мог поучиться у этой женщины: сам он был не настолько тверд в вере, чтобы не поколебаться, когда услышал от посланного из своего дома, что

дочь его уже умерла и что поэтому незачем утруждать Учителя.

Спаситель пришел в его дом, где собрались уже во множестве плакальщицы и музыканты, готовясь к печальной, погребальной церемонии. Среди всеобщего плача и смятения Иисус, выслав лишний народ из комнаты, берет за руку умершую дочь Иаира и пробуждает ее нежным отеческим словом: *Девица, тебе говорю, встань* (Мк. 5, 41).

В другой раз Иисус Христос проходил через пределы Тирские и Сидонские. И вот женщина хананеянка, вышедши из тех пределов, кричала Ему: *Помилуй меня, Господи, сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется* (Мф. 15, 22).

Обстоятельство замечательное. В то время как иудеи, для которых, по-видимому, прежде всех готовилось Царство Божие, не верят в Него и бегут от Него, женщина язычница спешит ко Христу, открыто исповедует Его как Мессию, сына Давидова, согласно с верованием иудеев, и просит Его милосердия. Тяжко было видеть бедной матери ежедневные ужасные страдания дочери, находив-

шейся в бесчувственном состоянии. Иисус сначала ничего не отвечал хананейке, и ученики, негодуя на кричавшую, просили Его отпустить ее, чтобы она не надоедала. Ученики пренебрежительно отнеслись к женщине, они не подозревали, что “за внешним голосом уст ее, — по выражению Златоуста, — скрывался сильный вопль твердо верующей души”. Они не чувствовали, что Христос, по видимому только, не обращал на нее внимания, с целью обнаружить ее нравственное величие. Женщина принадлежала к такому народу, который по закону иудейскому считался отверженным, презренным и нечистым, от которого следовало удаляться (Втор. 7, 3).

Спаситель не хочет прямо нарушать закон и быть соблазном для иудеев, потому Он не обращает внимания на женщину и, на просьбу учеников — отпустить ее, отвечает применяясь к иудейскому образу воззрения: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15, 24). Между тем женщина не отставала и не прекращала своей мольбы: она кланялась Ему, упала к ногам

Его и умиленно просила изгнать беса из ее дочери: *Господи, помоги мне!* (26) — молила мать. Ее не смущает, по-видимому, жесткий, хотя направленный опять к высокой цели, ответ Спасителя на ее неотступную просьбу: *Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (27). “Господи! но и псы едят крохи, со стола господ их” (28), — смиренно замечает на это хананейка, выражая тем и свою веру во всеобщность спасительных благодеяний Христа, хотя они и назначены прежде для детей — иудеев. Более уже не было нужды испытывать женщину: твердость и глубина ее веры, постоянство молитвы были слишком очевидны. И Спаситель, восхвалив ее и успокоив, помог ей. “Если бы она сразу получила просимое, — замечает по этому поводу Златоуст, — то тотчас и ушла бы и никто не видел бы ее сокровища... Пусть выслушают это те, которые молятся без усердия”. В самом деле, хананейка как будто слышала и вполне усвоила учение Христа о молитве: *Просите и дано будет вам: ищите, и найдете; стучите и отворят вам* (Мф. 7, 7).

Мало того, она как будто слышала и другие слова Христова учения: *Благословляйте проклинающих вас* (Мф. 5, 44). Спаситель, по-видимому, унижает ее, приравнивая к псам, а она прославляет Его, называя Господом (Мф. 15, 27). Не представляет ли христианство в этом и подобных случаях доказательства естественных богатств нравственной стороны женской натуры, неведомых древнему миру, или же не замечаемых им?

Женщины порочные, осужденные и всеми презираемые, находили в Иисусе также своего защитника и благодетеля. Он не стыдится их, не удаляется от них, напротив, вполне доступен им, Сам ищет их общества, зная, что нежная, способная к любви и преданности женская натура, в особенности дорога для Его религии, проповедующей любовь, терпение, кротость.

Раз в храме, где учил Иисус, книжники и фарисеи подвели к Нему женщину, которая, как говорили они, была взята в самом действии прелюбодеяния, а таковых закон Моисеев предписывал побивать камнями (Втор. 22, 21). Со злорад-

ством ожидали враги Христовы, что ответит Он на это требование закона; Он, Который так любит проводить время с мытарями и грешниками (Мк. 2, 15—16), и не только обещает таковым Царствие Божие, но еще прежде других (Мф. 21, 31). Неужели явную прелюбодейку Он станет защищать теперь, вопреки прямой заповеди Моисеева закона? (Лев. 20, 10). Или, не придется ли Ему отказаться от покровительства подобным лицам и чрез то лишиться Своей популярности? Так рассуждали книжники и фарисеи, думая, что ставят Иисуса в безвыходное положение.

О греховности прелюбодеяния Иисус Христос учил строже, чем иудейские законники (Мф. 5, 27—28), но Он имел всегда в виду не внешнюю, формальную, юридическую сторону дела, а нравственную, внутреннее настроение сердца. С этой стороны Он оправдывал таких людей, которые с фарисейской точки зрения были грешниками; с этой же стороны Он нашел возможным оправдать и бедную женщину, на которую с ожесточением напали фарисеи. *Кто из вас без*

греха, первый брось на нее камень (Ин. 8, 7), — сказал Спаситель в ответ на их настоятельные требования. Тогда совесть каждого сильно заговорила в обвинителях, и вот они, один за другим, начиная от старейших и до последних, стали уходить, в то время как Спаситель, наклонившись, чертил пальцем на земле. Остался один Иисус и женщина, стоящая перед Ним. Подняв голову и не видя более никого, кроме женщины, Иисус спросил ее: Где твои обвинители? никто не осудил тебя? — Никто, Господи! — смиренно отвечала преступница. И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши (10—11).

Таким образом, оказалось, что женщина, которую фарисеи обвиняли в прелюбодеянии, была вовсе не грешнее, чем сами они, грехи которых оставались втайне. Она оказалась даже выше их в нравственном отношении, потому что не осуждала других за то, в чем сама была виновна (Рим. 2, 1—3), не скрывала своего греха и не оправдывалась, но смиренно дала решения своей участи, горько скорбя о том, к чему, может быть, вы-

нудила ее дурная и тяжелая обстановка жизни. Все это видел Христос. Обличив блюстителей закона, Он в то же время оправдал беззащитную преступницу, предупредив ее только впредь не грешить, научил быть снисходительными в суждении о проступках ближних, без различия пола и давать им полную возможность к покаянию и исправлению (Ин. 8, 2—11).

Подобный же случай нравственного возвышения женщины, падшей в общественном мнении, рассказывается у евангелиста Луки (7, 36—50).

Некто из фарисеев просил Иисуса Христа к себе отобедать. Он пришел и по обычаю возлег. Тогда одна женщина того города, которая была грешница (по преданию, Мария Магдалина), узнав, что Христос обедает в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и стыдливо стала позади у ног Его. В сознании своей виновности, женщина горько плакала; слезами своими она обливала ноги Иисуса, а волосами обтирала их. Вместе с тем она целовала ноги Его и мазала их миром. Фарисей смутился, увидев это, и подумал про себя: “Если бы Он был

пророком, то знал бы, что за женщина прикасается к Нему и оттолкнул бы ее: ведь она известная грешница". На эту мысль фарисея Спаситель отвечал притчей о двух должниках. Один из них должен был займодавцу пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели чем заплатить, то займодавец простил обоим. "Скажи же, который из них более возлюбит его?" — обратился Христос к фарисею. Симон справедливо отвечал: "Конечно тот, которому больше прощено". Тогда Спаситель ясно показал ему, почему женщина заслуживала глубокого сочувствия и большей даже милости, чем сам фарисей, который не оказал Христу всех условий гостеприимства, хотя и позвал Его обедать *. Нет нужды, что она была грешница: ее горячая любовь к Спасителю, ноги которого она обливала слезами и лобызала, возливая на них миро, много говорила в пользу ее нравственных достоинств.

Со стороны гордого фарисея падшая женщина ничего не могла ожидать, кро-

* По древнему обычаю вежливости и гостеприимства нужно было позаботиться об умовении ног своим гостям. (Быт. 18, 4; 19, 2).

ме презрения и грубости. Но, встретив Лицо, запечатленное чертами святости, бесконечной любви, кротости и всепрощения, она сама прониклась великою к Нему любовью и благоговением. Она раскаивалась во грехах своих, которым служила доселе, может быть, вследствие трудности и безнадежности своей униженной и не находившей сочувствия участи. И вот прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много. Отсюда очевидно, что общий нравственный строй женщины не может оцениваться одним преступлением, или известным родом преступлений. Богатства ее нравственной природы могут быть настолько велики, что ради них нельзя еще предавать ее осуждению: нужно только оценить их и возбудить. Так опять грешница предпочтена мнимому праведнику и удостоена послужить для всего мира образцом истинного покаяния, любви и веры.

С умственной стороны, женщины до Христа, как мы видели, также не пользовались человеческими правами. Их считали неспособными к знаниям, доступным мужчине. Но Христово высокое

учение раскрывается пред всеми одинаково и между женщинами находит иногда лучших последовательниц. Из рассказов евангельских о насыщении нескольких тысяч людей, один раз пятью, в другой раз — семью хлебами, видно, что женщины с малыми детьми, голодая и подвергаясь всем невзгодам пути, ходили за Иисусом, слушая Его спасительное учение (Мф. 14, 19—21). И Он никогда не устранял женщин из круга Своих слушателей, ни разу не показал недостаточность их понимания. Напротив, часто вступал с ними в продолжительные и возвышенные беседы, снисходя, если нужно было, к их понятиям и терпеливо выслушивая их естественные недоумения.

После первой Пасхи Иисус возвращался из Иудеи в Галилею. Проходя через Самарию, Он близ города Сихаря (Сихема) сел отдохнуть около колодца Иакова. Ученики Его отправились в город купить пищи. В это время одна самарянянка подошла к тому же колодцу за водой. Христос попросил у нее пить и по этому поводу вступил с

ней в продолжительную беседу, к великому удивлению Своих учеников.

Иудеи считали самарян отверженными, нечистыми, так что избегали прикасаться к ним, проходить через их города, говорить с ними. Самаряне же в свою очередь бегали от евреев и отгоняли их от себя (Лк. 9, 52—53). Вот почему самарянка при словах Спасителя — *дай мне пить* (Ин. 4, 7), — немало изумилась и не могла скрыть своего изумления: “Как иудей решился просить воды у самарянской женщины? Пренебрегает ли Он разделением веры, существующим между ними, или этот Человек по Своему Духу так велик, что возвышается над народными предубеждениями? Верно, это не из обыкновенных иудеев”. Так размышляла, может быть, самарянка и в недоумении спросила Иисуса: Как Он, будучи иудеем, решился просить воды у нее — самарянки? При этом она как будто дорожит своей водой, сомневаясь, может ли не вопреки совести, или духу национальной веры, дать иудею пить ее.

Недоумение женщины Спаситель разрешил, дав ей понять, что Он действи-

тельно не обыкновенный иудей, из тех, что чуждаются самарян, а что Он Сам обладает высочайшим даром, о котором она и понятия еще не имеет. Дар этот есть живая вода, которую Он может сообщить просящему. Под именем живой воды Христос разумел Духа благодати (Ин. 7, 38—39), тот приснотекущий источник нравственной жизни, который утоляет духовную жажду истины и благ духовных и укрепляет нравственные человеческие силы, расслабленные плотскими, греховными влечениями.

Если Никодим, ученый фарисей, с которым раньше беседовал Христос также о высоких духовных предметах, не понимал слов Его и часто с недоумением возражал: “как может сие быть?” (Ин. 3, 4—9); если ученики Спасителя весьма часто не могли возвыситься до высшего духовного понимания того, что Он говорил им (Ин. 4, 33), — то естественно, что простая женщина, в первый раз видевшая Иисуса, не могла сразу понять Его возвышенной речи и сказанное Им о живой воде отнесла к воде, находившейся в колодце. Она в просто-

те душевной замечает Христу, что Ему нечем почерпнуть воды, а колодец глубокий... Но вот внезапная мысль озаряет ее. Внутреннее чувство простой души говорит ей, что собеседник предлагает ей какую-то другую воду, не из этого источника. Кто же этот собеседник? Где же эта живая вода? Неужели есть источник лучше и важнее этого? А ведь этот получен в наследство ее соотечественниками от святого и уважаемого праотца Иакова, который сам, со всем своим домом, пил из него. Если бы была другая, лучшая вода, то Иаков не пил бы отсюда. Между тем чужестранец говорит именно о другой какой-то воде. Неужели Он больше самого Иакова? Такой вопрос, естественно, возник в голове самарянки и она предлагает его Спасителю.

Непонимание и недоумение женщины нисколько не тревожат Христа. Он все-таки видит в ней полную способность к духовному просвещению. Он снисходительно разъясняет ей, в чем заключается преимущество Его воды, утоляющей духовную жажду, текущей в жизнь вечную, пред чувственной водой Иакова,

после которой жажда опять возобновляется. Из преимуществ этой неизвестной воды пред водою Иакова само собой вытекал ответ на вопрос: кто же из них больше?

Самарянка верует словам Христа и изъявляет готовность отказаться от своего заветного, священного источника для живой воды, какую ей обещают. Но она не может еще отвлечься мыслью от воды чувственной и жажды телесной и потому говорит: *Дай мне этой воды, чтобы больше мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать* (Ин. 4, 15). Для дальнейшего разъяснения дела нужно было, с одной стороны, поставить женщину на более близкий и доступный для нее путь размышления — путь собственной ее жизни, не совсем беспрепятственной к принятию живой воды; с другой, полезно было обнаружить пред женщиной пророческую силу, дабы чрез то привести ее к мысли, что пророку прилично говорить о духовных дарах, а не о чувственных нуждах.

Обличение в порочной жизни, сделанное жене (после того как, на предложе-

ние Спасителя пригласить мужа, она отрицала свое замужество), не отталкивает ее от Христа, напротив, возбуждает благоговение к Нему как пророку. Подобно этому и другие последователи Христа исполнялись веры в Него иногда после того, как Он показывал Свое прозрение, — например, Нафанаил (Ин. 1, 48—49). Итак, цель наполовину уже достигнута: женщина убеждается в необыкновенной и сверхъестественной силе своего собеседника. Теперь она уже не будет говорить о чувственном, житейском, не будет и слова пророка понимать в обыкновенном смысле. Теперь она сама обращается к Пророку за разрешением заветного вопроса, который был предметом сильных пререканий между иудеями и самарянами: где должно поклоняться Богу, — в Иерусалиме, или на горе Гаризим? Тем естественнее со стороны женщины был этот вопрос, что она видела в своем собеседнике все-таки иудейского пророка, следовательно, как бы опасалась вполне довериться Ему, чтобы не погрешить против отцов: итак, как же Он разрешит вопрос о поклоне-

нии Богу, — согласно ли с завещанием отцов? Тут Спаситель вводит свою собеседницу в круг понятий еще более возвышенных. Он отвергает возможность того и другого места поклонения, так как истинное служение Богу не может ограничиваться одним каким-либо местом. Он говорит, что скоро ни иудейский храм, ни самарянская гора не будут иметь особенного религиозного значения. При этом Спаситель в деле Богопочтения отдает все-таки некоторое преимущество иудеям перед самарянами, слепо привязанными к внешности, к месту, обряду, без живой веры, которые, оставив всю следующую за Моисеем историю Богооткровения, не могут дать себе отчета, Кому поклоняются. Истинное поклонение Богу как Сущему духовному и святому, должно быть духовно по преимуществу, чисто и чуждо человеческих заблуждений, произвола и лицемерия. И время такого поклонения настает; обряды закона Моисеева и чувственные жертвоприношения отныне теряют свое значение.

Это новое и высокое учение естественно вызвало в самарянке мысль о

Мессии, Который, как конечно слыхала она, Один может отменить богослужение, определенное законом и изъяснить все нужное для истинного Богопочитания и спасения людей (Ин. 4, 25).

На такую мысль, высказанную самарянкой, Спаситель уже прямо и ясно отвечал, что Говорящий с нею и есть Мессия. Замечательно, что это единственное по своей ясности и прямоте свидетельство Иисуса Христа о Своем мессианском достоинстве. Это откровение так поразило женщину, что она, подобно апостолам, оставившим свои сети для Христа, бросила водонос и поспешила в город к своим единоплеменникам, чтобы привести их посмотреть, не Христос ли тот пророк, с которым она рассуждала.

Возвратившиеся в то же время ученики весьма удивились, застав своего великого Учителя рассуждающим с женщиной. Под влиянием еврейского воззрения*, они по-видимому не ожи-

*Особенно резко это воззрение выражено в Талмуде: "Говорить раввину с женщиною публично, хотя бы она была жена, дочь, сестра — непростительная глупость, так же как и наставлять ее в законе".

дали, что Учитель их и женщину считает достойною и способною для возвышенных собеседований. Но, питая к Нему великое уважение, они не решались предложить Ему смелый вопрос о том. Между тем многие самаряне того города, пришед ко Христу, по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала, уверовали в Него (Ин. 4, 39).

Не случайно мы так внимательно остановились на беседе Иисуса Христа с самарянкой. Эта беседа ясно показывает отношение Христа к женской натуре. Он признал за ней способность и право слушать и воспринимать те высокие истины, которые необходимы для всех людей. Духовная, благодатная жизнь, под символом живой воды; служение Богу духом и истиною и, наконец, мессианское достоинство: вот, можно сказать, главные принципы христианского учения, раскрытые Христом пред простой женщиной. Она не только удостоена восприятия этих высоких истин, но явилась в числе первых последовательниц Христа и сделалась первой проповедницей Его имени в Самарии.

Достоин внимания замечание св. Златоуста о самарянке, которую он сравнивает с Никодимом: “Жена тотчас же уверовала, показав себя разумнее Никодима и не только разумнее, но и мужественнее. Он, слышав много подобного, никого не призвал ко Христу, да и сам оставался в нерешимости, а она совершает дело апостольское, всем благовествуя, призывая к Иисусу, и целый город увлекает к Нему”. Никодим, услышав слова Спасителя, сказал: *Как это может быть?* (Ин. 3, 9). Даже когда Христос привел ему в качестве ясного примера явление Духа, и тогда Никодим не принял слова Его. А жена не так; сначала она недоумевает, но потом, принимая слово Христово без предубеждений, а как прямую истину, тотчас склоняется к вере. Еще менее эту женщину можно сравнивать с иудеями. Когда им говорил Христос: *Я есть хлеб жизни* (Ин. 6, 35), — они не только не верили, но и соблазнялись. Жена, напротив, не впадает в этот недуг, а настаивает и просит.

В Иудее находилось одно красивое селение — Вифания, куда Иисус любил

приходить, как бы для отдохновения после тяжелой борьбы с фарисеями. Здесь жило любимое Им семейство, которое всей душой предано было своему учителю. Семейство это состояло из Лазаря и его двух сестер — Марфы и Марии. Раз, после беседы с иудейским законником о том, кто наш ближний, Христос зашел в дом этого благочестивого семейства. Возрадовались сестры приходу любимого Учителя. Мария тотчас же села около ног Его и стала слушать Его спасительное учение. Между тем Марфа заботилась о приготовлении угощения дорогому Гостю и, видя, что сестра не хочет помочь ей в этом, стала жаловаться Иисусу на то, что сестра одну ее оставила служить. На это Он отвечал Марфе, что ее хлопоты об угощении совершенно излишни, что внешняя попечительность о многом не может сравниться с заботливостью Марии о том, что одно только истинно дорого и необходимо для человека, — слушание слова Божия. Хозяйственная суетливость далеко не составляет существенного призвания женщины; сообразно со своим человеече-

ским достоинством, на первом плане она должна поставлять высшие духовные интересы, заботиться о своем духовно-нравственном развитии. Такова именно и была Мария. Она поняла глубокий смысл учения Христова о том, что душа больше пищи, что не телесные нужды, а нравственные — или Царствие Божие — составляют существенную сторону стремлений разумно-нравственной человеческой природы. Спустя несколько времени, Иисус получил от этих сестер известие о болезни Лазаря. Несмотря на опасность, угрожавшую Ему от иудеев, Спаситель пошел в Иудею, чтобы воскресить друга Своего (который тогда уже умер), и утешить опечаленных сестер. Марфа вышла в поле к нему навстречу и сказала: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, — прибавила она, — что, чего Ты попросишь у Бога, даст тебе Бог* (Ин. 11, 21—22). Таким образом Марфа выразила свою веру во Христа, хотя веру в Него, скорее как в человека добродетельного и угодного Богу. Спаситель нашел нужным и возможным посвятить ее в более высокие

тайны христианства, показать ей, что Он не Человек только, но и Сам Бог — источник жизни и бессмертия, Который Своею собственною силой разрушает смерть и верующим в Него сообщает жизнь вечную. Тогда Марфа исповедует Его Сыном Божиим, Которому надлежало прийти для спасения мира, и исповедание ее по своей силе и ясности может быть поставлено наряду с исповеданием Петра (Мф. 16, 16). Но видно, она, как женщина практичная, находившаяся притом под влиянием сильной скорби, еще не вполне понимала слова Спасителя о том, что верующий в Него, если и умер, оживет и не умрет вовеки (Ин. 11, 26), — не понимала, ибо после опять выразила сомнение в возможности восстания брата, предавшегося уже тлению во гробе. Впрочем, даже и те, которые постоянно ходили с Иисусом, т. е. ученики Его, высказывали также сомнение в возможность воскресения умершего и находили излишним идти в Вифанию, с опасностью притом для собственной жизни. По крайней мере, Фома прямо высказал, что им придется также умереть, если они пойдут в Иудею (Ин. 11, 16).

Новое напоминание о вере, для которой открывается слава Божия, заставляет Марфу безмолвствовать и благоговейно ждать чуда. Между тем Мария, преданная неутешному горю, оставалась пока в доме. Извещенная же сестрой о прибытии Господа, она с отрадными надеждами спешит к Нему навстречу и, падши к ногам Его, выражает живую уверенность в том, что если бы Он был у них, то брат ее не умер. Вероятно, эта женщина, и прежде заявившая глубину своей веры во Христа, не нуждалась, как Марфа, в разъяснении высших истин веры, или, может быть, Спаситель не стал рассуждать с нею, как с Марфой, в присутствии стоявших тут неверующих иудеев.

Немного спустя, по могущественному слову Христа, Лазарь вышел из гроба, и благочестивые сестры удостоились, таким образом, видеть Божественную славу своего Учителя и получить залог всеобщего воскресения, — этой великой тайны христианства (Ин. 11, 1—45).

За шесть дней до Пасхи Иисусу снова пришлось быть в обществе любимого Им семейства, в Вифании. В то время как

Лазарь возлежал вместе с другими гостями, а Марфа, верная своей положительной, практически-хозяйственной натуре, прислуживала, сестра их Мария, выказавшая прежде высокие стремления своего ума, выражает теперь особенным образом всю полноту и горячность своего чувства по отношению к возлюбленному Учителю, возвратившему еще и жизнь ее брата. Она приступила к Нему с алавастровым сосудом нардового цельного драгоценного мира и, разбив сосуд, возлила Ему на голову, помазала ноги Его, у которых некогда сидела, слушая слово Его, и отерла их своими волосами *.

Благоухание от мира распространилось по всему дому. Поступок женщины не понравился бывшим тут же ученикам Христовым. Он показался и неуместным, и бесцельным, тем более, что Учитель их, как они были убеждены, не любил излишеств и роскоши. Особенно Иуда, представитель практической расчетливости и житейских, экономических

* Помазание благовонными мастьями было у евреев в обычае при торжественных пиршествах.

интересов, возмущался такой бесцельной тратой дорогого мира, которое, по его мнению, можно было бы продать за триста динариев и деньги раздать нищим.

Действительно, с точки зрения практической, где вся сила религиозного чувства ограничивается сухим исполнением долга, исключая все переходящее эти границы, выливающееся из глубины души, — сердечный поступок Марии был непонятен. Странно было видеть эту женщину, выступившую на первый план с выражением своей женской чувствительности. К ней отнеслись пренебрежительно; усердие ее осудили.

Тогда как Иуда, в этом случае, рассуждал под влиянием своих обычных, низких, корыстных побуждений, другие ученики простодушно могли осудить женщину, на основании некоторых, по видимому, справедливых соображений. Они слышали, как Христос говорил: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13) — и порицал иудеев за то, что они оставили важнейшее: *суд, милость и веру* (Мф. 23, 23) и естественно могли вывести из этого заключение, что если Он не при-

нимает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее примет помазание дорогим елеем. Так думали ученики, но не так взглянул на дело Спаситель. Он защищает Марию, одобряет ее усердие и сдерживает тех, которые, не проникая в сердце женщины, осуждали ее поступок и мешали ее святому делу. Оказалось, что поступок этот вполне естественен как выражение сильного, горячего и чистого чувства любви. Женщина сделала все, что могла и как умела, для своего не оцененного другими Господа. Она поступила притом и вполне целесообразно, ибо, возливши миро на тело Спасителя, приготовила Его к погребению. Ученики, не раз слыхавшие о близости смерти своего Учителя (Мф. 20, 17—19), не догадывались, однако, как уместно было помазание ввиду этой смерти. Заботливость же о нищих, похвальная сама по себе, на этот раз была совершенно несвоевременна, а в Иуде кроме того и неискренняя.

Настоящий случай удачно может быть сопоставлен с другим, в сущности подобным, хотя в некотором отношении

противоположным, когда Христос одобрил вдовицу, положившую две лепты (или полушки) в сокровищницу храма. Для людей с фарисейским чувством такой дар казался бы не стоящим внимания; но Господь взирает не на деньги, а на сердце. “Смотрите, — сказал Он при этом ученикам Своим, — эта бедная вдова более всех положила в сокровищницу. Другие клали от избытка, а она от скудости; те жертвовали храму тем, без чего могут обойтись, а она пожертвовала все, что имела, — может быть, последний кусок хлеба. Искренность и чистота ее жертвы ставят ее выше прочих” (Мк. 12, 41—44).

К довершению похвалы и прославления добродетельной Марии Спаситель говорит, что слава о ней и ее деле увековечится и распространится по всему миру (Мф. 26, 6—13). И точно, Мария — это вечный высокий образец истинной христианки. Умом постоянно стремясь к большему и совершеннейшему познанию Христова учения, она в то же время питает сильное, горячее и святое чувство любви к Учителю. Ее вера, осно-

ванная на изучении Слова Божия, явилась не холодным и отвлеченным созерцанием, и ее любовь выразилась не односторонним развитием мечтательного поэтического чувства. Это — гармоничное проникновение всех сил души христианской истиной, при котором ум всецело занят Богопознанием, а сердце преисполнено самого горячего, одушевленного энтузиазма и готово на всевозможные жертвы. И замечательно, тип совершенной христианки вырабатывается уже при жизни Христа, раньше, чем выработался тип христианина — мужчины. Так богата и способна оказывается женская натура.

Между женщинами были и постоянные спутницы, и ученицы Христа, подобно апостолам (Мф. 27, 55—56). Некоторые из них были исцелены Им от тяжких болезней, избавлены от злых духов, после чего с особенной силой привязались к своему избавителю. К числу постоянных спутниц Иисуса Христа принадлежали: Мария Магдалина, которую Он избавил от страшной болезни беснования, изгнав из нее, по выражению

Евангелия, семь бесов; Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова; Мария, мать Иакова меньшего и Иосии; Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна и другие, впоследствии названные мироносицами. К числу таких женщин может быть отнесена и, в первую очередь, Пресвятая Дева Мария.

Все они ходили вместе с Иисусом, служили Ему от своего имени, наравне с апостолами слушали Его Божественное учение и, в случае каких-либо недоразумений и ложных претензий с их стороны, всегда удаивались разъяснения истины. Саломия, мать сынов Зеведеевых, просила Иисуса вместе с детьми своими о даровании им первых мест в Царстве Божием и слышала от Него возвышенное учение об этом Царстве, его духовности, несходстве с обыкновенными царствами земными (Мф. 20, 25—28).

Можно сказать, что во всех главнейших моментах жизни и высокой спасительной деятельности Иисуса Христа, женщины принимают самое живое участие и нередко выступают на первый план. Видя во Христе своего верного За-

щитника и Спасителя, они и со своей стороны постоянно являли Ему свое глубокое сочувствие и преданность. В этом случае к женщинам по преимуществу относится то, что сказал Иоанн Богослов: *Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас* (1 Ин. 4, 19).

Когда в народе заговорили об Иисусе, при виде Его чудесных действий, не Он ли Христос, а фарисеи и книжники стали отрицать это, и действия Иисуса приписывать веельзевулу, а иные, искушая, просили от Него знамения с небес; тогда Иисусу пришлось много говорить в защиту Своего Божественного достоинства, о нелепости хулы их, о непростительности их неверия и крайнего ожесточения сердца, не только отрицающего очевидные действия в Нем Святого Духа, но и приписывающего эти действия дьяволу. В то время как Он говорил это, вдруг среди народа раздался голос женщины, с целью защиты и прославления Христа. Книжники и фарисеи злобно хулили Его, называя дьяволом, апостолы безмолвствовали, только женщина выступила в роли защитницы и просла-

вительницы Его. Исполненная восторга веры, удивления и любви к Спасителю, она возвышает голос, чтобы быть слышимой в огромной толпе народа, хочет мужественно побороть ярость врагов Иисуса и энергично протестует против их хульных слов. *Блаженно чрево, носившее Тебя и сосцы, Тебя питавшие!* (Лк. 11, 27) — восклицает она. Вот безбоязненное и искреннее исповедание тайны воплощения. “Назвать блаженным или благословенным чрево, родившее Христа (как некогда Елизавета, жена Захарии), значит признать Бога во Христе. Неверие фарисеев опровергается двумя словами женщины. Где мужчины ругались над Христом, или же молчали, там женщина Его защищает и прославляет как Сына Божия. Вот Его первый апостол и евангелист”, — писал Беда Достопочтенный. В самом деле, исповедание женщины по ясности своей, хотя уступает например, исповеданию Петра (Мф. 16, 16), но оно и превосходит его, ибо было высказано не наедине, а открыто, перед всем народом. И как исповедание Петра было одобрено Спаси-

телем, так и это исповедание женщины; ибо сказанное Христом в ответ на слова женщины можно отнести к ней: *Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его* (Лк. 11, 28).

В другой раз, когда иудеи настаивали перед Пилатом предать Иисуса смерти, когда апостолы — иные оставили Его, другие отреклись от знакомства с Ним, и тогда как Пилат предлагал отпустить, хотя ради праздника, одного из подсудимых в то время — разбойника Варавву или ни в чем не повинного Иисуса, — жена Пилата, которая у некоторых из древних писателей христианских называется Проклой, или Клавдией Прокулой, ходатайствует об освобождении невинного и смиренного Иисуса. Не надеясь на честность народа и на твердость мужа, она, даже вопреки отечественному закону, вмешивается в дела мужа — правителя и посылает к нему, когда он сидел на судейском месте, с просьбой, чтобы он не делал ничего дурного Праведнику, за Которого она много пострадала во сне. Греки и римляне, так же как и иудеи, в некоторых сновидениях

видели указания Божества. Прокула видела тяжелый сон: она много страдала за Праведника; и вот она находит тем большее для мужа побуждение отпустить невинного, ибо муж, хотя бы из сострадания к жене, мог сделать это (Мф. 27, 19). Сон жены Пилата, если и не переменил судьбы, ожидавшей Господа, то по крайней мере произвел свое действие. Не под его ли влиянием Пилат всенародно выразил свою уверенность в невинности Иисуса умовением рук и торжественно назвал Его Праведником? А жена его, конечно, не осталась равнодушной к дальнейшей судьбе Праведника, Который так сильно привлек ее. По преданию, она приняла участие в последующих событиях христианства, встретилась с учениками Иисуса и уверовала в Его учение. Сделавшись христианкой, Прокула впоследствии в действительности уже претерпела мучение за имя Праведника, которого не могла спасти от крестной смерти.

Спасителя вели на страдания в сопровождении великого множества народа. Женщины выделяются из этого мно-

жества: они безбоязненно плачут и рыдают, при виде Иисуса, изнемогающего под тяжестью креста; выделяются еще более тем, что доселе молчавший Христос пред Пилатом, пред Иродом, пред иудеями — своими обвинителями, теперь, заметив плачущих женщин и забыв собственные страдания, болезнует о сострадающих Ему и обращается к ним со словами вразумления и последнего пророческого наставления (Лк. 23, 27—31). Спаситель спокойно убеждает их не плакать о Нем, смерть Которого выше обыкновенных слез сострадания и ведет к славной будущности, а плакать о себе, как предсказывал еще пророк ветхозаветный (Зах. 12, 11—14), и о своих детях, ибо им угрожают более тяжкие бедствия. Уж если зеленое дерево срубают, то сухое тем более подвергнется этой участи. Приближается время, когда многие пожелают быть погребенными под тяжестью гор и скал и будут искать смерти, как последней отрады, а жены непраздные и матери, вопреки своим иудейским стремлениям, позавидуют бесчадным: столь велико будет их отча-

яние среди тех ужасных зол, какие их ожидают.

Приведенный на Голгофу, Христос распят на кресте и в страданиях умирает. Женщины все время не отходят от Него и являются свидетельницами ужа-сающей смерти Богочеловека. Когда же римские солдаты мешали им приблизить-ся ко кресту, они стараются хоть издали видеть происходившее, рискуя для того, может быть, собственным благосостояни-ем (Ин. 19, 25), между тем как апостолы (за исключением апостола Иоанна), раз-бежались. Женщины следуют и за погре-бавшими тело Иисуса — Иосифом и Никодимом; они осматривают гроб, са-дятся против него и наблюдают, где и как полагалось тело возлюбленного Учи-теля. Далее, не жалея никаких трат, готовят благовония и масти для того, чтобы, по прошествии субботы — дня покоя, рано утром прийти ко гробу и помазать тело Иисуса (Лк. 23, 55—56). Действительно, в первый день недели мироносицы приходят ко гробу Христо-ву так рано, что еще было темно, и при-носят с собой заготовленные ароматы.

В то время как они стоят в недоумении, видя, что камень, закрывавший вход в пещеру, теперь уже отвален от гроба и там нет тела Спасителя, им являются блистающие Ангелы и сначала успокаивают их, потом впервые возвещают великую и радостную весть о Воскресении Иисуса Христа, при этом предлагают посмотреть место, где Он лежал и посылают их к апостолам первыми благовестниками Воскресения.

Между тем Мария Магдалина, которая при первом посещении гроба не нашла тела Спасителя, оставила прочих мироносиц и поспешила к апостолам с этой вестью, затем вновь пришла ко гробу и плакала подле него. Она не знала еще, что Христос воскрес, а думала, что тело Его взято кем-нибудь и положено в другом месте. Так она и отвечала явившимся ей Ангелам на вопрос: о чем она плачет? Но вот является ей Сам Иисус, Которого она сначала приняла за садовника, пока хорошо знакомый голос не назвал ее по имени: *Мария!* — *Учитель!* — воскликнула Магдалина и в радости хотела броситься к ногам Во-

скресшего, но была удержана словами: *Не прикасайся ко Мне* (Ив. 20, 11—17). Спаситель внушил ей, что теперь неуместно прежнее обращение с Ним. Он не будет более жить между людьми, но как Бог, готовится вскоре возвестись к Богу Отцу. Эту же великую истину Он поручил ей передать и апостолам. Затем встречается Иисус и других мирноносцев, идущих к апостолам с вестью, которую слышали от Ангелов; приветствует их, успокаивает и снова посылает возвестить ученикам, чтобы они шли в Галилею ожидать Его (Мф. 28, 9—10).

Таким образом, женщины удостоены и явлений воскресшего Господа Иисуса Христа и сделаны первыми благовестницами Воскресения. В этом обстоятельстве некоторые святые отцы видят особый смысл. Жена первая согрешила вначале, первая подверглась проклятию за свой грех и первая же удостоена видеть залог спасения. “Надлежало, — говорит Григорий Великий, — чтобы чья рука растворила смертное питье, та же самая подавала и чашу жизни”.

С точки же зрения прямого, непосредственного отношения к делу, некоторое предпочтение женщины в обстоятельствах явления воскресшего Иисуса Христа, есть естественный результат их горячей любви к Спасителю, есть награда за их всецелую, сердечную преданность Ему. Вместе с тем здесь нельзя не видеть нового и ясного подтверждения той мысли, что Христос снял с женщины печать отчуждения и даровал ей полное право на уважение и внимание, засвидетельствовав и осветив всесторонность ее человеческих достоинств и нравственных сил, которые не только не уступают мужским, но способны и превзойти их.

ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЕ

Внимательное и уважительное отношение к женщине, установленное Христом, проводилось и в обществе Его последователей. Значение женщины как человеческой личности, нравственно-богатой и правоспособной, развивалось и во времена апостольские.

В христианской общине, образовавшейся тотчас по вознесении Господа Иисуса Христа на небо, мы видим женщин, которые вместе с другими верующими единодушно пребывают в молитве и ожидают сошествия Святого Духа (Деян. 1, 1). Ученики Христовы убеждены, что дары Святого Духа имеют сообщиться всем, без различия званий и полов; в этом смысле апостол Петр, в своей речи к иудеям, в день сошествия Свя-

того Духа, объяснял слова пророка Иоиля: *И на рабов моих, и на рабынь моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать* (Деян. 2, 17—18). Общество верующих быстро увеличивалось: мужчины и женщины слушали проповедь о Царствии Божием и о Христе и ежедневно во множестве присоединялись к этому обществу (Деян. 5, 14). Многие из верующих сподоблялись высших даров духовных, например пророчества. Наряду с пророками Нового Завета Агавом, Иудой и Силой (Деян. 15, 32; 11, 28; 21, 10) видим четырех пророчиц, дочерей Филиппа, одного из семи диаконов. Гонения со стороны врагов христианства простирались на всех же. Савл терзал Церковь Христову, врывался в дома и, влача мужчин и женщин, отдавал их в темницу (Деян. 8, 3). Таким образом, в первенствующей христианской общине все были более или менее равны и по правам, и по положению; всем оказывались одинаковые уважение и любовь; никого не думали унижать, презирать, отчуждать (Деян. 2, 44—46). Если же некоторые иногда изверга-

лись из общества христиан, то в основание для извержения принималось не происхождение, не пол, не состояние и т. п., а недостатки чисто нравственные, отступление от чистоты христианской веры и жизни. Так например, Анания и жена его Сапфира потерпели тяжкое наказание за обман (Деян. 5, 1—11).

Малейшее невнимание или небрежение к другому, хотя бы оно происходило и не из гордости, было чуждо первенствующих христиан. Когда например, с увеличением числа верующих, возник ропот со стороны евреев из эллинских стран на иудеев за то, что вдовицы их были пренебрегаемы в ежедневном раздаянии потребностей, апостолы тотчас поспешили устранить это недовольство. Нет основания думать, чтобы это небрежение о вдовицах происходило от недоброжелательства, или надменного презрения к слабым, оно было просто следствием многолюдства, на которое святой повествователь в настоящем случае и обратил свое внимание. Как бы то ни было, но невнимательность эта тотчас же возбудила ропот и потом побудила апо-

столов немедленно придумать средства к устранению неприятности. Апостолы предлагают народу избрать из среды своей семь достойных мужей, которые могли бы принять на себя исключительно хлопоты относительно ежедневной и правильной раздачи потребностей. Таким образом, права всех и, в частности, женские настолько уважались, что первое случайное нарушение их, первая невнимательность к вдовицам, вызвали даже учреждение новой, особой должности — диаконской (Деян. 6, 1—6).

Так же как при Иисусе Христе, и при апостолах женщины выказывали особое рвение к делу христианства, оказывали им свои услуги и помощь и в свою очередь пользовались их расположением.

В иудейском городе Иоппии жила добродетельная женщина христианка по имени Тавифа. В то время, как апостол Петр утверждал веру в Лиде близ Иоппии, Тавифа умерла. Апостолу дали знать об этом и просили его прийти. Он не замедлил явиться и, когда увидел плачущих вдовиц около умершей, стал усердно молиться и просить помощи у Бога,

чтобы возвратить к жизни умершую женщину. После молитвы апостол, по примеру Спасителя, восклицает: *Тавифа! встань!* (Деян. 9, 40). Потом, когда она открыла глаза и села, он, подав ей руку, поднимает ее и представляет живую тем, с которыми жила она (Деян. 9, 36—41).

В Деяниях святых апостолов апостол Лука рассказывает, что ему вместе с Павлом, Силой и Тимофеем пришлось несколько дней пробыть в македонском городе Филиппах. Однажды все они вышли за город, к реке, где был молитвенный дом. Здесь они сели, и около них собралось много женщин, которые слушали апостолов и разговаривали с ними. В числе этих женщин была некая Лидия, из города Фиатир, торговавшая багрянцами. Слова апостола Павла произвели на нее сильное и благотворное действие. Она крестилась со всем своим домом и просила апостолов пожить у нее, если они признают ее верной. Апостолы охотно приняли предложение женщины (Деян. 16, 12—15). Дом ее с этих пор сделался как бы церковью, где апостолы проповедовали веру Христову.

В этом же городе Павел освободил одну служанку от злого духа, но так как господа этой служанки из ее болезни извлекали для себя доход, потому что она, под влиянием духа, предсказывала будущее, то Павла и Силу они обвинили перед начальством, как возмутителей. Апостолы были заключены в темницу, где, впрочем, провели время не без пользы для веры, ибо обратили к ней темничного стража и все его семейство. Впоследствии, освободившись из темницы, они снова пришли к добродетельной Лидии, в доме которой и жили несколько времени, поучая братию (16—40). Так, при пособии женщины, образовалась в Греции первая христианская община, которая свою веру и христианскую любовь доказала тем, что дважды посылала апостолу денежное вспоможение, и к которой он несколько спустя писал целое послание, отличающееся особенной задушевностью.

Когда апостол Павел был в других македонских городах Фессалониках и Верии, многие из знатных женщин слушали его и присоединялись к нему

(Деян. 17, 4, 12). Но вот пришел апостол в Афины, центр древней образованности, науки и языческих верований, где тогда люди проводили время в бесплодных словопрениях и пересудах. Апостол смело произнес перед ними свою великую проповедь. Его привели в ареопаг и обвинили в том, что будто он проповедует новых богов. *“Афиняне! — сказал тогда Павел, — по всему вижу я, что вы люди набожные. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: “неведомому Богу”. Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам”* (Деян. 17, 22—23). Когда апостол заговорил о воскресении и последнем Суде, многие из слушателей стали издеваться над непонятными для них речами; другие говорили: послушаем тебя в другой раз; но были и такие, в душу которых запала искра божественного учения. Из них дееписатель называет Дионисия Ареопагита и женщину по имени Дамарь (Деян. 17, 16—34).

В Коринфе апостола Павла поместили у себя понтийский иудей Акила и жена его Прискилла, которые, по изгна-

нии из Рима, вследствие указа Клавдия против иудеев, поселились в Коринфе. Эти новые друзья Павла были простые ремесленники, делавшие палатки (Деян. 18, 3). Поселившись в доме добродетельной Прискиллы и ее мужа, апостол прожил здесь около двух лет.

Благочестивые супруги так привязались к апостолу, что, когда он, вследствие происков иудеев, должен был оставить Коринф и отплыл в Сирию, отправились вместе с ним (Деян. 18, 18). В Ефесе Павел оставляет своих спутников, вероятно для того, чтобы они здесь проповедовали, ибо, быв при нем столько времени, они многому от него научились. Апостол не мог согласиться исполнить желание своих друзей и остаться долее у них: он непременно хотел провести приближающийся праздник в Иерусалиме, и, пообещав возвратиться к ним после, отправился из Ефеса (Деян. 18, 18—21). В Ефесе Акила и Прискилла оправдали возложенные на них апостолом надежды. Сюда пришел вскоре один александрийский ученый иудей, по имени Аполлос, который слышал только начатки

христианского учения и знал лишь крещение Иоанна Предтечи. Между тем как человек красноречивый и сведущий в писаниях, он смело стал говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла пригласили его к себе в дом и здесь более основательным образом познакомили его с евангельским учением. Потом вместе с другими христианами решили послать его в Коринф для проповеди, предварительно написав тамошним ученикам, чтобы те приняли его. И Аполлос, благодаря наставлениям их, оказал большие услуги христианской проповеди в Коринфе (Деян. 18, 27—28) и утвердил там церковь. Таково было влияние Прискиллы на церковь коринфскую, которую впоследствии она с мужем приветствовала через Павла (1 Кор. 16, 19).

Впоследствии Акила и Прискилла опять возвратились в Рим, который собственно и был обыкновенным их местом пребывания, откуда они лишь на время, по торговым делам или по иным причинам, удалялись в другие места, например в Азию (2 Тим. 4, 19). И в Риме,

как в Ефесе, в их доме происходили христианские собрания (Рим. 16, 3), и здесь они возвращали и укрепляли те семена христианства, которые раньше были посеяны там вероятно военнопленными иудеями. Некоторых из них апостол Павел приветствует в конце своего Послания к Римлянам. На первом месте между приветствуемыми им римскими христианами мы опять встречаем Прискиллу и Акилу с их домашней церковью (16, 3—4). Апостол называет их своими сотрудниками во Христе Иисусе и особенно восхваляет их за то, что они голову свою полагали за душу апостола. *Не я один благодарю их, — прибавляет апостол, — но и все церкви из язычников* (16, 4). А Златоуст замечает на это: “Столько они были добродетельны, что обратили дом свой в церковь, так что все их домашние сделались верными, и дом их отверзт был для всех странных. Ибо апостол не имеет обычая без разбора называть дома церквями, если в них нет примерного благочестия и не вкоренен особый страх Божий. Ни ремесло, ни брачный союз не вредили им,

напротив, они явили в себе такую любовь, какой потребовал Христос, сказав: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей их* (Ин. 15, 13). Они исполнили то, что служит признаком Христова ученика: взяли крест и последовали за Христом. Ибо делавшие это для Павла, тем паче показывали такое же мужество для Христа". Павла они защищали, с опасностью собственной жизни, от вражды неверовавших иудеев, вероятно в Коринфе, где его злословили (Деян. 18, 6) и привлекали к судилищу (ст. 12 и дал.); или может быть в Ефесе, во время народного возмущения, произведенного против Павла языческим среброковачем Димитрием (Деян. 19, 24). Между прочим, за это спасение жизни апостола и учителя благодарили их и все языческие церкви, хотя поводом к благодарности со стороны последних могли быть и те великие дела благотворительности, которыми отличались Прискилла и Акила, когда сами будучи иудеями, но свободные от иудейских предрассудков, они язычникам служили со всем усердием. Полное право

на благодарность и славу они приобрели особенно такими подвигами, как участие в христианском просвещении Аполлоса, который сам впоследствии продолжал дело апостола в Коринфе (Деян. 18, 27—28).

Апостольское приветствие Прискилле и Акиле мы еще встречаем во Втором Послании к Тимофею (4, 19). Видно, велики были уважение и любовь апостола, да и всей Церкви, к этим личностям.

Второе Послание к Тимофею прислано апостолом из Рима, а Тимофей находился тогда, по всей вероятности, в Ефесе, или где-нибудь в Малой Азии. Там же, следовательно, по какому-нибудь случаю были и возлюбленные апостолом скинотворцы; вероятно, они удалились из Рима вследствие Неронова гонения, происходившего в то время.

В рассматриваемых приветствиях апостола достойно внимания особенно то обстоятельство, что на первом месте он поставляет Прискиллу жену, а не Акилу — мужа. Такого рода порядок вообще противен духу греческой письмен-

ности. Но, по объяснению отеческому, апостол делает так, из уважения к большому благочестию и усердию Прискиллы в деле распространения веры. Поэтому и Златоуст более останавливается на прославлении жены скинотворца, чем его самого. И просвещение Аполлоса он приписывает, главным образом, стараниям Прискиллы. Может быть, Акила более был занят продажей палаток, чем заботами об апостолах и Евангелии. “При апостолах, — рассуждает по этому поводу Златоуст, — женщины не заботились о том, о чем нынешние, как бы одеться в великолепные одежды и приукрасить лицо свое умываниями и притираниями и мучить мужей своих, заставляя покупать и платье более дорогое, нежели у соседки и женщины равного звания, и белых мулов, и золоченую сбрую, и евнухов для прислуги, и большую толпу служанок и все прочее, относящееся к смешной пышности; но, отказавшись от всего такого, отвергнув мирскую гордость, они домогались только одного, как бы сделаться общницами апостолов и участвовать в одной и той

же с ними молитве. Скажи мне, какая царица столько знаменита и так прославляется, как эта жена скинотворца? Она у всех на устах и так будет не десять и двадцать лет, но до Второго Пришествия Христова. И притом, все прославляют ее за то, что украшает ее более царской диадемы. Да и что более важно, что равняется с тем, чтобы быть заступницею Павла и с опасностями для себя спасать учителя вселенной? Сосуд избрания не стыдится наименовать женщину своею споспешницею, даже хвалится этим, потому что не смотрит на природу, а венчает добрую волю". Сказанное о Прискилле достаточно свидетельствует о ее высокой деятельности, также и об уважении к ней, со стороны апостолов и всей Церкви. Предание прибавляет, что свою славную в христианстве жизнь Прискилла окончила мученической смертью, вместе со своим мужем, при императоре Нероне.

В той же главе Послания к Римлянам апостол Павел упоминает о многих других женщинах, разделивших с апостолами труды проповедничества и раз-

личным образом служивших делу веры, подвергаясь разного рода опасностям, ссужая бедных деньгами, совершая путешествия и т. п. Всем им, наряду с некоторыми мужчинами, он посылает приветствия (ст. 6). *Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас* (Рим. 16, 6). Апостол не указывает подробно, в чем состояли ее труды, он не делает здесь даже такого определения труда, как в Первом Послании Тимофею (5, 17); но несомненно, что труды эти касались дела христианской веры и благотворительности. Какая это Мария, неизвестно. Есть мнение, что это та же самая Мария, которая в одном древнем послании, приписываемом св. Игнатию, называется “Богодостойною и мудрейшею из женщин”, а также (в послании к диакону Герону) “ученейшею и образцом благочестивых женщин”. *Приветствуйте Андроника Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между апостолами, и прежде меня еще уверовавших во Христа* (ст. 7). Эта Юния почитается женою или сестрою Андроника. Сродниками своими апостол

называет их по единству или национальности (иудейской), или колена Вениаминова, из которого происходил Павел, или просто по родству с ними (ср.: ст. 11). Для нас важнее другое, даваемое им, название союзников или сопленников. Павел часто подвергался преследованиям, заключению, побоям и разного рода опасностям и лишениям (Деян. 14, 19), как он и сам о себе рассказывает во Втором Послании к Коринфянам (2 Кор. 6, 4). Андроник и Юния, трудясь на одинаковом поприще с апостолом, разделяли его опасности и страдания. Павел называет их даже “нарочитыми во апостолах”. Значит, они особенно прославились между проповедниками Евангелия, находились в близком отношении к апостолам и пользовались любовью их и всеобщим уважением. Они веровали во Христа тогда еще, когда сам Павел был гонителем Церкви Божией.

Христианская община в Риме существовала с самых первых моментов христианства (Рим. 1, 8), но неизвестно с точностью, кто именно основал ее. Папское предание, называющее апостола

Петра основателем Римской Церкви, как известно, не имеет исторически достоверных доказательств. Очень может быть, что иудеи, проживавшие в Риме, и те пришельцы из Рима, которые присутствовали на празднике Пятидесятницы в Иерусалиме (Деян. 2, 10), посеяли в древней столице мира первые семена христианства. В числе их можно считать и Андроника с Юнией, которые таким образом прославились между апостолами и веровали во Христа прежде самого Павла.

Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе (Рим. 16, 12). О Марии апостол сказал, что она *много потрудилась для нас*, а об этих женщинах замечает, что они продолжают еще трудиться для Господа. Имя Трифены упоминается в сказании о святой перво-мученице Фекле, как защитнице Феклы против нападений ее врагов, помощницы ее и как женщины, много помогавшей бедным от своего большого имущества. Некоторые толкователи отождествляют эту Трифену с той, о которой упоминает апостол Павел.

Приветствуйте Персиду возлюбленную, которая много потрудились о Господе (Рим. 16, 12). Персиду называют нежным именем возлюбленной, как называли Епенета (ст. 5), Амилия (ст. 8) и Стахия (ст. 9). Не значит ли это, что об этих лицах апостол не только слышал, но сам находился с ними в близких, христианских дружественных отношениях? Персиду также мог отличить апостол Павел перед только что поименованными женщинами именно за то, что она *много потрудились*, подъяла какие-то особенные, тяжкие труды. Во всяком случае, название *возлюбленной* выражает христиански уважительное и чистое отношение к женщине. Подобное название он дает Апфии, жене Филимона, колосского христианина, посылая ей также приветствие в Послании к Филимону: *И Апфии, (сестре) возлюбленной... благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (2—3).

С особенной похвалою в Послании к Римлянам апостол отзывается о Фиве, диакониссе церкви Кенхрейской, близ Коринфа, из которого он прислал и свое

Послание в Рим. Убеждение, что именно Фива принесла Послание Павла к Римлянам (Рим. 16, 1), было так распространено в древности, что во многих изданиях и переводах в конце Послания к Римлянам сделано прибавление о том, что Послание принесено Фивой, диакониссой Кенхрейской церкви.

Сначала апостол как бы рекомендует Фиву римлянам: *Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской*. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас: ибо и она была помощницею многим и мне самому (16, 1—2). В этих словах высказывается великое уважение Павла к этой женщине и заботливость о ней. Во-первых, он называет ее одним из тех нежных, выражающих равенство и почтение, названий, какие он дает иногда и другим женщинам своего времени. Он называет ее своею сестрою, сестрою не по плоти, но в духовном, христианском смысле, по которому все христиане называются братьями и сестрами (Иак. 2, 15), в знак своего общего равенства во

Христе. Во-вторых, апостол убеждает римлян принять Фиву для Господа, или о Господе, то есть с честью, по-христиански, где даже и незначительный человек принимается со вниманием и уважением, тем более служительница Господа должна быть принята с честью. Апостол внушает принять ее так, как достойно, или прилично принимать святых, верующих христиан.

Далее святой Павел просит римлян помочь Фиве во всем, в чем она будет нуждаться у них, тем более что и сама она была помощницей многих, даже и самого апостола. Конечно, Фива была одна из тех известных по добрым делам женщин, о которых апостол говорит в Первом Послании к Тимофею. Она воспитывала детей, принимала странников, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу (5, 10). Самое служение Фивы как диакониссы, требовало, чтобы она была помощницей многих.

Выше мы видели, что когда апостол был в Филиппах (Деян. 16, 12), то здесь женщины явились в числе первых его

ревностных последовательниц; некоторые из них, вероятно, приняли на себя продолжение дела апостола после его удаления оттуда. К числу таких и принадлежат упоминаемые в Послании к Филиппийцам Еводия и Синтихия.

Филиппийская церковь твердо держалась веры и видимо совершенствовалась, как можно заключать из некоторых мест Послания (1, 3—8; 4, 1) и из всего тона его; но и эта, особенно верная апостолу церковь, вошла, хотя лишь в далекое, соприкосновение с иудейскими, фарисейскими лжеучителями. Вот почему апостол Павел находит нужным сделать в своем Послании, между прочим, отеческое предостережение от иудейских заблуждений (3, 2—16) и от лиц безнравственно поступающих. Но к этому он еще присоединяет частные внушения Еводии и Синтихии, которые, видно, были влиятельными и деятельными лицами в церкви Филиппийской. Апостол уговаривает их согласно мыслить о Господе, не разделяться, ибо ничто так не препятствует успехам евангельской проповеди, как разногласие, особенно

между теми, которые пользуются в обществе авторитетом. А такими именно и являются в Филиппийской церкви Еводия и Синтихия. Они много подвизались в благовествовании, вместе с апостолом и его сотрудниками — Климентом и другими, имена которых, по выражению апостола, в книге жизни, слава которых, значит, велика не на земле только, но и на небе. Апостол видел, сколько важно для всей Церкви согласие между Еводией и Синтихией. Поэтому заботливость о них объясняется не только вниманием его к этим женщинам, но и важностью их общественного значения. Павел не довольствуется только увещанием их, но просит еще одного своего искреннего сотрудника (вероятно, Епафродита, ср.: 2, 25) позаботиться о них, помочь им, в чем нужно: касается ли то нужд материальных или духовных. Этих женщин апостол даже приравнивает к себе; возбуждает к ним внимание христиан, как бы равное с тем, какое имели по отношению к самому апостолу. Он просит помогать им, ибо они много потрудились для Евангелия, перенес-

ли немало беспокойств за Христа. “Не ради дружбы,— говорит Златоуст, — требует заботливости к ним, но за благодеяния”.

В то время как в Коринфской церкви возникли споры и разногласия, от которых и дисциплина церковная пришла в упадок, верующим нужно было обратиться для разрешения недоразумений и прекращения споров к основателю церкви — апостолу Павлу. Коринфяне так и сделали, прислав к нему в Ефес письмо. Но еще ранее того апостол узнал о коринфских беспорядках, как он сам говорит, от домашних Хлои (1 Кор. 1, 11).

Эта коринфская христианка, вероятно, видя возникшие в церкви споры, решила послать к апостолу с извещением для скорейшего прекращения их. Может быть, ее домашние были в Ефесе по другим нуждам и, между прочим, сообщили апостолу о происходившем в Коринфе. Во всяком случае, это указание апостола на дом Хлои свидетельствует о том, что имя этой женщины пользовалось известностью и что она принимала живое участие в делах об-

щественных. Он не решился бы упомянуть имя Хлои, если бы это имя не было авторитетно между коринфскими христианами. Златоуст в этой ссылке на дом Хлои прямо видит мудрость апостола, который указал на известный дом, дабы возвещенное не показалось вымышленным. Вероятно и Хлоя, подобно Прискилле, Еводии с Синтихией и другими, принимала деятельное участие в делах своей общины, трудилась на пользу церкви и пользовалась доброю известностью.

Ввиду таких фактов становится понятным и то обстоятельство, почему враги христианства, желая поколебать основы веры и нарушить спокойствие жизни первенствующих христиан, старались прежде всего воздействовать на женщин. Так, антиохийские иудеи, воздвигая гонение на Павла и Варнаву, сначала подстрекают против них набожных и почетных женщин и первых в городе людей (Деян. 13, 50). Очевидно, они видели, как скоро и охотно женщины следовали за апостолами и какое влияние получали в обществе христианском, по-

этому и спешили расположить их против христианства, чтобы потом действовать беспрепятственнее.

Между апостольскими Посланиями, предназначенными некоторым частным лицам, находим и послание к женщине. Апостол и евангелист Иоанн Богослов, как известно, написал три Послания: 1-е Послание к малоазийским христианским обществам, 3-е Послание к некоему Гаю, уважаемому в среде своего общества мужу, и 2-е Послание к некоей благочестивой женщине. Достоверных сведений о лицах, к которым назначены Второе и Третье Послания, не имеется и исследователи Священного Писания держатся разных мнений особенно относительно того, к кому написано Второе Послание. Оно начинается так: Старец — избранной госпоже и детям ее... Да будет с вами благодать, милость, мир... (2 Ин. 1—3). В Послании апостол выражает свою радость о том, что дети этой женщины хранят истинное учение Евангельское, повторяет заповедь о любви к ближним, с настойчивостью увещевает эту христианку не

иметь ничего общего с лжеучителями, дает обещание лично прибыть к ней, и, наконец, приветствует ее от детей сестры ее избранной. От этой женщины Послание Иоанна сделалось потом достоянием всего христианского мира, подобно другим апостольским посланиям к частным лицам.

Когда апостол Павел проповедовал в Иконии, его случайно услышала одна богатая, образованная и красивая девушка — Фекла. Евангельское слово произвело свое глубокое действие. Фекла не хотела ни на минуту оторваться от растворенного окна своего дома, в то время, когда апостол громко поучал христиан в соседнем доме. Мать девицы Феоклия и жених ее Фамир — оба язычники — объясняли такое поведение Феклы любовным влечением к чужестранцу, но ни убеждениями, ни упреками, ни ласками, ни слезами не могли отвлечь ее от необыкновенного проповедника веры, любви, воздержания, целомудрия, нестяжательности.

По проискам взбешенного Фамира, Павел привлечен был к суду и заклю-

чен в темницу. Фекла не хотела расстаться с ним. В полночь, подкупив темничных стражей, она смело явилась в темницу и у ног апостола заявила свое намерение слушать его. С великой радостью апостол принял новую ученицу Евангелия. “Блаженна ты, — говорил он ей, — что оставляешь обычную женскую суету; оставь и женскую слабость, если б тебе пришлось бороться с нашими врагами. Одушевляемая верою и любовью ко Христу, ты можешь победить всевозможные козни их, а своею твердостью и других расположишь к Евангелию, подобно апостолам, к которым, как я убежден, и будешь причислена”. (Житие первомученицы Феклы)

Страшному гонению с того времени подверглась девица от язычников. Она оставила свой город и с необыкновенной нравственной твердостью последовала за Павлом в Антиохию. Но и здесь не уменьшились для нее опасности, которые предсказывал ей Павел. Молодая и красивая Фекла понравилась знатному антиохийскому начальнику Александру. Он требовал от чужестранца, чтобы тот уступил ему свою спутницу. Павел

объяснил градоначальнику, что спутница никоим образом не принадлежит ему, а следует за ним в качестве ученицы, оскорблять которую никто не имеет права. Фекла подтвердила слова апостола, прибавив, что она дала обет христианскому Богу — остаться навсегда девою. Намерение Александра употребить насилие над Феклой вызвало ее на решительный поступок: она публично сорвала с головы градоначальника золотой венок. Девуцу отдали на растерзание зверям. Но, выпущенные против нее, звери смиренно легли у ног ее. Фекла воспользовалась этим, чтобы перед всеми открыто заявить силу христианского Бога. Сам судья умилился, слушая ее речи.

Отыскав снова апостола в ликийском городе Мирах, она была уполномочена избрать себе какой-нибудь город, для проповеди христианской. И вот, в Икони, а потом в Селевкии, является святая Фекла с апостольским благовествованием. Мужчины и женщины приходили слушать ее. Все пользовались благодеяниями добродетельной девы. Больные

и бедные, огорченные и несчастные всякого рода прибегали к ней, как к самому опытному и доброму врачу. До глубокой старости дожила таким образом святая равноапостольная Фекла.

Никита Пафлагонский, один из жизнеописателей святой Феклы, рассуждает: “В каком чине мы поместим святую Феклу? Не причислить ли ее, как сделавшуюся для мира образцом всякого целомудрия и подвижнической жизни, к прожившим девственно и благочестиво? Но в таком случае не отчуждить бы ее от чина увенчанных за подвиги; ибо она не уступает никому и в первом мученическом венце; она первая из женщин напряженными борениями устранила бесславие женского пола, первая состязалась с духовным бойцом и несильными ногами попрала великого змея, почему как венценосная царица находится одесную Всецаря. Что же? Причислить ее к увенчанным за подвиги? Но она участвовала с Павлом в благовествовании, подражала ему в словах, делах и, разделяя с ним гонения и искушения, сделалась апостолом Иисуса Хри-

ста и не желала бы быть соприсчисленною к мученикам. Как же бы нам, хваля ее, оказать приятное ей? Не очевидно ли, что ей следует быть предметом хвалы и удивления не за одно, или за два ее преимуществ, но за все ее святые действия, которыми засвидетельствовано, что она заслужила великую славу.”

Святой Амвросий и другие святые отцы с великими похвалами отзываются о Фекле и называют ее подругой апостола.

Сохранились и другие предания в этом роде из времен апостольских. Достоверность же этих преданий подтверждается некоторыми древними свидетельствами. Так, Климент Александрийский утверждает, что апостолы, во время своих путешествий, брали с собой женщин в качестве сотрудниц в деле проповеди, и что через них учение Господа распространялось особенно между женщинами.

Апостол Петр, прибыв в Рим, был принят там Прискиллой, женой сенатора Пудена и его двумя дочерьми Пудентианой и Пракседой. Вскоре апостол обра-

тил их к христианству; а через них обратил и главу семейства с его сыновьями Тимофеем и Новатом. По смерти своих родственников эти женщины отказались от брака, продали свои виллы, посвятили себя девственной жизни и служению Богу. Дом свой они отдали для присоединения неверных и крещения новообращенных, где они могли бы слушать слово Божие и приготовляться к вступлению в Церковь. Епископ Пий освятил этот дом и устроил там крестильню. И доселе сохраняется в Риме эта древняя и первая из римских церквей, под именем святой Пудентианы, основанная благодаря женскому участию.

По словам Климента Александрийского, приведенным у Евсевия, жена апостола Петра следовала за своим супругом в Рим и сопровождала его на пути мученичества за Христа. Говорят, видя, что его жену ведут на смерть, Петр был очень обрадован ее призыванию к мученичеству за Христа. Обратившись к ней, он воскликнул: "Жена, помни Господа!" Твердость, с которой страдала эта женщина, говорят, произвела сильное впе-

чатление и на апостола, который и сам почувствовал в себе более чем когда-либо пламенное желание скорее следовать тем же путем на Небо за той, которую на земле Бог дал ему в подруги и помощницы.

В апостольских трудах Петра на Востоке много помогала ему святая Петронилла, просвещенная им и посвятившая себя девству. Матфею, во время его миссии в Эфиопии, помогала Ифигения, царская дочь. Во время проповеди Андрея в Патрах одними из первых его последовательниц были: Максимилла, жена правителя Егеата, и ее служанка Ифидамия. Максимилла, несмотря на все угрозы мужа-язычника, не хотела оставить своего учителя, подобно святой Фекле.

С Филиппом разделяли благовестнические труды его четыре дочери-пророчицы, о которых упоминается в Книге Деяний Апостольских (21, 8—9), и которые, по преданию, погребены вместе с отцом в азийском городе Иераполисе.

ЖЕНЩИНЫ — РАСПРОСТРАНТЕЛЬНИЦЫ ХРИСТИАНСТВА

В последующий за апостольским период распространения и утверждения христианства, женщины также являются в блеске нравственного величия и продолжают играть видную, деятельную роль. Они сами, скоро и охотно, принимали христианство прежде своих отцов, мужей и братьев, с твердостью и самоотвержением исповедовали его и других располагали различными способами к тому же. “У нас, — говорил философ Афинагор, — вы найдете людей необразованных, ремесленников, старых женщин, которые, если не в состоянии показать пользу нашего учения словом, то делом подтверждают его нравственную благотворность. Они не слова затверживают, но совершают добрые дела”.

Из разных мест сочинений Тертуллиана видно, что многие женщины уже принадлежали к христианству в то время, когда мужья их и другие родственники оставались еще в язычестве; они были верными христианками несмотря на то, что им сильно препятствовали в деле служения их Христу. Римский историк Тацит упоминает о знатной жене полковника Плавтия — Помпонии Грецине, которая была обвинена в исповедании чужеземных суеверий, отдана на суд мужа и оправдана, после чего еще долго жила и много перестрадала. По всем признакам эту женщину можно причислить к обществу христиан, которое в то время только еще зарождалось в Риме. Императрица Юлия Маммея, мать Александра Севера, отличалась покровительством христианству, приглашала к себе в Антиохию Оригена, чтобы ознакомиться с истинами христианского учения, и заслужила у Евсевия славу благочестивейшей из женщин.

Рассказы о христианских мученицах, например, Потамиэне, Бландине, Перпете, Фелицитате, Февронии и многих дру-

гих, поражают великой нравственной силой этих женщин, которые твердо боролись за имя Христово против языческих обольщений, угроз, насилий, родственных привязанностей и героически переносили всевозможные, страшные мучения — физические и нравственные. За Бландину, рабу одной галльской христианки, верующие сильно опасались, как бы она не отреклась от Христа, ибо она была так молода и слаба сложением, что казалось невозможным для нее перенести истязания с твердостью. Между тем среди самых страшных пыток, она ни на минуту не поколебалась исповедовать себя принадлежащей к обществу христиан, между которыми, как говорила она, не совершается никаких преступлений. Казалось, что исповедание имени Христова придавало ей всякий раз новую, сверхъестественную силу. Принужденная присутствовать при казни братьев по вере, она не только сама не ослабевала духом, напротив, других подкрепляла: пятнадцатилетний Понтик умер славной смертью во время истязаний, подкрепляемый Бландиной. После того

Бландину долго еще мучили, бросили зверям, которые влачили ее по окровавленной арене, пока, наконец, мученица не была заколота ножом. Сами язычники удивлялись этой необыкновенной твердости духа и не понимали, откуда такая сила терпения в юной и слабой девице.

В Карфагене, во время Септимия Севера, в числе других христиан предана была на мучение знатная и богатая молодая женщина Перпетуя с беременной служанкой Фелицитатой. После продолжительных допросов в течение нескольких дней, Перпетую, в детстве привыкшую жить в богатстве и роскоши, заключили с другими в мрачную темницу, до того тесную, что там едва можно было дышать. При этом отняли у Перпетуи ее единственного ребенка, которого она еще кормила грудью. Материнское чувство не могло не тревожиться о младенце. К довершению страданий этой женщины к ней в темницу пришли ее родители, из которых отец был язычником, а мать тайная христианка. Старик-отец со слезами умолял дочь сжалиться над

ним и над его внуком-младенцем. “Дочь моя, — говорил он, — пожалей меня! Вспомни, что я всегда любил тебя более всего на свете; сжался над невинным ребенком: как будет он жить без тебя? Не бесчесть рода своего. Посмеем ли мы показаться куда-нибудь, если ты померешь позорною смертью от руки палача?” И старец становился на колени, целовал руки дочери своей. Мать тоже плакала, при виде этой раздирающей сцены, но молчала. “Не скорби, отец; будет то, что угодно Богу: мы зависим не от себя, а от Его воли,” — говорила мученица. Перпетую скоро привели на публичный допрос. Отец ее явился на судилище с ребенком на руках, надеясь, что любовь к сыну-младенцу склонит мать к отречению. Снова начал он умолять ее. И судья Иларий говорил при этом: “Ужели ты, Перпетуя, решишься опечалить старца-отца и покинуть невинного младенца? Согласись совершить жертвоприношение”. — “Не могу, — решительно отвечала молодая женщина, — я христианка”.

Долгие увещания и мольбы отца остались безуспешны. Его наконец удалили, к новому огорчению любившей его дочери. Подсудимых осудили на растерзание зверям. Выслушав приговор, они все возвратились в темницу. Фелицитате между тем наступило время разрешиться от бремени; она стонала, мучаясь родами. Кто-то заметил ей: “Если ты стонешь теперь, что же будет, когда тебя бросят зверям?” — “Я теперь мучусь одна, — отвечала мученица, — а тогда Господь будет разделять страдания мои, потому что я за Него буду терпеть мучения”.

Кротость и твердая вера христиан так поразили одного из темничных сторожей, что он сам обратился и, сколько мог, старался облегчить их участь. Во время казни, Перпетуя, уже раненная когтями зверей, держа за руку Фелицитату и забыв собственные страдания, подкрепляла дух молодых христиан, говоря: “Пребудьте тверды в вере и не устрашайтесь страданий!” Случай, подобные рассказанным, повторялись постоянно в века мученичества.

В то же время женщина заявляла себя тогда и с других сторон. Она служила Церкви всем, чем могла. Часто гонимые христиане находили себе приют у благочестивых женщин. По свидетельству языческого писателя Лукиана, ежедневно поутру можно было видеть множество женщин, толпившихся около темницы с целью чем-нибудь услужить заключенным христианам. Заметив, какое участие принимали христианские женщины в судьбе заключенных за веру, и какое влияние часто оказывали на них, поддерживая их твердость, язычники запрещали женщинам вход к заключенным. Но они нередко стригли себе волосы, одевались в мужской костюм, пренебрегали своими женскими украшениями, лишь бы иметь возможность послужить исповедникам. Так сделала, например, в гонение Максимиана святая Наталия, супруга мученика Адриана, содержавшегося в темнице.

Тела мучеников, как знаменитые трофеи победы христианской истины над языческим заблуждением, весьма уважались в древней Церкви. Известно, что

и бескровная жертва совершалась на гробах мучеников. Женщины особенно потрудились в деле сохранения останков мучеников. Они собирали их и хоронили на своих землях, или где находили удобным. Так останки великого из апостолов Павла схоронены, по преданию, римлянкой Луциной на принадлежащей ей земле, около большой Остийской дороги, где потом был построен храм святого Павла. Почти все сказания о мучениках заканчиваются замечанием, что такая-то женщина позаботилась собрать останки мученика и похоронить их в том или другом месте. Впоследствии, по указанию женщин, верующие собирались на месте погребения, отдавали должную честь погребенным, иногда строили здесь храмы.

Прошли три века гонений на христианство. Наступило время торжества Евангелия. Женское участие в деле этого торжества продолжало быть весьма значительно. Святая Елена, мать римского императора Константина, которая была уже христианкой в то время как сын ее оставался еще язычником, оказа-

ла великие услуги христианской вере своим содействием обращению сына, покровительством христианам вообще и потом своим усердием в деле открытия древних памятников христианской святыни, в числе которых был и Святой Крест Христов. Она много заботилась о построении христианских храмов и уничтожении остатков язычества.

В истории распространения христианства между славянскими народами известны имена: святой Людмилы, супруги чешского короля Буривоя; Домбровки, супруги польского короля Мечислава; Ольги, матери святого равноапостольного Владимира русского. Принятие христианства Борисом болгарским объясняют также влиянием сестры его, воспитывавшейся в православии в Цареграде.

Даже в отдаленные страны мира свет Христова учения проникал нередко при посредстве женщин. Около 326 года племянница иерусалимского епископа, Нина, давно занятая мыслью о проповедании Евангелия народам непросвещенным и не раз видевшая сны об этом, во время

одного из своих путешествий попала в плен в Иверию (нынешнюю Грузию). Здесь она сделалась известна своею чистой непорочной жизнью и бескорыстной деятельностью в пользу бедных, больных. В то же время она постоянно рассказывала всем об Иисусе Христе и спасении через веру в Него. Представленная ко двору царскому, она чудесно излечила от болезни царицу и расположила ее и ее мужа Мириама к христианству. Мириам, по совету Нины, послал к царю Константину просить епископов и священников. Не меньший успех имела проповедь Нины и в Кахетинской области.

По отношению к отцам и учителям Церкви, действовавшим на поприще проповедования и защиты Евангельской истины, женщины играют такую же важную роль, как и при апостолах. Они оказывают им всевозможные услуги, помогают им материальными средствами, связями, теми или другими знаниями и, в свою очередь, пользуются их полным вниманием, уважением и преданностью. Знаменитый отец Церкви Афанасий

Александрийский, убегая от преследования своих врагов ариан, принужден был скрываться и нашел приют у одной благочестивой девы, которая, по свидетельству историка Созомена, была верным стражем и ревностным служителем святого Афанасия, умывала ноги ему, приготовляла все нужное и приносила ему от других книги, в каких он нуждался. Епископ Григорий Нисский в своем служении Церкви имел неутомимую сотрудницею сестру свою Феосевию, диакониссу, которую Григорий Назианзен называет "верным товарищем великого Григория, женою почтенною и достойною великих таинств, участницею в тайнах священства". Архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст, заботившийся много о распространении Евангелия между народами отдаленными, к которым посылал проповедников, в этом святом деле пользовался горячим участием женщин, посылавших щедрые пособия благовестникам. Когда святой Златоуст прибыл в Константинополь, он нашел в этом городе несколько благочестивых жен, посвятивших себя

служению Богу и бедным. Он стал направлять их деятельность, помогая им советами и участием своим. Совокупными трудами их было облегчено много страданий. Известны имена Никореты, Пентодии, диаконисс Прокулы, Вассианы и особенно Олимпиады. Овдовев в ранней молодости, Олимпиада отказалась вступить во второй брак с родственником царя Феодосия Великого. Это навлекло на нее гонение; император даже приказал взять в опеку ее имущество под предлогом, что она его расточает, но потом, видя, что она этим даже довольна, возвратил его. Олимпиада приняла звание диакониссы, вела жизнь самую простую и строгую и посвятила труды свои и огромное богатство на пользу ближним, тысячами выкупала она невольников, делала огромные приношения церквям, богадельням и темницам. Враги Златоуста, глубоко уважавшего Олимпиаду, возводили на нее клеветы и обвинения, но не могли помрачить ее славы: ибо она столько делала добра другим, что ее знали почти все церкви. В числе благодетельствованных ею

были и знаменитые святители, как например святой Григорий Богослов, Амфилохий Иконийский, Епифаний Кипрский, Петр Севастийский и другие, которые всегда отзывались о ней с глубоким уважением и славили за нее Господа. Врагам святого Златоуста, а следовательно и своим собственным, она благоотворила с любовью, например Антиоху Птолемаидскому, Акакию Верийскому и прочим. Со времени изгнания Златоуста из Константинополя и для Олимпиады начались тяжкие испытания. Вместе с другими почитателями Златоуста ее обвинили в поджоге Софийского храма и сената, которые загорелись вслед за удалением из города святого Златоуста. Претерпев много истязаний по этому делу, она должна была заплатить большой денежный штраф. Враги преследовали ее после и в Кизике, куда она удалась из Константинополя. Наконец в Никодимии эта замечательная женщина скончалась в заточении в 410 году.

К последнему периоду жизни Олимпиады относится ее переписка с Златоустом, находившимся в изгнании. Вспо-

миная в своих письмах о великих подвигах, добродетелях и страданиях Олимпиады, Златоуст возбуждает дух ее к неослабному терпению в скорбях и, изображая собственные скорби, соутешается вместе с ней общей верой и надеждой христианской. Письма эти весьма богаты содержанием. В них заключаются не только сведения о судьбе автора во время ссылки, но много богословских рассуждений, высоких уроков нравственности, подкрепленных библейскими примерами, в них встречаются и объяснения разных мест Священного Писания. Эти письма проникнуты теплотой чувства и глубоким уважением писавшего по отношению к святой личности женщины, к которой они адресованы.

Между множеством писем святого Златоуста находим также адресованные и ко многим другим женщинам. Все они дышат глубоким уважением и преданностью этим женщинам, выражают постоянную заботливость святителя об их благосостоянии, полны советов, наставлений, утешений.

На Западе видим также ряд женщин, которые заявили себя обширной и кипучей деятельностью на пользу христианского общества, употребляя на то часто свои огромные средства и связи. Они находились в дружественных отношениях с великими деятелями Церкви — Иеронимом, Павлином Антиохийским, Афанасием и Петром Александрийскими, Епифанием Кипрским и др., и пользовались великим уважением христиан. Особенно блаженный Иероним был другом и руководителем благочестивых жен, являвших суетному и изнеженному Риму пример чистейшей добродетели и строгой, деятельной жизни. Он объяснял им Священное Писание, разделял заботы их о бедных и больных. Это было для него великой отрадой среди неприятностей и огорчений, которые пришлось ему вытерпеть от духовенства, сильно озлобленного против него. К числу таких женщин, имена которых известны нам преимущественно из переписки Иеронима, принадлежат: Маркелла, Павла, Евстохия, Лета, Фабиола, Софрония, Юлиана и др. Молодая и

богатая вдова Маркелла, под влиянием рассказов Афанасия Великого о восточном подвижничестве, отказалась от суетной, светской жизни, усердно предалась изучению Священного Писания и много сделала на пользу бедных и больных. Мелания, вдова префекта, с двадцати лет посвятила себя на служение христианству. Во время арианского гонения при Валенте она прибыла на Восток, в продолжение нескольких дней кормила до 5000 иноков, преследуемых и лишенных всяких средств пропитания; потом последовала за изгнанными в Палестину, служила и помогала им. Поселившись в Иерусалиме, она соорудила здесь женский монастырь и приюты для бедных. Блаженный Иероним был с ней в постоянной дружбе, также как и священник Руфин, итальянец из Аквилеи. Между ними и Иеронимом возник впоследствии спор по поводу Оригена, и Мелания действовала между ними примирительницей. В старости, приезжая в Рим на родину, она многих расположила здесь последовать ее примеру и одной из лучших своих последовательниц и преем-

ниц в трудах на Востоке имела внучку свою Меланию младшую. Кроме подвигов обширной христианской благотворительности и самоотвержения, Мелания младшая известна своим благотворительным влиянием на неверных, так же как и на христиан. Император Феодосий и императрица Евдокия с пользой слушали ее советы. Многие из увлекавшихся ересью Нестория были удержаны на стороне Православия советами Мелании. С Меланией находились в самых дружественных отношениях известные в начале века епископы Палладий Еленопольский, бывший в Риме, по делу святого Иоанна Златоуста, Павлин Компанский, Алипий Тагастский, друг Августина Блаженного и сам Августин.

Известный Пелагий, основатель пелагианской ереси, сблизился с Меланией. Она настойчиво требовала от него отказаться от заблуждений; хитрый Пелагий отказался на словах от явных ошибок, но тонкими логическими выводами хотел прикрыть свои ложные идеи. Мелания передала свои разговоры с ним Августину, и тот прислал ей две свои

книги: "О благодати Иисуса Христа" и "О первородном грехе". Большую известность получила в конце IV века богатая Павла, наследница Гракхов и Сципионов, с дочерьми своими: Павлиной, Блезиллой и Евстохией и сестрой Азеллой. Под влиянием наставлений вдовы Маркеллы, оставив пышную, светскую жизнь, которую доселе проводила в Риме, Павла посетила все достопамятные святыни Востока и поселилась в Вифлееме, где основала монастырь. Она много потрудилась на пользу христианского общества, вместе с младшей дочерью своей Евстохией, которая в письме своем в Риме к Маркелле представила прекрасное описание величия древних святынь Востока. По дороге из Вифлеема в Иерусалим Павла построила странноприимные дома для богомольцев, ходила за больными. Эта женщина знала наизусть почти все Священное Писание и, дабы лучше понимать слово Божие, выучилась читать по-еврейски. Из Палестины она часто переписывалась с Римом, где оставила много друзей и трех замужних дочерей; к ним писал и Иероним, давая

им советы о воспитании детей и другие наставления. Особенно же глубокое уважение питал Иероним к Евстохии, о которой так отзывался в письме к Лете: "И слово, и походка, и жизнь ее — училище добродетелей". Он писал к Евстохии письма, богатые учено-богословским и также философским содержанием. В утешение ей, по смерти матери, он красноречивым пером описал замечательную жизнь святой Павлы. Для виффлемской общины, которой управляла Евстохия после матери, он перевел иноческие правила святого Пахомия. Толкования на пророков Иезекииля и Исаию он посвятил Евстохии, которая, под его руководством прилежно занималась изучением подлинного смысла Священного Писания.

Фабиола, знатная и богатая римлянка, разведясь с первым мужем, вышла за второго; но впоследствии, под влиянием Евангельского учения, старалась загладить свою вину всенародным покаянием и жизнью, посвященной служению Богу и ближним. По смерти второго мужа она продала свои обширные поме-

стья и соорудила первую в Риме больницу, где сама с самоотвержением служила больным, не тяготясь никакими трудами, сама перевязывала раны несчастным и всячески старалась облегчить их страдания. Желание поклониться святым местам привлекло и Фабиолу на Восток. Иероним, которого она посетила в Вифлееме, с удивлением говорил о ее благотворительности и знании Священного Писания. Возвратившись в Рим, она соорудила в Остии огромный странноприимный дом, выкупала пленных, посылала вспомоществования в отдаленные области Италии и умерла в бедности. Весь Рим толпился на похоронах великой Фабиолы, обнищавшей ради Христа и наполнившей Италию благодеяниями своими.

Многие из вышепоименованных женщин принадлежат к так называемым христианским подвижницам. История христианского подвижничества вообще весьма богата женскими именами. Нередко аристократки по происхождению, богатые и молодые, иногда изнеженные и развращенные женщины, проникались

христианскими стремлениями, отказывались от суетной, блестящей жизни и вовсе покидали общество, называвшее себя христианским, но на самом деле проникнутое безнравственными раздорами, враждой, лицемерием, привязанностью к пошлым житейским интересам, к земным почестям и богатствам. Отрекаясь от мира и всех его радостей, они удалились в пустыни, чтобы в постоянной молитве устремлять к Богу все свои чувства и помышления и всецело покорить Ему свою волю. Живым примером доказывали они суетному миру силу веры своей, для которой жертвовали всем, доказывали превосходство благ духовных над всеми земными интересами. Эта общая идея подвижничества, развивавшегося особенно в IV веке, блистательно осуществлялась женщинами, которые признавались всегда слабым полом. Великие опыты смирения, духовной борьбы, самоотречения и нравственной чистоты представляет нам христианское подвижничество: и женское не менее, чем мужское. Нередко знаменитые подвижники-мужчины преклоня-

лись перед нравственным величием жен-подвижниц, просили у них советов, наставлений и молитв.

Не жизнью своей только подвижницы представляли миру высокие уроки нравственности, но и своими устными наставлениями, которые исполнены нравственной глубины и мудрости. Известны нравственные беседы преподобной Синклитикии Александрийской, которая считается начальницей женского пустынного общежития, как Великий Антоний признается основателем мужского. По просьбе лиц, посещавших эту подвижницу, она в своих беседах с ними делает полный обзор нравственной жизни, глубокую оценку различных христианских добродетелей. Видно, что говорившая сама прочувствовала то, что говорит, прошла длинный ряд опытов в духовной жизни. В этих беседах этих находим изъяснения Писания, догматов, изречений Христа и апостолов, а также философский анализ и наблюдательность относительно различных явлений человеческой жизни, наконец, борьбу не с пороками только, но и с суевериями, и

защиту начал здравого разума, просвещенного верой. Подобные же наставления приписывают святой Федоре Александрийской. О святой Февронии, одной из сирийских подвижниц низибийской общины, рассказывают, что она, получив поручение читать с объяснением Священное Писание в обители, так ясно и отчетливо объясняла смысл того или другого места Писания, что в целом городе стали говорить об уме толковницы, и многие ходили слушать ее. О святой Макрине, сестре знаменитых Василия Великого и Григория Нисского, которая вместе с матерью основала обитель в Понте, на берегу реки Ириды, сам Григорий рассказывает, что, посетив сестру в обители, незадолго до ее смерти, он с удовольствием и изумлением слушал ее речь, легкую, изящную и возвышенную, в которой она изложила свой взгляд на человеческую жизнь вообще, на ее цель и смысл, говорила о душе, бессмертии и прочем, причем обнаружила не только изумительную твердость и глубину мысли, но и обширное знакомство с языческой философией.

Были случаи, что подвижницы являлись и на защиту христианской истины против заблуждений еретических и высказывали при этом поразительное самоотвержение. Во времена византийского императора Константина Копронома, который был гонителем иночества, иконопоклонения и почитания святых вообще, в Греции пользовалась великим уважением святая Анфуса, настоятельница мантинейской общины. Услыхав, что Анфуса в своей обители благоговейно и без страха пред людьми чтит святые иконы и даже уговорила своего брата стать в ряды защитников икон, он приказал представить к себе смелую игуменью, со всеми ее 90 сестрами. Гордый и нечестивый властитель потребовал, чтобы они отказались от своего образа мыслей; но к своему изумлению нашел в них твердый отпор своей гордой воле, в противоположность тем искателям почестей, которые в пользу их отказывались от своих верований. После наказания бичами Анфусу велено было сослать в заточение вместе с сестрами.

Замечательно, что в это время, когда чествование святых преследовалось как преступление, слагалась большая часть церковных песен, которые поются в церкви во славу Богородицы и святых угодников. На этом поприще между другими прославилась умная и весьма образованная инокиня Кассия или Кассиана. Она написала много поэтических священных песней, из числа которых всем известны прекрасные ирмосы Великой Субботы: «Волною морскою...». Ее стихира на Среду Страстной седмицы полна глубоких чувств сокрушения, выражаемых кающейся блудницей («Прими мои источники слез»). Восстановление иконопочитания и торжество Православия в 842 году, как известно, совершилось благодаря заботливости религиозной супруги Феофила императрицы Феодоры.

Ввиду тех высоких нравственных сил, с какими явилась христианская женщина как верная и ревностная ученица и проповедница Евангелия, как великая мученица за истины веры и пособница в их утверждении, как доблестная под-

вижница в христианской жизни и пр., ввиду этого христианские писатели и отцы Церкви в своих сочинениях часто проводили непризнанную в древнем мире мысль о высоких нравственных достоинствах человеческой природы женщины, в отношении которых она не уступает мужчине и за которые ей принадлежит не меньшая слава и честь.

Климент Александрийский пишет: “При видимом различии, не различную природу имеют муж и жена, но одну и ту же; почему одинаково назначены для добродетели”. Святой Григорий, прославивший в своих эпитафиях многих знаменитых жен, в надгробном слове своей сестре, отличавшейся великими подвигами благочестия и веры, замечает: “Таково естество жены, победившее в общем подвиге спасения естество мужей и показавшее, что жена отлична от мужа не по душе, а только по телу”. “Я знаю мужей и жен, — говорит он в другом месте, — которые и помыслами небесны, и телом непорочны. Все различие между ними в членах, а добродетели у тех и других общие, и общий путь к славной

жизни. Все преимущество в усердии, и то дает труд”.

Златоуст, указав на то, что женщину часто многие порицали (напр.: Сир. 25, 15—29), замечает об Анне, матери Самуила: “Она отклонила эти обвинения; принадлежа к обвиняемому и упрекаемому полу, опровергла все эти упреки, научая делами своими, что и некоторые жены были злыми вовсе не по природе, а по своему произволу и нерадению, что, и принадлежа к этому полу, можно достигнуть высокой добродетели... Если женщина предается добродетели, то скорее отдаст жизнь свою, нежели отстанет от своего намерения”.

Выходя из обычного понятия о женственности как изнеженности, а мужественности как силе и твердости, Златоуст рассуждает: “Мужественной женщине я должен отдать преимущество пред каждым мужчиною, когда она, приняв духовное оружие, облекшись в броню праведности, возложив шлем спасения, оградившись щитом веры, препоясавшись поясом истины и взявши меч духовный, выходит на сражение, блистая

оружием, духом своим стоя выше небес, разгоняя полки демонов, разрушая власть дьявола, умерщвляя страсти, повергая на землю мертвых тел более, нежели на войне, повергая не людей, но беззаконные помыслы. Ибо женщина от мужчины различается только по внешним обстоятельствам, но в подвигах благочестия у них общее поприще, общий подвиг. И женщины вооружаются на брань, допускаются на сражения, сражаются наряду с прочими, увенчиваются, провозглашаются победительницами, получают за свое мужество награды, отличия, венцы. И женщины поставляют знаменитые трофеи, часто и одерживают победы... Я это говорю для того, — прибавляет Златоуст, указав и примеры великих подвигов женщин, — чтобы ни одна женщина не имела предлога сказать: я женщина, а потому не могу достигнуть в полной мере благочестия”.

Вот как еще Златоуст изображает чудную перемену, какую христианство производило в жизни женщин, дотоле слабых и изнеженных. “Что говорю я о мужах? Девы, еще не достигшие двадца-

тилетнего возраста, проводившие все время в своих покоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанном благовониями и дорогими мастями, нежные по природе и еще более сделавшиеся изнеженными от этих усердных об них попечений, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться сластолюбию, не делавшие ничего даже сами для себя, но имеющие у себя множество приставленных к ним прислужниц, носившие на себе одежды еще более нежные, чем само их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, — эти девы, быв внезапно объаты огнем Христовым, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, о своем возрасте, расстались со всеми этими удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. И, по-видимому, я хочу сказать нечто невероятное, однако ж это истинно. Именно я слышал, будто эти

столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы, что ноги их оставались босыми, и они имели своим ложем тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи они проводили без сна и уже не думали больше ни о благовонных мастях, ни о чем-либо другом из прежних прихотей, и даже оставляли свою голову в небрежении, обыкновенно составляющую особенный предмет их попечений, так что волосы заплетали просто и как-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у них бывает только вечером; трапеза, на которой нет ни трав, ни хлеба, а только семидал, бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно они заняты прядением шерсти и имеют еще занятия, гораздо труднейшие, чем какие имеют дома у них служанки. Именно они взяли на себя труд лечить тела больных, носить их одры, умывать им ноги. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов! Так благое изволение превышает самую природу!"

О ДЕВСТВЕ

Христианская женщина с особенной любовью весьма нередко стремилась к девственному состоянию. Это явление не может быть оставлено нами без внимания при разрешении вопроса о значении женщины в христианстве. Должно признать, что христианское учение о девстве имеет для женщины особенное значение.

Выставляя девство как состояние вполне законное и даже вождеденное для того и другого пола, христианство очевидно и решительно признало этим совершенную индивидуальность человеческой личности женщины, ее самостоятельное и независимое от мужчины бытие и значение, — предметы древнему миру непонятные.

Нельзя сказать, чтобы девство было в христианстве явлением новым. Оно известно было и древнему миру. Но в древности девство имело совершенно другой характер, и значение его для женщины, было иное.

Нам известно, что в древности как вообще отдельное лицо не мыслилось отдельно от общества и вне его не имело значения, так в особенности женская личность ценилась не сама по себе, а только по своим таким или другим отношениям к мужчине. Сообразно с этим и девство там не имело личного, индивидуального характера. Кроме того, что это было явление совершенно исключительное, оно вызывалось общественными религиозными потребностями. Языческую женщину обрекали на девство для служения при храме какого-нибудь божества. Так жрицы богини — покровительницы домашнего очага — Гестии (у греков), или Весты (у римлян), обречались на девство постоянное, или ограниченное известным продолжительным сроком, под страхом ужасной казни за нарушение своего обета. Такой казни, по

преданию, подверглась, например, весталка Рея Сильвия, когда родила Ромула и Рема; ее зарыли живую в землю. Это принуждение к обету уже достаточно говорит о пассивности и порабощении языческой девственницы. Целомудрие ее, охраняемое строгими законами, считалось связанным теснейшим образом с благополучием государства. Весталки пользовались большим почетом, имели некоторые привилегии, ходили в сопровождении ликтора, пользовались особыми почетными местами в театре, могли освобождать от казни встречавшихся с ними преступников, имели право ездить по улицам Рима в то время, когда этого права лишена была сама императрица. Но все это принадлежало весталке не за ее какие-нибудь личные достоинства; все ее права зависели исключительно от ее служения; она уважалась не как личность, а как служительница уважаемого божества, в храме которого она должна была служить и близость к которому сообщала ей даже пророческий дар и чудесную силу ее молитве. Отсюда, как скоро она показывала нерадение в деле

служения, когда, например, по ее недосмотру погасал священный огонь, с нею обходились недостойным образом, подвергая позорному бичеванию. Или, в Риме был, например, закон, спасавший весталок от позора казни. Но, как ясно видно из слов Диона Кассия о дочери Сеяна, осужденной сенатом на смерть, закон этот вовсе не показывает, чтобы дорожили личностью женщины-девы, а свидетельствует только о характере религиозного чувства римлян, искони настроенного в пользу неприкосновенности девственной служительницы богов и возмущавшегося при мысли, что дева должна пасть под секирой палача. Но народное чувство остается совершенно спокойно при виде казни той же весталки, только предварительно лишенной девства.

Не таково значение христианского девства. Тип христианской девы, как мы сказали, представляет одно из лучших доказательств самостоятельности, независимости, индивидуальности женской личности. Бытие ее не связывается непременно с мужчиной. Брак для жен-

щины не есть состояние необходимое, единственно нормальное, вне которого женщина теряет всякое значение.

Некоторые говорят, что женщина, не имевшая счастья сделаться супругой и матерью, есть какое-то неоконченное существо, достойное сожаления; что всякое воспитание женщины должно обуславливаться отношением ее к мужчине. Нравиться мужчинам, быть им полезной, заставить их себя любить и почитать; или воспитывать их в юности, заботиться о них в зрелом возрасте, утешать их, услаждать их существование, — вот обязанности женщины во всякое время, и к этому нужно готовить ее с детства.

Такие мысли, стирающие самобытность женской личности, не мирятся с духом христианства, в котором существуют общие для всех нравственные интересы, более широкие и дающие более простора для развития личности и индивидуальности. В христианстве выше какого-нибудь частного служения стоит служение человечеству вообще, гармонично сливающееся здесь со слу-

жением Богу (Мф. 25, 35—46). Отсюда, пол женщины не может иметь такого исключительного значения, какое он имеет вне христианства. Женщина, оставшаяся девой, не лишается никаких своих общечеловеческих, нравственных прав как гражданка Царствия Божия, имеющая и свое служение в этом Царстве. Состояние ее не только не может быть источником скорби и унижения, напротив, является в христианстве таким состоянием, которым можно воспользоваться как средством, удобнее ведущим к высшему, нравственному совершенству и величию.

Христианская дева окружена блестящим ореолом славы, она носит лестное имя невесты Христовой, по жизни уподобляется Ангелам. Чуждая интересов земных и материальных, свободная от забот и нужд житейских, она беспрепятственно и всецело может служить высшим интересам нравственным, небесным, которые христианство поставляет для каждого на первом месте (Мф. 6, 31—33). *Незамужняя заботится о Господе, как угодить Господу, чтобы*

быть святою и телом и духом, — писал апостол Павел к Коринфянам, — а замужняя заботится о мирском, как угождать мужу (1 Кор. 7, 34).

Иоанн Богослов в Апокалипсисе представляет девство настолько высоким и святым состоянием, что только люди такого состояния сподобляются стоять пред престолом Агнца и воспевать пред Ним новую песнь. На челах у них написано имя Отца Агнца. Они одни знают только свою священную песнь, никто другой не может научиться ей. Они следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей как первенцы Богу и Агнцу. В устах у них нет лукавства; они непорочны пред Престолом Божиим (14, 1—5). В творениях святых отцов и писателей христианских с самых первых веков проводится такой же высокий взгляд на девственное состояние.

Ориген, например, в своем сочинении против Цельса, замечает : “У других мнимых богов есть девственницы, но в весьма ограниченном числе; и я не вхожу в разыскание, стерегут ли их, или не

стерегут, чтобы они пребывали в чистоте, во славу какого-нибудь бога. У христиан подвижницы соблюдают совершенное девство, не для почестей людских, не для наград и денег, и не для пустой славы". Также у Тертуллиана, Мефодия Тирского, Киприана, Антония Великого, Иеронима, Златоуста и многих других находим множество мыслей о высоте и святости девственного состояния. Они прославляют девство и величают его самыми высокими и лестными названиями. "Чудно и славно девство. Это — питье, которое исходит не землею, а небом... Это цвет на древе Церкви, красота и благолепие благодати духовной, лучшая часть стада Христова, печать совершенства, подобие Ангелам, духовная и святая жертва; это венец, сплетенный из цветов добродетели, благоухающая роза; общение славы Единого истинно Святого и Непорочного Бога. Или, по выражению Постановлений апостольских, дева есть храм Божий, дом Христов, обиталище Духа Святого".

Григорий Богослов со свойственной ему поэтичностью описывает одно та-

инственное видение, которое воспламенило в нем любовь к девственности. “Мне представлялось, — рассказывает он, — что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасны и одинаковых лет. Ни золото, ни гиацинт не украшали их шеи, ни шелковые тонкие ткани, ни хитоны из нежного льна не покрывали их членов. У них не рассыпались по плечам златовидные кудри и не играли с легким дыханьем ветерков. Поясом стягивалась прекрасная верхняя одежда, спускающаяся на ноги до пят. Головным покрывалом закрывая ланиты, стояли они, поникнув взорами к земле. Обеих украшал прекрасный румянец стыдливости, сколько можно было заметить это из-под покрывал, плотно прилегающих к лицу. Уста их, заключенные молчанием, уподоблялись розе, лежащей в окропленных росой чашечках. Увидя их, я очень обрадовался. И они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына целовали они меня своими устами, а на вопрос мой — что они за женщины, и откуда? — отвечали: «Одна из нас Чи-

стота, а другая Целомудрие. Мы предстоим Царю Христу и услаждаемся красотою небесных девственников. Но и ты, сын, соедини ум свой с нашими сердцами и светильник свой с нашими светильниками, чтобы тебя, просветленного, перенеся чрез эфирные высоты, могли мы поставить пред сиянием Бессмертной Троицы». Сказав это, уносились они по эфиру, и взор мой следовал за отлетавшими”.

Представляя девство в столь высоких и чистых образах, святые отцы строго заботились о том, чтобы эти чистые образы не помрачились каким-либо недостойным делом, или пороком, чтобы они не подпали каким-нибудь нареканием и укоризнам. С этой целью они и в своих сочинениях, написанных в прославление девства, делают постоянные предостережения и вразумления тем, которые избрали себе жизнь девственную. В наставление таковым они писали и отдельные трактаты, показывая, в чем собственно состоит истинное девство и какие действия и расположения противоречат ему и позорят это состояние. Со-

образно тому высокому значению, какое придавалось девству в христианской литературе первых веков, и практика церковная выражала особое внимание и уважение по отношению к девам. Церковь записывала девственников в особые списки, отчего они носили название церковных, совершала над ними особый обряд посвящения от епископа или, с его разрешения, от пресвитера, усваивала им особые одежды, предоставляла им часть своих доходов и особое место в храме, на которое, по словам Амвросия Медиоланского, спешили многие знатные женщины, чтобы получить лобзание святых дев. Также считалось приятною обязанностью им услуживать. Об Елене, матери императора Константина, известно, что она приглашала к своему столу дев, и, служа им сама, приносила на стол яства. Личность дев была священна. За оскорбление их, по указам христианских императоров, грозили тяжкие наказания. При этом следует заметить, что этих дев нельзя смешивать ни с диакониссами, ни с так называемыми монахинями, которые жили в монастырях с IV века, тогда

как те жили в домах родительских и получали содержание или от своих родственников, или, в случае нужды, от церкви, или же кормились трудами своих рук.

В вопросе о христианском девстве и его значении для женщины нельзя упустить из виду и тех увлечений и крайних взглядов, до которых доходили поборники девства, тем более, что увлечения эти иногда приводили к результатам уже невыгодным для женщины.

Уже в первые века христианства состояние девства и безбрачия не только прославляли и предпочитали супружеству, но, в увлечении за пределы умеренности и благоразумия, так свойственном людям, стали до того унижать брачное состояние перед безбрачным, что только последнее считали приличным христианину. Такое мнение существовало еще во времена апостольские и распространилось между прочим в церкви коринфской. Поэтому коринфяне сочли необходимым обратиться за советом к своему учителю, апостолу Павлу, который в своем Первом Послании к ним дей-

ствительно коснулся вопроса о девстве и браке и представил в 7-й главе обстоятельное разъяснение идеи христианского девства и его пределов.

Относительно девства, — писал апостол коринфянам, — я не имею повеления Господня, а даю совет (25). Вступать в брак нет ничего предосудительного, напротив, совершенно законно и похвально, в предупреждение опасности блудодействия (2—9). Но кто может воздержаться от брака, относительно того было бы желательно, чтобы он и оставался так, подобно мне, — прибавляет Павел, но сейчас же и оговаривается, что в этом деле *каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе (7).* Дело в том, что с браком необходимо сопряжены разные житейские беспокойства, скорби по плоти (28) и хотелось бы, чтобы люди были без забот мирских (32). Между замужней и девицей есть разница. Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом и духом, а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. *Говорю это для вашей же пользы, — продолжа-*

ет апостол, — не с тем, чтобы наложить на вас узы (девства), но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения (35). Таким образом апостол ставит дело совершенно ясно и беспристрастно.

Блаженный Феодорит Кирский, объясняя это учение апостола, говорит: “Апостол повелевает не потому убежать от супружества, что оно противозаконно, а потому пребывать в девстве, что оно свободно от забот. Мысль брачующихся, делясь на многое, затрудняется в том, чтобы преуспевать в жизни строгой и совершенной. Избравшие же жизнь одинокую, всю мысль обращают на попечение о божественном”.

Подобным образом и Златоуст пишет: “Девство такое дело, требующее такого труда, что Христос, сошедший с небес, дабы людей сделать Ангелами и представить им образец тамошней вышней жизни, не решился, однако, заповедать девство, ни поставить его в закон. Он дал заповедь умирать (а что может быть тяжелее этого?), непрестанно распинаться, благотворить врагам; но не

положил закона о девстве: Он оставил его на волю слушателей, сказав: *кто может снести, тот неси* (Мф. 19, 12)".

Таким образом, христианство представляет человеку полнейшую свободу в избрании того или другого состояния — брачного или девственного. Каждый в этом случае может сообразоваться со своими собственными силами и расположением; принуждения никому не делается.

В силу предоставленной каждому свободы в избрании девственного состояния, Церковь наблюдала, чтобы в этом деле не было ни малейшего насилия с чьей-либо стороны, но собственное расположение и произволение. В этом смысле говорит 18-е Правило Василия Великого. Сообразно с этим существовали нестеснительные положения, по крайней мере до IV века, даже относительно тех, которые вздумали бы оставить жизнь девственную и вступить в брак.

Впоследствии, с распространением монашества, обет девства хотели сделать более строгим, и выход из состояния дев-

ственного в брачное стали осуждать и ограничивать некоторыми постановлениями, но все-таки совершенно не воспрещали, и такой брак признавали. Халкидонский Собор определяет на этот случай лишение общения церковного, хотя тут же прибавляет, что епископ имеет полное право оказывать снисхождение в этом случае (Прав. 16). Другие правила налагают духовные наказания только на таких женщин, которые, посвятив себя девству, уже после сорокалетнего возраста, вздумают потом выйти замуж. Все подобные постановления клонились, разумеется, не к стеснению собственно личности, а к утверждению более серьезного взгляда на такие предметы, как обет девства.

Но не противоречат ли свободе избрания девства в христианстве те выражения апостола, какие он употребляет, рассуждая о браке и безбрачии? *Если же кто, — говорит апостол, — почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так (из опасения за ее нравственность), тот пусть делает как хочет:*

не согрешит; пусть таковые выходят замуж. Но кто непоколебимо тверд в сердце своем, и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше (1 Кор. 7, 36—38).

Не подчиняет ли апостол этими словами волю девиц желанию их родителей, не ставит ли он таким образом девство их в совершенную зависимость от посторонней воли? Этого сказать нельзя, потому что апостол говорит в настоящем случае применительно к существовавшему обычаю в иудействе и язычестве. Нигде девица сама не выходила замуж: ее всюду отдавали родители или родственники, у которых она жила. У апостола речь идет не о том, должно ли отдавать в замужество девиц, или сами они должны выбирать себе женихов; но о том, что нет нужды непременно заботиться о выдаче своей дочери замуж, и без замужества может быть для нее состояние не только приличное, но еще

более высокое и почетное, это — состояние девства. В другом месте сам же апостол выражается иначе: *Если девица выйдет замуж, не согрешит* (7, 28). Значит, говоря о выдаче девиц родителями, апостол этими словами не хочет отнять воли у самих девиц, не предписывает обходить их внутреннее расположение, но рассуждает применительно к общему обычаю, предполагая при том, что добрые христианские родители сами, конечно, сообразуются с расположением своих дочерей и не насилуют их совести, что, очевидно, противоречило бы всему христианскому учению о девстве как состоянию свободно избранному, которое не каждый или не каждая вместить может, но кому дано.

Правда, история представляет примеры того, что родители, злоупотребляя своей властью, самовольно распоряжались иногда судьбой своих дочерей, посвящая их девству против их желания или препятствуя им вступить в число девиц. Но те и другие злоупотребления вызывали осуждение со стороны поборников христианской истины

и даже канонические постановления Церкви. Когда красноречивый епископ Медиолана святой Амвросий своими проповедями о девстве многих девиц расположил остаться в этом состоянии и едва успевал раздавать им девственные покрывала, многие родители стали роптать на него и запрещать своим дочерям посещать церковь, где проповедовал Амвросий. Под влиянием таких действий со стороны родителей девиц, святой отец произнес новое слово о девстве, в котором с особенной силой изобразил высокий образ девственницы, принимающей обет против воли родителей. "Хорошо, если желание девицы согласно с волею родителей; но тем лучше, когда огонь любви к девственной жизни сам собою пылает в юном сердце. Пусть родители откажут в наследстве: у девы есть Жених Небесный, который обогатит ее неземными сокровищами. Противятся родители: значит, они хотят, чтобы ты, дева, победила сопротивление их; изъявляют часто негодование, чтобы ты научилась терпению; грозят отказом в наследстве, чтобы испытать

тебя, можешь ли ты переносить без страха земные потери; обольщают тебя, чтобы видеть, в состоянии ли ты бороться с похотями. Препятствия для тебя — поприще испытания. Первая для тебя борьба — борьба с нежностью родителей. Победи прежде врага домашнего, и ты восторжествуешь над миром”.

Против другого рода насилия родителей, когда они принуждали дочерей к девству, направлено 18-е Правило Василия Великого, несмотря на то, что тот же святой отец в другом месте соизволение родителей ставит необходимым условием замужества дочери (Прав. 38).

Сказанное о девстве, как состоянии, утверждающем самостоятельность и индивидуальность женской личности, может быть приложено и к состоянию вдовства. Известно угнетенное и беззащитное положение вдовы в древнем мире. Не представляя самобытности женской личности, не мысля ее вне чувственного полового значения, иудеи и в будущей жизни хотели мыслить ее не иначе, как принадлежащей тому или другому мужу. Поэтому, находя безвы-

ходным в загробной жизни положение вдовы, бывшей замужем за семью братьями, в силу еврейского закона ужищества (Втор. 25, 5—10) некоторые из них на этом основании отрицали возможность воскресения. Спаситель, защищая догмат будущего воскресения, в то же время показал, что и на женщину можно и должно смотреть как на равную мужчине. Сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят и умереть уже не могут; ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами Воскресения (Лк. 20, 28—36).

Мы знаем, с каким участием отнесся ко вдовам Христос, а потом Его апостолы, нашедшие нужным учредить в Церкви даже особую должность ради них (Мк. 12, 42—44; Деян. 6, 1). Апостол Павел находил состояние вдовства не только не безотрадным, но еще вожденным. Предоставляя полную свободу вдовице снова выйти замуж (1 Кор. 7, 39), он находит для нее еще более славным, если она останется так (40), для удобнейшего служения Богу и человечеству. Своей

благотворительностью обществу (1 Тим. 5, 10), материнской заботливостью о нем и честным образом жизни она заслуживает общее уважение и почтение, подобающее матери (1 Тим. 5, 3—5). На этом основании вдовам была предоставлена в первенствующей Церкви особая должность диаконисская, значение которой будет разъяснено ниже.

Хотя святые отцы преимущественную честь отдавали девству, но и вдовство нередко ставили на одинаковую с ним высоту, ибо не девство в физическом смысле составляет существенное достоинство девы, как это было, например, у римских весталок, но личные нравственные достоинства безбрачной определяют этот высокий тип (1 Тим. 5, 5; 1 Кор. 7, 34). Отличительным признаком девы и не девы апостол поставляет не брак и не воздержание, а свободу от забот у одной и множество забот у другой; “не сожитие есть зло, а препятствие к любомудрию”, — говорит Златоуст. “Не прерывай моих слов, — пишет тот же святитель к диакониссе Олимпиаде — вдове, — что я избрал тебя в лице дев

святых, а ты вдова: ты не раз слышала от меня и в частных и публичных моих разговорах с тобою, в чем состоит девство, и что никакого нет препятствия причислиться тебе к сонму дев, даже превзойти их далеко, тебе, которая показала великое пред другими любомудрие, Павел, определяя девство, назвал девою не ту, которая не знает брака и не жила с мужем, но ту, которая печется о Господем (1 Кор. 7, 34). И сам Христос, изображая, сколько милостыня лучше девства, половину исключил из сонма дев, потому что они пришли без милостыни, или лучше потому, что не были щедры на нее; ибо и у них был елей, но недостаточный. Напротив, тех, которые пришли без девства, но зато были богаты милостынею, принял Он с великою честью, именуя их благословенными Отца Своего, призывая к Себе, даруя им наследие Царствия и провозглашая о них пред целою вселенною. В присутствии Ангелов, в присутствии всей твари Он не отказался назвать их Своими кормильцами и странноприимцами. И ты услышишь некогда этот блаженный

голос, и ты получишь взаимное возмездие с великим избытком. За одну милостыню столько наград, такие венцы, такая светлость, такой блеск и слава: что ж, если я коснусь, и позволю мне это сделать, — коснусь других добродетелей твоих? Не должна ли ты будешь праздновать, веселиться, торжествовать и украшать себя венцом?”. Затем Златоуст исчисляет различные подвиги Олимпиады, ставящие ее на почетное место в славном сонме дев.

Как высочайший и чистейший идеал девства, христианство представляет Пресвятую Богородицу, Приснодеву Марию. Святая Дева является родоначальницей и освянительницей девственного состояния, которое становится, таким образом, вдвойне значимо для женщины. Не только само по себе, по своим внутренним достоинствам велико девство, но и в силу того, что Матерь Господа осватила это состояние. Она сделала его особенно возжеланным, ибо дева уподобляется Той, Которая родила Бога, и особенно славным, ибо, как говорит Амвросий Медиоланский, “что более может слу-

жить к прославлению девства, как не то, что Бог родился от Девы”.

Всматриваясь далее в учение о Святой Деве Марии, не можем не видеть, что это учение имеет весьма важное значение для возвышения женской личности вообще. Мария, родив Христа Бога наитием Святого Духа, то, что принадлежало Христу по плоти, человеческого, сообщила Ему в Своем чреве.

Родив Богочеловека, Святая Дева оказала тем безмерную услугу всему миру, а чрез то доставила великую славу Своему полу. “Жена, — говорит святой Григорий Нисский, — защитила жену; первая (Ева) открыла путь греху, а эта (Мария) послужила явлению правды; та последовала совету змея, эта представила Истребителя змея и произвела на свет Подателя света”. Древние и позднейшие святые отцы Церкви не находят довольно слов для исчисления заслуг Матери Божией. Ее служение делу нашего спасения, задолго предвозвещенное многочисленными пророчествами и прообразами, так возвышенно, нравственные совершенства Ее так велики, близость Ее

к Престолу Господа Бога и матерное дерзновение у Сына Своего так очевидны, что богословствующий ум, собирая образы для восхваления Царицы Небесной из мира видимого и невидимого, часто останавливается в благоговейном недоумении. В силу этих всемирных заслуг Богоматери, ввиду этих светлых сторон женской души, выразившихся в Пресвятой Деве, становится ненормальным пренебрежение и неуважение к полу, к которому принадлежит Она. Пол этот освящен и очищен рождением от Девы Единородного Сына Божия. Благословенная в женах составляет его честь и славу.

Можно сказать, что все возрасты и состояния женщины находят свой высочайший образец и освящение в Богоматери. Мария одновременно является и благородной Царской Дочерью и простой Женщиной, приобретающей Себе пропитание трудами рук Своих; Она Дева и Мать, Супруга и Вдова; Сама верная Ученица Евангелия и Путеводительница других к спасению.

Прославляя Богоматерь, согласно Ее собственному пророчеству о Себе (Лк. 1, 48), христианская Церковь выделяет Ее из среды остальных тварей видимых и невидимых. “В мире нет ничего такого, — говорит Прокл, архиепископ Константинопольский, — что могло бы сравниться с Богородицей Марией. Человек! Прейди умом твоим все творения и смотри, может ли что не только превысить, но даже сравниться со Святой Девой Богородицей? Пробеги землю, осмотри море, исследуй воздух, углубись мыслью в небеса, испытай все невидимые силы и скажи: есть ли другое подобное чудо в каком-либо творении?”. Добродетели Пресвятой Богородицы и благодать Святого Духа, предпочистившая Ее для великого дела быть Матерью Божией, поставили Ее выше всех праведных и святых людей и даже Сил Небесных. Церковь воспевает Ее как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим. И вот женская Личность, равняющаяся в девстве с Ангелами, в лице Приснодевы становится выше Их. Как дерзнуть после этого презирать Женщи-

ну, сделавшуюся в Марии Матерью Бога, Посредницей человеческого спасения и блаженства, и проявившую в Ней человеческие Свои достоинства до превышения Бесплотных? Таким образом и догматической своей стороной христианство направляется к возвышению женщины.

О СЕМЬЕ, ЦЕРКОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ, О РАЗВОДЕ

Если христианство установило взгляд на женщину как на человеческую личность, имеющую одинаковые с мужчиной значение и права с нравственной, общечеловеческой точки зрения, то очевидно, что и во всех частных положениях жизни оно уже не может мыслить ее вне этих прав. Отношения к ней мужчины во всех случаях должны быть прежде всего проникнуты этим духом; роль ее в семействе или в обществе не может уже допускать чего-либо унижающего ее человеческие достоинства. Впрочем, это еще не исключает некоторых особых условий в жизни женщины, определяющихся ее специфическими женскими особенностями. Переходя теперь к рассмотрению этого своеобразно-

го значения женщины с христианской точки зрения, мы должны показать, в какой мере христианство признает такое значение. В каком отношении это последнее находится к общечеловеческим правам женщины? Остается ли христианство постоянно верно своему общему, уже известному нам принципу в учении о значении женщины в частных условиях ее жизни как жены, матери и т. п. или же отступает от этого принципа, как иногда думают?

В силу естественного, всеобщего закона происходит взаимное влечение одного пола к другому. Закон этот присущ всему животному миру. Но у людей, как существ разумно-нравственных, и взаимное влечение полов должно подчиняться не простым инстинктивным требованиям животной природы, но соотносываться с разумно-нравственными началами. Отсюда взаимное влечение полов является в форме брака, те или другие условия которого всегда, так или иначе, отражаются на положении женщины. Чем ниже разумно-нравственное

развитие людей, тем в более грубых формах являются взаимные отношения полов, и брак приближается даже к простому животному соитию.

Иисус Христос, Который собственно ничего не предписывал противного нашей природе, но, обуздывая ее животную сторону, старался особенно о развитии разумно-нравственных начал, предложил сообразно с этим и образец взаимных отношений между мужчиной и женщиной, основанный на этих началах. Животный взгляд на женщину, под влиянием которого в ней видят только предмет чувственного наслаждения, исключительно ценят ее половую привлекательность, совершенно противен духу христианства. Кто смотрит на женщину с вожделением или сладострастием, преклоняясь пред ее телесной красотой и женскими прелестями, возбуждая в себе относительно ее нецеломудренные, похотливые желания, тот, по христианскому воззрению, приравнивается к прелюбодеям, а прелюбодеи уже не принадлежат к обществу верных. Они подлежат

осуждению и Царствия Божия не наследуют (Мф. 5, 28; 1 Кор. 5, 1—13). Равным образом и женщина, старающаяся возбудить в мужчине своими внешними прелестями чувственные пожелания, совершенно унижает свое нравственное достоинство и подлежит осуждению.

В древности также запрещалось прелюбодеяние, но там под ним разумелось лишь внешнее действие преступления; на внутреннее расположение почти не обращалось внимания, ибо таков был уровень нравственного развития людей. В христианстве же, как учении высшей нравственности, осуждается и внутреннее расположение, если оно нечисто, осуждается и помысел, если он преступен, хотя бы не был приведен в действие. Запрещение внешних преступлений здесь считается недостаточным; грех поражается здесь в самом своем основании, в самых сокровенных движениях человеческой души. Эта высшая точка зрения на грех прелюбодеяния, очевидно, имеет для женщины весьма важ-

ное значение. Отселе она не предмет только чувственного наслаждения для мужчины, нравственное достоинство ее расширяется. Сообразно с таким взглядом на женщину является и высокое ее значение в браке.

Раскрывая Свое учение о браке (Мф. 19, 3—15), Спаситель в основание его поставил закон Бога, данный при сотворении человека и, следовательно, присущий самой его природе.

По изображению Книги Бытия, первобытный человек, щедро наделенный от Бога всеми дарами Его благодати, не вкушал вполне определенного ему блаженства, пока был один. Эти высокие дары не находили себе приложения, сочувствия. Его мысль искала другого существа мыслящего, его слово безответно и печально звучало в воздухе, его сердце, полное любви, искало другого сердца, равного ему, способного вполне понимать его движения и сочувствовать им. Все эти силы духа, конечно, так или иначе проявляли себя по отношению к Творцу, но Творец, как существо высо-

чайшее, не был вполне доступен для человека — твари, не соответствовал уровню его человеческих стремлений. Другие же творения мира видимого по природе стояли ниже человека и тоже не могли отвечать его стремлениям. Человеку нужно было существо одной с ним природы. *Не хорошо быть человеку одному, — говорил Творец, — сотворим ему помощника соответственного ему* (Быт. 2, 18). И вот, Бог создал жену — существо одной природы с мужем. Но это не новое творение, не внешняя или случайная прибавка, это как бы восполнение того же, еще не полного человеческого существа. Жена создана после мужа, очевидно, потому только, что человеку нужно было предварительно осознать свою неполноту и необходимость восполнения своего существа. Поэтому бытописатель, рассказывая в первой главе порядок творения, говорит, наконец, о сотворении человека: *сотворил Бог человека, по образу Своему сотворил его: мужчину и женщину сотворил их* (Быт. 1, 27). Сообразно с этим и

первоначальные названия для мужа и жены тождественны и выражают только различие полов, не более. По-еврейски имя жены — Иша, а мужа — Иш. То и другое может относиться к понятию человека, как его виды: первое означает человека в женском роде, второе — в мужском. Отсюда и Адам взглянул на жену как на часть своего собственного существа: *Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей: она будет называться женою (Иша), ибо взята от мужа (Иш) своего* (Быт. 2, 23).

С появлением человека в его полном составе явился и закон супружеской жизни. Муж и жена получили заповедь о размножении своего рода, о господстве над всеми тварями и обладании всею землею, а также и заповедь о пище в раю, с известным ограничением (Быт. 1, 28—29; 2, 17; 3, 2). Таким образом, первобытная чета предназначалась жить одной жизнью. Она была тесно связана не внешней только, плотской, но и внутренней, нравственной связью. Выражение Бытия: *Будут два одна плоть* (Быт.

2, 24), — указывает не на односторонность связи первой четы, но на ее близость и неразрывность, в силу которых муж не может, например, унижить жену, не унижая самого себя, не может отделить своих интересов, своей жизни от ее, так же и жена. Эту же мысль о тесноте связи, о гармонии жизни первобытной четы бытописатель высказал и в последнем стихе 2-й главы: *И были оба наги, Адам же и жена его, и не стыдились.* Когда же, со времени нарушения первыми людьми должных отношений к Богу Творцу, нарушена была и гармония их взаимных отношений, появление дисгармонии прежде всего сказалось в чувстве стыда: *И узнали они, что наги* (3, 7).

Приняв в основание тот первоначальный идеал брака, христианство старалось обстоятельнее выяснить его и показало все условия и следствия, с таким браком соединенные.

Если мужчина и женщина составляют собственно две необходимые и равные по своей природе половины целого

человеческого существа (Быт. 1, 27), то соединение их в браке вполне нормально, равноправно и не может вести к подавлению той или другой половины. Во имя брачного союза разрушаются, по видимому, самые тесные, кровные узы родителей с детьми. *Оставит человек отца своего и мать, — говорил Иисус Христос словами Бытия против фарисеев, не признававших в браке тесного, внутреннего и неразрывного союза, — и прилепится к жене своей и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть* (Мф. 19, 5—6). Их половые особенности, как физические, так и нравственные, сливаются, взаимно восполняются и дают полный, нормальный тип человека. Отсюда, супружеская связь обязывает ко взаимному согласию, общению и неразъединению. Ни та, ни другая половина не имеют каких-либо преимуществ в деле супружеских отношений; воля одного должна сообразоваться с волею другого. Ни муж без жены, ни жена без мужа немыслимы (1 Кор. 11, 11). Как жена не властна над своим

телом, но муж; так и муж не властен над своим телом, а жена. Уклоняться им друг от друга уже нельзя без взаимного соглашения (1 Кор. 7, 4—5).

Таким образом, если муж и жена нераздельно и равно принадлежат друг другу, друг друга взаимно восполняют и довершают, то отсюда, естественно, является требование единства брака. Истинный супружеский союз возможен только между одним мужем и одной женой. *Каждый имей свою жену, и каждая своего мужа* (1 Кор. 7, 2). “Если бы Бог хотел, — говорит Златоуст, — чтобы жену оставляли и брали другую, то сотворил бы одного мужчину и много женщин”.

“Премудрое слово, — рассуждает Григорий Богослов, — в недра обоих полов влияя любовь, побудило их стремиться друг к другу. Но, чтобы не всякая жена стремилась ко всякому мужу, положило предел вожделениям, который называется супружеством. Эту узду для незнающего меры вещества, чтобы при его стремительности и необузданных порывах, когда бы люди кучами привлека-

лись друг к другу, от незаконных сообщений не пресекся священный человеческий род, и неудержимым безрассудством порываемая похоть не возбудила во всех и войн, и огорчений”.

Отсюда многоженство, столь распространенное в древности, с христианской точки зрения, является делом совершенно ненормальным, противным самой природе, ибо в нем рассекается одна и та же плоть. Тело рассеченное умирает, и супружеский союз, разъединяемый в полигамии, теряет свою жизнь, свое значение. Потому, что в этом союзе два индивидуума, так сказать, сплавляются в совершеннейшем единстве жизни, и уже ни в одном из них невозможно предполагать нужды входить в такие же отношения с кем-нибудь третьим, четвертым и т. д. Если является таковое стремление, единство жизни прерывается, взаимовосполнение становится невозможным, и брак получает характер чисто инстинктивного, животного влечения, чувственного удовольствия.

История показывает, что полигамия (многоженство) и конкубинат (внебрач-

ное сожителство), созданные сладострастием мужчин, властью и капиталом высших классов, особенно тяжело отзываются всегда на положении женщины. Следовательно, устанавливая строгое единство брака, христианство оказало этим прежде всего неизмеримую заслугу женщине. В полигамии жена является только предметом чувственного наслаждения, нисходит в ряд житейских прихотей, тешащих животные инстинкты. Она не только невольница мужа, но приравнивается даже к его вещественной собственности, которая покидается, когда надоедает, или же, как достояние богатого хозяина, с подобными ей собирается, как бы в кладовой, — в гареме под стражей. Тут не может быть и речи об искренней, живой супружеской любви, потому что истинная любовь не может делиться, раздвояться, троиться. Развлекая чувство любви, полигамия совершенно убивает его. Если и говорят, что многоженец имеет всегда более любимую жену, то конечно это не любовь в ее высоконравственном смысле, а скорее

только инстинктивное влечение — преимущественно внешняя, чувственная привязанность, возникшая моментально и моментально же могущая исчезнуть при встрече с новой, почему-либо более увлекающей личностью. В полигамии немыслимо и семейство с тем великим значением, какое имеет в нем женщина в различных отношениях. Деморализуя мужчину, полигамия еще более деморализует женщину, ибо вместо развития в ней высоконравственных женских качеств развивает в ней зависть, ненависть, ревность, плотское вожделение и распутство. Женщина обречена на мучение — всякую минуту и всю жизнь жить в постоянной и непримиримой вражде с тремя, четырьмя и более соперницами, спорящими за сердце общего мужа, который, принужденный разделить себя между многими, не отдается ни одной и, не имея возможности любить всех, кончает презрением всех. Полигамия возможна лишь там, где человеческое назначение ограничивается животными влечениями, целью и задачей жизни постав-

ляется чувственное удовольствие, где чувственное наслаждение является даже предвкушением и небесного блаженства. Таково мусульманство; таково большею частью язычество, где люди, по выражению апостола, жили в похотях сердец их (Рим. 1, 24); таковы вообще люди, ходящие по плоти, а не по духу (Рим. 8, 1).

Христианство же как воззрение высоко нравственного характера, направленное к возвышению и восстановлению господства лучшей, разумно-нравственной стороны человеческой природы, непримиримо с полигамией. Возведя женщину на высокий пьедестал как существо разумно-нравственное, свободное и вообще обладающее всеми человеческими правами, оно не могло ввергнуть ее снова в область рабства, животности, отрицания высших человеческих прав и достоинств. Поэтому оно осудило многоженство и внебрачное сожителство, утвердило строгое единство брака и в нем положило коренное основание жизни семейной и начало правильной жизни общественной.

Из первоначальной идеи брака как тесного, внутреннего союза, соответствующего с требованиями природы и Божественного закона, вытекает также то следствие, какое и вывел Иисус Христос против фарисеев: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6).

Допущение развода, как мы видели, всегда дурно отзывалось главным образом на половине слабейшей, на женщине. Следовательно, запрещение развода, как явления совершенно ненормального, по христианскому воззрению на брак, также имеет благодетельное значение преимущественно для женщины. Произвол мужа, пользовавшегося некогда привилегией отпускать свою жену и брать другую, уничтожен. Женщина — не вещь, которая сменяется за негодностью. Право развода не может быть отождествляемо с правом личной материальной собственности, которая может быть продана, подарена, брошена, как думали в древнем мире. Фарисеи в разговоре со Спасителем сослались было на авторитет Моисея, дозволившего разводиться

ся с женою и давать ей разводное письмо, но услышали от Него ответ, что не Моисей был собственно виновником этого ненормального явления, а низкое нравственное состояние тех, которым было дозволено отпускать своих жен: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими* (Мф. 19, 8; Втор. 24, 1). Действительно, сердца тогдашних людей были так жестоки, понятия так грубы, страсти так необузданны, весь нравственный строй настолько несовершенен (Втор. 10, 16), что в пользу их нужно было сделать некоторую уступку, чтобы не подать повода к сильнейшим преступлениям. Под влиянием ненависти к неугодной жене и в порыве страсти раздражения, древние стали бы убивать своих жен или явно прелюбодействовать. Нравственная сила брачного союза, истинное достоинство женщины, единение мужа и жены по плоти и духу, — все это такие идеи, которые были непонятны ветхозаветному человечеству. Поэтому закон, применяясь к уровню его нравственного и ум-

ственного состояния, не решался объявить супружество нерасторжимым. Так, обыкновенно, людям грубым и невежественным легко извиняется то, что положительно нетерпимо в человеке просвещенном; детям дозволяется многое, что не извинительно взрослым. С точки же зрения чисто нравственной, развод никак не может быть допущен, и Моисей, таким образом, допустил то, чего нельзя было не допустить; ради грубости, неразвитости, или, по выражению Спасителя, *жестокосердия* еврейского народа. Но и Моисей ограничил произвол в разводах, предписав мужьям давать женам *книгу распустную*, т. е. совершать акт развода письменно, формально, гласно, запретив также возобновлять супружество расторгенное и т. п.

Напротив, христианство, созидая высшие идеалы нравственного совершенства, не могло разрешить развода как явления противного первоначальной высоконравственной идее брака. *А сначала не было так* (до греха) (Мф. 19, 8). Переделывая весь нравственный строй че-

ловека, христианство легко достигает того, что и закон о нерасторжимости брака делается вполне удобоисполнимым. Внешняя непривлекательность жены, недовольство многими свойствами ее характера, — все это приносится в жертву высшей нравственной цели, как это мы еще разъясним ниже, при рассмотрении вопроса о взаимных отношениях христианских супругов. Следовательно, развода если и можно требовать, то исключительно во имя нравственной неразвитости общества, того жестокосердия, которому сделал уступку Моисей. Пока не осознан чистый идеал супружества, говорят, можно допустить развод как временную меру. Но это значит уже отказаться от христианских преимуществ, отчаяться в своей годности для христианской жизни, вместо того, чтобы стараться о своем нравственном развитии.

Итак, брак нерасторжим в христианстве. Развод, сам по себе, даже несоединим с понятием о браке. Никто не может разлучить того, что и по Божественному установлению, и по неизменному

закону природы и нравственности, нерасторжимо. Всякий произвольный развод Спаситель подвергает такому строгому суду, что называет прелюбодейством — и новый с другою женой брак мужа, оставившего первую жену, и брак другого лица с этою женою оставленной. Прелюбодейство здесь с той и другой стороны, потому что первый брак по закону не может считаться расторгнутым (Мк. 10, 11—12; Лк. 16, 18).

Но вот брак расторгается сам собою, когда существо его нарушено, когда одна из сторон, вступивших в брак, явно оскорбляет его нравственное значение, вступая в непозволительную связь с лицом посторонним. Развод из-за прелюбодеяния (Мф. 5, 32), допущенный в христианстве, в существе дела есть не развод еще существующего брака, но внешнее, формальное, так сказать, разделение того, что уже внутренне и существенно разделено прелюбодеянием. Таким образом, формальный развод, по христианскому воззрению, возможен только в области греха, после того как в существе

дела брак уже расторгнут прелюбодеянием. Кто же помимо этого условия решится развестись и вступить в новый брак, тот прелюбодействует.

Раскрывая частное учение Иисуса Христа об этом предмете и делая из этих идеальных и общих положений практические приложения к новоустроющемуся быту христиан, апостол Павел остается верен принципу Учителя. Он учит, что жена привязана законом к своему мужу на все время, пока жив ее муж; точно так же и муж: *Соединен ли ты с женой? не ищи развода* (1 Кор. 7, 27). Даже брак, заключенный еще в язычестве, остается в силе, хотя бы одна из сторон перешла в христианство, если только другая сторона, неверующая, не хочет разделяться: в этом случае неверующая половина освящается верующею, ибо они одна плоть. Но если неверующая хочет разделиться, то в таком случае делать нечего: во избежание ссор и несогласий нужно разойтись, ибо не христианин не может быть удержан правилами христианской нравственности. В

силу этого новое заключение браков христиан с неверующими у апостола не находит оправдания (1 Кор. 6, 15; 7, 39; 2 Кор. 6, 14). Если же вследствие какого-нибудь человеческого заблуждения брак верующих будет расторгнут одним из супругов, то в таком случае следует искать или возобновления расторгнутого брака, или же нести свою вину и оставаться уже в состоянии безбрачия, чтобы иначе не подать повода к прелюбодеянию; ибо, согласно учению Иисуса Христа (Мк. 10, 11—12), отпущенная жена, вышедши за другого, прелюбодействует, так же как и тот, кто женится на ней. *А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь,* — относительно этого замечает апостол, — *жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим...* Остался ли без жены? не ищи жены (1 Кор. 7, 10—11; 27). Только смерть одной из сторон разрешает супружеские узы, после чего оставшаяся в живых половина свободна вступить в новый брак, потому что

лучше снова вступить в брак, чем разжигаться (1 Кор. 7).

Все эти правила христианской нравственности, как видим, имеют одинаковое приложение к мужу и жене, в противоположность законам греко-римским, которые, дозволяя развод, все преимущество прав в этом отношении предоставляли мужу, так что муж мог решительно оставить жену в случае действительных, или даже только подозреваемых ее преступлений. Но сам, в случае явного нарушения супружеской верности, не подлежал суду, и жена в таком случае не имела права на развод с виновным мужем. Христианское учение о разводах, с самого начала встретившись с гражданскими законами язычества, долго еще должно было бороться с ними. Святые отцы Церкви защищали равноправие женщины в деле условий брачной жизни и восставали против обычая, который давал мужу больше прав в этом отношении. "Не говори мне теперь о внешних (нехристианских) законах, которые жен прелюбодействующих влекут

в судилище и подвергают наказаниям, а мужей, которые имеют жен и развращаются со служанками, оставляют без наказания; я прочитаю тебе Закон Божий, который равно укоряет и жену, и мужа и называет это дело прелюбодеянием... Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее (прелюбодеянием)... Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство... и муж не имеет никакого преимущества перед женою и подобно ей наказывается, если нарушает законы брака", — писал Златоуст.

В наши дни распущенность в супружеских отношениях тяжело отзывается прежде всего на положении женщины. Юридически женщина не судится строже в случае внебрачных связей, но зато суд общественного мнения ее преследует неумолимо и иногда доводит до страшных преступлений вроде детоубийства, тогда как мужчина, в сущности может быть более виновный, ускользает от

этого суда и не отвечает за плоды своей страсти.

Таким образом, для женщины условие нерасторжимости брака имеет весьма важное значение. Особенно ввиду ее физиологических немощей как матери, ввиду ее большей, сравнительно с мужчиной, целомудренности и привязанности к мужу, детям и дому. Нерасторжимость брака обещает женщине за достойное положение всей ее жизни, так что потеря молодости, здоровья, красоты не может ей повредить и не мешает ей всегда оставаться подругой для супруга, матерью детей, госпожою своего дома. Говорят, что нерасторжимые узы брака своего рода рабская цепь; но это цепь, сдерживающая необузданные и мимолетные порывы чувственных желаний и освобождающая от несравненно жесточайших цепей разврата (1 Кор. 7, 2). Чувство стыдливости, столь свойственное людям, тоже своего рода цепь, но цепь драгоценная для человеческого достоинства, для человеческих отношений. В этом смысле верно называют суп-

ружеский союз как бы вторым стыдом, который укрывает женщину от похотей мужчин и гарантирует ей истинное достоинство, непорочность, спокойствие.

Что же касается злоупотреблений, во имя которых требуют свободы развода, то в истинно-христианском супружестве они, собственно говоря, немыслимы, и виноваты в них не условия христианского брака, а собственная нравственная неразвитость и испорченность людей, против чего собственно и следует протестовать, против чего и действует христианство.

По христианскому учению, брак не только тесный, единый и нерасторжимый супружеский союз, совершаемый по требованию природы, согласно Божественному установлению, но это еще союз такого рода, который имеет высшее религиозное освящение и таинственное значение, — есть образ союза Христа с Церковью. Евангельская нравственность вообще отличается характером религиозного освящения. Нравственное совершенство здесь возводится к высшему

идеалу, к совершенству Отца Небесного (Мф. 5, 45—48). Такое высшее освящение сообщает особую силу и жизнь нравственности. Так как естественными силами человеку невозможно осуществить в себе указанные ему идеалы (Ин. 15, 5; Рим. 5, 1—2), то и является нужда в силе благодати, которая укрепляет человека на поприще нравственной жизни. Осуществление супружеского идеала обуславливается помощью благодати. Брак получает значение Таинства. Указывая на это особенное значение христианского брака, апостол говорит, что брак должен быть *в Господе* (1 Кор. 7, 39), т. е. согласно с заповедью Господа о чистоте и святости брака, по благословению Божию, а не по простому влечению похоти, как свойственно людям плоти, язычникам. Поэтому с древних пор христиане, признавая брак не просто делом естественным, но союзом высоконравственным, идеал которого находится в духовном союзе Христа с Церковью и без помощи благодати не достигается, считали необходимым церковное освя-

щение или благословение брака, низводящее благодать Божию на брачующихся. Все указанные выше условия христианского брака получают полную свою силу и осуществление только ввиду этого особого, сакраментального значения брака. Следовательно, если каждое отдельное условие христианского брака имеет, как мы видели, благое значение для женщины, то, в особенности, когда эти условия получают благодатное освящение. Отсюда брак, заключаемый вне Церкви, или так называемый гражданский брак, не может уже иметь такого значения.

Гражданский брак можно рассматривать с двух сторон. Во-первых: он является или там, где между государством и Церковью не существует единства, связи и взаимного доверия, где государство, игнорируя церковное участие в деле брачных отношений, само определяет их, на основании тех условий и законов, без которых не считает возможным свое благоустройство. Во-вторых: гражданский брак появляется и в том случае,

когда, признавая условия христианского брака невыполнимыми для общества, которое допускает постоянные злоупотребления, государство считает нужным изменить эти условия, заменить их новыми, и таким образом создает новую форму брака. В том и другом случае государство, скрепляя естественный союз супругов известными юридическими, формальными условиями, не имеет уже в виду собственно высших христианских целей. Оно сообразуется не с требованиями общей, чистой нравственности, но с нравственным строем общества и его безнравственными желаниями. Общество, по *жестокосердию своему*, оказывается не в состоянии подчиняться условиям христианского брака, и правительство дозволяет изменить эти условия: является брак временный, удоборасторжимый простой контракт, не имеющий ничего общего с высоким идеалом отношений Христа к Церкви. Словом, брак не христианский, которого истинная Церковь не может благословить. Как союз временный, легко рас-

торжимый, гражданский брак не благоприятствует естественной привязанности женщины к детям и семье. Вместо облегчения участи жены, учреждение гражданского брака отягчает ее участь, разрушая, может быть против ее воли, столь драгоценные для нее привязанности семейные. Будучи внешней сделкой, не имея нравственной серьезности христианского брака, гражданский брак легче допускает нарушение супружеской верности, а с тем — падение семейства и унижение женщины. Обязательность любви, освящаемая в христианском браке высшей нравственной идеей и опирающаяся на веру в благодать, здесь скоро становится тягостной, кажется порабощением. Страсть ищет себе свободы и не сдерживается внешними, официальными требованиями. Страсть умолкает только под влиянием нравственных и религиозных требований.

Доказывая важное значение последних в отношении к прочности супружеского союза, Амвросий Медиоланский замечает: “Если всякая женщина, соеди-

енная с мужем, не без великой опасности совершает прелюбодеяние, когда брак заключен при десяти свидетелях, то что сказать, если духовный супружеский союз, заключенный среди бесчисленных свидетелей Церкви, пред Ангелами, Воинством Небесным, нарушается чрез прелюбодеяние?”. Для христианского супруга нарушение обязательства, данного пред лицом Церкви и пред престолом Божиим, — дело весьма не безразличное: это возмущает его нравственное и религиозное чувство; в неверности к жене он видит измену христианскому долгу, непокорность Богу, согласно учению апостола (1 Сол. 4, 7—8). Отсюда протестантство, отвергнув брак как Таинство, значительно ослабило семейные узы и дало свободу проституции.

К этому нужно прибавить, что христианство старается устранить при заключении браков всякое проявление легкомыслия, насилия, принуждения и каких-нибудь низких, корыстных побуждений, которые, легко внося разлад в супружеские отношения, помрачают идею

брака и затрудняют удобоисполнимость его условий. Отсюда, в христианстве жена не может быть отдана мужу против ее желания, по воле лишь родителей или родственников; она не покупается, как товар, за деньги и имущество; она не может быть приобретена сильнейшим насильно: она отдается мужу по совершенно свободному решению и становится его, ибо она сама того хочет. То же должно сказать и о муже. Оба они отдаются друг другу навсегда, не по силе контракта, не по принуждению, не из корыстных видов, но по свободному соглашению и внутреннему нравственному влечению.

Что же касается упомянутых выше канонических постановлений о необходимости родительского согласия на брак (Прав. Вас. Вел., 22, 38, 42), то нужно прибавить, что требование согласия родителей при заключении браков в христианстве направлено было против некоторых нехристианских явлений, например, похищения девиц, тайного бегства их из дома родительского с целью

вступить в супружество, иногда преждевременно, по легкомыслию и т. п. Устанавливая это требование, Церковь хотела поддержать и серьезность брачного дела, и христианское почтение детей к родителям, под наблюдением которых они живут и воспитываются, но не утверждала этим родительского произвола, не устраняла и свободного соглашения самих вступающих в брак. Главное же, придавая весьма серьезное значение браку, христианство и заключение его обставляло многими условиями, во избежание возможности оскорбления брачного союза впоследствии. Сюда, например, относится также обычай собирать сведения о женихе через лиц, назначенных от епископа, о невесте через диаконов и т. п., без чего брак задерживался.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СУПРУГОВ

Если жена признана необходимой, неотделимой и равноправной половиной мужа, если и она имеет такую же власть над телом и сердцем его, как и муж над ее, если они составляют одно неразрывное целое в физическом и духовном плане, то отсюда само собою следует, что и взаимные отношения их в жизни должны строго сообразоваться с этим. Но действительно ли христианство выдерживает, так сказать, идею равновесия в отношениях супругов между собой, не допуская преимуществ с одной стороны и лишений с другой?

Как учение совершенной гармонии и примирения, христианство счастливо избегало крайности и в вопросе о взаимных отношениях мужа и жены. Тре-

бование христианского долга, по которому все христиане равно обязаны друг другу взаимной любовью (Ин. 13, 35; Гал. 5, 13), повиновением (Еф. 5, 21—24) и услужливостью (1 Пет. 4, 8—10), имеет приложение и к супругам. Ввиду общих условий брака, христианство должно было допустить в супружеских отношениях равенство, одинаковость прав, взаимность, как это мы отчасти уже и видели. Супруги немислимы друг без друга (1 Кор. 11, 11). Оба они обязаны иметь взаимную любовь и уважение, с терпением и снисходительностью, доверием и откровенностью (1 Пет. 3, 8; Еф. 5, 25; Тит. 2, 4—5); одинаково имеют взаимное и нравственное влияние (1 Кор. 7, 16); одинаково обязуются ко взаимной попечительности (1 Тим. 5, 8), к супружеской чистоте (1 Кор. 7, 5; 1 Сол. 4, 7), соподчиненности (1 Кор. 7, 3) и верности (1 Кор. 7, 2; Евр. 13, 4). Наконец, соображаясь с различиями и особенностями, которые всегда замечались в естественных силах и свойствах мужа и жены, христианство должно было вне-

сти в супружеские отношения и некоторые черты различия, не давая в то же время ни одной стороне каких-либо преимуществ, которые клонились бы к унижению или угнетению другой.

Учение о взаимных отношениях христианских супругов заключается преимущественно в Посланиях апостола Павла к Коринфянам, Ефесянам, отчасти Колоссянам, а также к Тимофею, который был епископом в Ефесе. Святой Златоуст еще заметил, что хотя это учение равно относится ко всем христианам, но изложено преимущественно в посланиях к некоторым городам потому, что в этих городах более происходило споров и несогласий в этом вопросе.

В самом деле, если мы обратим внимание на то, что такое были эти города в то время, то увидим, почему именно им нужно было дать наставление об истинном отношении полов между собой. Коринф — главный город Ахаии — был во времена апостолов весьма знаменитым по многочисленности населения, по торговле, важнейшей в целой Греции,

богатствам, стекавшимся к нему со всех частей тогдашнего света, успехам в науках и искусствах, чрезвычайной роскоши и утонченности житейских отношений. Но богатство и постоянный прилив всяких иноземцев внесли с собой в Коринф чрезвычайную испорченность нравов. Особенно служение богине Венере (или Афродите) было соединено здесь с крайним развратом. Эмансипация женщин, не имея в себе и тени нравственной основы, тем не менее имела широкое развитие, основанное на чувственных, протитутционнх началах. Женщина была свободна, популярна, потому что половое наслаждение было свободно, безгранично.

Общий характер Коринфа не мог не отразиться так или иначе и на христианской общине, которая была здесь основана апостолом Павлом и его сотрудниками. Христианская идея нравственного равенства мужчины с женщиной, встретясь с языческими воззрениями на женщину, бывшими следствием распущенности нравов, была понята не столько

внутренним, сколько внешним образом. Слыша о своих правах и достоинствах, но поняв их односторонне, женщина заявила со своей стороны притязания и на учительство в Церкви, и на свободу в костюме, и вообще на независимость своего положения (1 Кор. 11, 6; 14, 34—35; 7, 39).

Об Ефесе можно сказать отчасти подобное. Средоточие греческой и восточной религии и образованности, центр малоазиатской торговли, он был вместе и главным городом целого округа христианских общин. Но религиозно-нравственные вопросы здесь получили особенное развитие под влиянием распространившегося ложного аскетического направления, которое, признавая тело источником зла, должно было враждебно относиться к супружеству и женщине (1 Тим. 4, 3).

Колосская церковь находилась в той же опасности; притом Послание к Колоссянам признается написанным одновременно с Посланием к Ефесянам, почему и включает в себе с тем много общего.

Подобным образом наставление женам в Первом Послании апостола Петра объясняется не только вообще желанием апостола установить в супружеских отношениях правильность, но и прямым противодействием мнению, распространившемуся между язычниками, будто христиане как дети Христа проповедуют свободу от всякого подчинения, дают неограниченное позволение женам отделяться от мужей и совершенно не подчиняться им. А это служило поводом к осуждению христианского учения, к порицанию слова Божия (Тит. 2, 5). Итак, с одной стороны эмансипация женщины, противная христианскому духу, с другой — неблагоприятный взгляд на супружеские отношения, требовали точного и частного определения отношений между мужем и женой, основывающихся на самобытной более или менее природе того и другой. И вот, апостол утверждает и выясняет хотя не новые понятия о главенстве мужа и подчинении жены, но придает им смысл совершенно новый, не известный древ-

нему миру, смысл, исключаящий всякие проявления, недостойные человека, и злоупотребления, какие соединялись с этими понятиями прежде.

Христианская идея равенства определяет человека безотносительно к физическим и психическим условиям его развития, но не исключает и различий внешнего положения людей, оттенков в их природных свойствах. Вот почему, считая раба таким же человеком, как его господин, давая первому одинаковые права с последним в религиозно-нравственном отношении (Гал. 3, 26—28), христианство предписывает рабу иные обязанности, чем господину, принимая во внимание разность их внешнего, общественного положения (1 Кор. 7, 20—24; Кол. 3, 22; 4, 1; 1 Пет. 2, 18). Вот почему и супругам предписываются различные обязанности, ибо того требует всегда существовавшее различие их природных свойств, как физических, так и нравственных.

Учение о физических и психических различиях полов, лежащее в основе хри-

стианского взгляда на отношения супругов и социальное положение женщины, нисколько не служит — ни источником деспотизма и преимуществ мужа, ни порабощения и бесправия жены. Собственно говоря, мужчина и женщина, в отношении своих особенностей, суть величины несоизмеримые, существа несравнимые. В этом случае, чего недостает одному, то вовсе не служит к его унижению. Так, врача не унижает отсутствие музыкального слуха и голоса, без чего немислим певец. Поэта никто не станет возвышать над математиком за то, что тот обладает богатой фантазией, которой у математика нет. Подобное же можно сказать и о мужчине с женщиной. Как организации совершенно своеобразные, полярно противоположные, они могут в одном отношении превосходить одна другую, в другом уступать друг другу, хотя постоянно остаются равны относительно общечеловеческих свойств, достоинств и прав. На этом и зиждется весь интерес и разумность супружеского союза, который является

в силу этого не животным только половым влечением, но и нравственным, духовным единением.

Предписания христианским супругам сообразуются с особенностями натуры каждого из них. В физическом отношении женский тип характеризуется обыкновенно чертами большей нежности, немощности, раздражительности, малости, большей зависимости от физиологической функции, чертами, требующими для женщины опоры, услужливости, помощи. В нравственном отношении тип женщины является также с характером кротости, скромности, чувствительности, преданности, покорности и т. п. Напротив, тип мужчины выступает со своими более грубыми, сильными, крупными чертами в физическом отношении и с большей твердостью, энергией, рассудительностью в духовном.

Сообразно с такими свойствами, христианство называет женщину *немощнейшим сосудом* (1 Пет. 3, 7), а мужчине дает название *главы ее*. С точки зрения нехристианской, выражения эти пред-

ставляются, может быть, и обидными для женщины. Тут сейчас же является представление о деспотизме мужа, разного рода насилиях над существом слабейшим, представление о страданиях этого немогущего сосуда. Да, в языческий период господства грубой физической силы и эгоизма, или в среде так называемого “темного царства”, не развитого ни умственно, ни нравственно, эти разности мужчины и женщины действительно дурно должны отзываться на женщине. Там понятия главенства и подчинения немыслимы без необузданного произвола и рабского угнетения; но ведь там также, например, и воспитание немыслимо без розог, судопроизводство — без взяток и т. п. Христианство, конечно, не имеет ничего общего с этой средой (2 Кор. 6, 14 и сл.). Христос затем и явился, чтобы уничтожить это темное, грубое господство внешней силы и создать новое царство на началах нравственных, на началах любви, свободы, мира, самоотвержения. Смирение, всепрощение, услужливость всем — явления

жалкие и унижительные в язычестве — в христианстве становятся в ряду основных, возвышающих добродетелей (Лк. 22, 26). Точно так же, с христианской точки зрения, ни немощность и подчиненность женской натуры не служат к ее унижению или бесчестью, ни признание в муже главы не ведет к деспотизму и произволу. Напротив, как то, так и другое служит источником общего благоденствия и достоинства супругов. Именно то обстоятельство, что жена есть существо слабейшее мужа, сосуд немощный, побуждает мужа обращаться с ней весьма осторожно и благоразумно (1 Пет. 3, 7). Находясь рядом с женой, он постоянно должен следить за собой, чтобы как-нибудь не повредить этот сосуд, но всячески охранять его и покоить. Этому благоразумию противно не только грубое и жестокое обхождение, но вообще слишком строгое или суровое, не растворенное нежностью или мягкостью. Если в христианстве ограничивается суровость по отношению к слугам, то тем более по отношению к жене следует на-

блюдать, чтобы не впасть в раздражительность и не выказать перед ней порывов дурного расположения своего духа (Кол. 3, 19). Но как и нежные отношения к жене могут иногда иметь односторонний, слишком чувственный, страстный характер, то благоразумие с самообладанием и в этом случае должно руководить мужем. “Мужу нужно соблюдать осторожность, — замечает Климент Александрийский, — чтобы не похотствовать на свою жену, которую должно любить!” Нет ничего отвратительнее, как любить свою жену как бы блудницу, поясняет ту же мысль блаженный Иероним.

Равным образом любовь христианского мужа к жене не может носить характера слишком покровительственного или снисходительного только, и отнюдь не допускает невнимательности и пренебрежения. Нет, христианский муж относится к своей жене с полным уважением: он видит в ней такую же, как он, человеческую личность, получившую совершенно равные с ним права в Цар-

стве Божиим, сонаследницу благодатной жизни (1 Пет. 3, 7), подругу и помощницу в настоящей жизни.

Ограждая таким образом благосостояние жены от проявлений грубости и внешней силы мужа, апостол для большего убеждения хочет подействовать и на религиозное чувство мужчин. Он заповедует мужьям всегда относиться к женам с любовью и уважением, дабы не было им препятствия в молитвах (1 Пет. 3, 7). Молитва составляет одно из существенных и необходимых проявлений христианской жизни (1 Сол. 5, 17). Как беседа с Богом, она достигает своего успеха и получает истинное значение только тогда, когда исходит из сердца чистого, чуждого всякой вражды и ненависти (Мф. 5, 23—24). *Итак желаю, — заповедует апостол Павел, — чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые (т. е. чистые от любостяжания, убийств, хищения, язв) руки без гнева (злопамятства) и сомнения (1 Тим. 2, 8). Каждый муж, живя постоянно с женою, более чем кто-либо нахо-*

дится в опасности омрачить свое сердце низкими проявлениями досады, гнева, неуважения к жене — немощному сосуду; поэтому он особенно должен следить за собой и заботиться о чистоте и достоинстве отношений к жене, которыми таким образом определяются и его отношения к Богу. Последние прерываются, если в первые вносятся раздор, несправедливость; и сколько бы ни молился муж, обходящийся дурно с женой, молитва его никогда не будет услышана; между ним и Богом стоит неодолимая преграда. Таким образом, как бы Сам Бог является защитником слабейшей стороны в семейной жизни.

Выясняя понятия главенства мужа по отношению к жене и подчиненности и повиновения жены по отношению к мужу, апостол Павел пользуется для этого, как известно, сравнением, заимствованным из догматической области. Муж есть глава жены так же, как Христос — Глава Церкви (Еф. 5, 23 и дал.). Но как являет Себя Христос, будучи Главою Церкви? Он возлюбил Свою Церковь до

того, что отдал жизнь за нее. Некогда Церковь (т. е. вообще человечество) была нечиста, порочна, безобразна. И Христос не отвратился от ее безобразия, но постарался изменить неприятный вид ее; Он пересоздал ее, исправил, простил ее грехи. Она ненавидела Его, отвращалась от Него, но Он сумел привязать ее к Себе. Он не только смыл ее нечистоту, но изгладил и старость, истребив ветхого человека, состоящего под грехом. Не к насилиям, порицаниям и угрозам прибегал Он для этого, а достиг того великой о ней заботливостью и самоотверженной любовью. Чтобы очистить ее, Он нашел для этого приличное омовение в Таинстве Святого Крещения (ср.: 1 Кор. 6, 11; Деян. 2, 38; 22, 16; Тит. 3, 5—7). Чтобы освятить ее, Он дал ей свое евангельское, Божественное Слово истины и веры (ср.: Ин. 17, 17; Рим. 10, 8—18; Еф. 6, 17; Гал. 3, 5; Евр. 6, 5). Свои заботы о чистоте, святости и непорочности Церкви Он простер до того, что пожертвовал даже Собственную жизнь для этого. Да и впоследствии, как говорит

Златоуст, видя ее часто оскверняющейся, Он не отвергает ее от Себя, но постоянно врачует и исправляет. Сколько людей после принятия веры согрешали! Однако Он не отвратился от них. У коринфян блудник был членом Церкви, но Бог не отсекал его, а исправил. Церковь галатская вся отступила и впала в иудейство, и однако Он не отверг ее, но, исцелив ее через Павла, возвел в прежнее состояние.

Вот идеал христианских отношений мужа к жене. Возлюбив ее искренно, всем сердцем, он все делает к ее славе и возвышению; в его отношениях к ней не может быть и тени насилия или унижения. Жена слабее мужа; и слабость для христианского мужа служит только большим побуждением к тому, чтобы помогать ей, поддерживать и защищать ее; употребить эту слабость как повод к каким-нибудь притеснениям жены немислимо для него. Всякие нужды и потребности жены, физические и нравственные, он благоразумно старается удовлетворить. Все даже малейшие не-

достатки жены служат для него предметом беспокойств, самых сильных попечений и самопожертвований. “Какую бы ты ни взял жену, — говорит Златоуст, — твоя невеста не будет такова, какою Христос обрел Церковь; она не так будет отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие”.

Следовательно, любовь мужа к жене никогда не может сравняться с любовью Христа к Церкви; мужу любить жену гораздо легче, возможнее.

Действительно, что любовь к жене вполне легка и естественна, это апостол тотчас же хочет показать на основании иного рода соображения. Жена по отношению к мужу не есть что-то внешнее, случайно к нему привязанное, что нужно было бы связывать с ним какими-нибудь внешними искусственными узами. Нет, она естественно и внутренне соединена с мужем: она есть его собственное тело. Отсюда, не любить свою жену — значит, самого себя не любить, а

это совершенно противоестественно: каждый по природе себя любит и заботится о своем теле, питает его и согревает, подобно тому как и Христос поступает относительно Церкви, которую составляем мы, члены его тела. Златоуст отсюда делает такое нравственное приложение: “Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой порок, то не жену отвергай, а истребляй этот порок”. А что жена действительно есть собственное тело мужа, это апостол хочет доказать, ссылаясь, подобно Спасителю, на первоначальный закон супружества, по требованию которого человек оставляет отца, мать и прилепляется к жене своей, так что из двоих чудным, таинственным образом становится одно тело, одно существо. “Если же нам заповедано, — рассуждает Златоуст, — оставлять для жены отца и мать, не в оскорбление им, а в исполнение Закона Божия, так что для родителей это даже столь вожделенно, что они, будучи

оставлены, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием; то не крайнее ли безумие и бесчестие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставить родителей? Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце”.

Так различными доводами христианство старается утвердить в муже любовь к жене в самом обширном и высоко-нравственном смысле этого слова. Любовь эта, являясь чувством вполне естественным и необходимым по своей обширности, высоте и святости, однако ж настолько исключительна, что не может быть сравниваема ни с чем земным; сравнение для нее апостол нашел только в области высшей, божественной.

При таком характере отношений мужа к жене, как видим, все интересы жены соблюдены, ее достоинства нравственные и благоденствие внешне вполне обеспечены.

Сообразно с этим, и обязанности, предписываемые жене, не могут заключать в

себе ничего противного ее интересам и достоинству. Жене предписывается отнюдь не властвовать над мужем (1 Тим. 2, 12), а быть у него в повиновении. Значит ли это, что она является как бы рабой своего мужа? Ответ на этот вопрос дан уже выше, при определении обязанностей мужа к жене, которые, как мы видели, вообще исключают всякое представление о рабстве, угнетении и т. п. В каком же смысле нужно понимать христианское повиновение? Заключает ли оно в себе что-нибудь унижительное?

Прежде чем обратиться к женам с заповедью о повиновении, апостол Павел в Послании к Ефессянам сначала вообще христианам заповедует друг другу повиноваться в страхе Божиим (Еф. 5, 21). Эта взаимная подчиненность совершенно сообразна с христианским духом. “Пусть каждый повинуетя ближнему своему, — пишет ученик апостолов Климент Римский, — сообразно со степенью, на которой он поставлен дарованием Его (т. е. Христа). Сильный не пренебрегай слабого, и слабый почи-

тай сильного". Желание выситься над другими, гордиться какими-нибудь своими превосходствами и в силу только этого требовать от других почтения и подчинения не согласно с духом Евангелия. *Князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими, — говорил Христос Своим ученикам, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20, 25—28; Мк. 10, 42—45; 1 Пет. 5, 3—5). Таким образом, повиновение и служение другим является в христианстве источником не унижения, а напротив, возвышения. Это подчинение служит для человека постоянным упражнением власти над самим собой и самоотвержения. Оно постоянно поддерживает такие расположения, которые разрушают эгоизм и другие низкие проявления человеческой нату-

ры и служат основой духовной жизни. Оно производит гармонию и порядок в жизни общественной; им обуславливается то, что сказано о первобытных христианах: у них были тело и душа общие. Иисус Христос, будучи образцом во всех случаях, служит вместе и как бы побуждением для исполнения этой обязанности. Христианин видит Самого Христа в душах, которые искуплены Его кровью; это Иисус голодает в том, кому мы даем есть, Он жаждет в том, кого мы напояем; так что, действительно, служение ближнему есть служение Богу. Отсюда, обязанность взаимного подчинения служит выражением не любви только, но и веры самой возвышенной и чистой. О подчинении из видов корыстных, которое характеризуется лестью, пошлым самоунижением, трусостью и т. п., в христианстве, конечно, не может быть и речи.

Таково христианское взаимное повиновение. Оно основано на любви, а не на рабской боязни. Поэтому апостол иногда выражает ту же мысль таким образом: *Любовью служите друг другу* (Гал.

5, 13). В этом отношении и заповеди, предписанные апостолом мужу и жене, составляют в сущности одно. Ибо, что это было бы за подчинение жены, если бы оно не возбуждалось любовью, если бы оно превращалось в состояние внешнего подчинения и тайного в то же время возмущения? И что была бы любовь мужа, если бы она не сопровождалась преданностью и не состояла в зависимости от существа любимого? Вообще, любовь в христианстве — понятие весьма обширное и обнимает собою все совершенства (1 Кор. 13; Кол. 3, 14). Если повиноваться, значит отказываться от своих эгоистических интересов, сообразовать свою волю с волей другого, то конечно это же самое должно сказать и о любви вообще. Вот почему апостол иногда прямо заповедует женам *любить своих мужей* (Тит. 2, 4).

Если же любовь жены является по преимуществу с характером покорности и повиновения, то это объясняется теми свойствами женской натуры, с какими она всегда являлась (Еф. 5, 22; 1 Пет. 3, 1; Кол. 3, 18; Тит. 2, 5).

“Апостол, — говорит Златоуст, — предложил мужу и жене, как основание их счастья, взаимную любовь и заботливость, указав каждому из них то, что кому прилично, — одному начальство и попечение, другой повиновение”. Муж, как нечто первичное, основное в порядке творения по отношению к жене, составляющей его дальнейшее развитие (1 Кор. 11, 8—9; 1 Тим. 2, 13—15), тяготеет к ней, чтобы восполнить себя, а жена хочет найти в нем свою опору, свой покой. Отсюда, для первого — союз с женщиной должен носить характер любви, которая дает предмету любви силу, одушевление, для последней — характер жертвы, преданности. С другой стороны, муж по натуре сильнее, неустрашимее, независимее, по большей части он бывает и старше жены годами. Недаром понятие мужественности всегда заключало под собой понятие храбрости, твердости, силы и т. п. Жена по природе скромнее, кротче, слабее и по физиологическим условиям чаще нуждается в помощи и защите. Поэтому предписать

мужу повиноваться жене было бы совершенно ненатурально, несообразно с действительностью, с мужским типом. Предписать же вообще любовь той или иной стороне было бы неопределенно, недостаточно, тем более, что ввиду возникших уже недоразумений цель апостола была точнее определить характер супружеских отношений. И вот апостол определяет этот характер, с естественными свойствами каждой стороны; мужу, как сильнейшему, предписывается любовь преимущественно с характером заботливости о половине слабейшей, поддержки ее; жене — с характером покорности. К тому же опыт показывал апостолу, как показывает и доселе, что мужчина, не развитый нравственно, более способен к проявлению грубой физической силы над женой; вот против этого-то нужно было дать ему заповедь о любви, нежности по отношению к жене. Женщина, не развитая нравственно, более способна к заносчивости, спорливости, тупому упорству, и вот против этого направлена христианская заповедь о повиновении, покорности и уступчивости по отношению к

мужу. Жена терпит унижение, побои от дурного мужа: христианство защищает ее от такого рода оскорблений, делая мужа нежным и кротким. Мужу дурная жена досаждала обыкновенно действиями противными, наперекор: христианская заповедь о покорности жены освобождает мужа от такого рода неприятностей, делая жену покорною, преданной.

Таким-то способом христианство утверждает гармонию и мир в супружеских отношениях. Таков вообще примирительный характер христианства и в других сферах человеческого быта, в отношениях слуг к господам, детей к родителям, подчиненных к начальствующим и т. п. Все обязаны взаимною любовью, но в каждом положении эта любовь выражается по-своему, применительно к положению, характеру и т. д.

Выше мы замечали, что с нехристианской точки зрения действительно странны такие выражения, как: муж — глава жены, жена должна ему повиноваться. Как с первым соединяется представление о деспотизме и насилии, так с

последним представление о порабощении; но уже из выяснения обязанностей мужа, как главы жены, мы видели, что понятия эти не заключают в себе и тени чего-нибудь унижительного для жены, напротив, вполне сообразованны с ее интересами и достоинством. А отсюда, само собой следует, что и обязанность жены повиноваться далеко не может вести к представлению о порабощении. “Бог подчинил тебе жену, — говорит Златоуст, — для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, — внушил он мужу — для того, чтобы легче было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; ибо подчиняться любящему нисколько не трудно. Не охлаждавай в любви, ибо жена твоя уступчива пред тобою. Союз не иначе возможен”.

Закон христианства определяет обязательства мужа по отношению к жене не только не менее, но даже более, чем жены ввиду больших сил первого. Он освящает власть, но произвол никогда.

Определяя частный характер повиновения жен мужьям, апостол прибавляет: повинуйтесь своим мужьям, как Гос-

поду (Еф. 5, 22). Выражение это нельзя понимать в том смысле, будто жена должна повиноваться мужу, как своему господину, но должна ему повиноваться как Господу Богу (Еф. 6, 7). Таким образом, этим выражением возвышается характер и повиновения жены и отношений к ней мужа. Муж, как глава жены, является для нее представителем Христа, Главы Церкви; отсюда он не может уже относиться к ней с какими-нибудь незаконными требованиями. Жена, почитая это высокое достоинство мужа, как представителя Христа, относится к его требованиям с совершенной доверчивостью, покорностью и уважением. В Послании к Колоссянам апостол выражает ту же мысль несколько иначе: *Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе* (3, 18).

Повиновение может быть весьма различно. Животное слушается человека, понуждаясь к тому ударами палки. Раб обыкновенно подчиняется приказаниям своего господина и отказывается от своей личности под влиянием того же животного страха. Может и жена покорять-

ся мужу только из рабского, животного страха, а в душе его ненавидеть и проклинать. Она может также ему повиноваться из побуждений своекорыстных, из расчета на подарки и т. п. Можно наконец повиноваться, но повиноваться видимым только образом, обманывая мужа своей покорностью, как бы насмехаясь над ним и прикрывая внешним повиновением свое коварство и даже внутреннее презрение к мужу. Все это не будет христианское повиновение, как прилично в Господе, повиновение, которое свободно (2 Кор. 3, 17), и немыслимо без полного доверия, сердечной преданности, любви и уважения. Выясняя понятия такого повиновения, апостол употребляет еще выражение: *Жена да боится своего мужа* (Еф. 5, 33). Обыкновенное представление, нехристианское, при этом большей частью рисует мрачную картину сурового, постоянно грозящего своей жене мужа, и жены, трепещущей от гневного взгляда супруга. Представлять такой порядок христианским — значит, или насмехаться над христианством, или окончательно не

понимать его. По-видимому, грозное слово апостола (направленное против жен, не хотевших, во имя неправильно понимаемого ими христианского равенства, признавать авторитета мужей) имеет однако же глубоко нравственный смысл. Страх, усвояемый жене по отношению к мужу, — не страх рабский, обезличивающий боящегося, и не страх внешний, своекорыстный: такой страх противен христианству и несовместим с понятием христианской любви; такой страх есть мучение, а совершенная любовь изгоняет страх (1 Ин. 4, 18). Христианский же страх вытекает из любви и происходит от сознания совершенств, высоких достоинств любимого и уважаемого существа. Таким страхом христианин боится Бога, как Личности, сравнительно с ним неизмеримо Высочайшей и Совершеннейшей; Бога, во власти Которого он весь находится и Которому всем обязан. Подобный страх мы чувствуем к человеку, уважаемому нами за ум, знания, нравственные качества; нам как-то действительно страшно не только сказать, но и подумать о нем что-нибудь

дурное, унижающее его. Совесть не позволяет нам и сделать что-нибудь недостойное при виде уважаемого лица: не мщения или преследования мы боимся с его стороны, а опасаемся оскорбить те высокие свойства, перед которыми так резко выступают наше ничтожество и слабость. С таким страхом соединяется повиновение жены в христианстве. Иная жена, по-видимому, боится мужа, но при первой возможности начинает осуждать его разные недостатки, находить в нем смешные стороны, презрительно отзывается о нем. Такая жена не уважает своего мужа; она и не любит его истинно и не боится его истинною боязнью христианской жены, которая, сознавая свою женскую немощь и видя в муже своего главу и опору в жизни, покровителя и защитника, Самим Богом к тому призванного, боится сделать что-либо противное его любви к ней, или подать повод к проявлению в нем какого-нибудь резкого порыва и к нарушению гармонии их взаимных отношений. Самые недостатки мужа, как человека, она не только не выставляет на позор, но вели-

кодушно извиняет, ибо за недостатками видит в нем достоинство мужа — главы.

Как для мужа первообразом его отношений к жене представлены отношения Христа к Церкви; так и для жены идеалом ее отношений к мужу служат отношения Церкви ко Христу. Церковь повинуетя Христу, и жены своим мужьям во всем. Церковь повинуетя спасительному для нее слову Христа и боится оскорбить Его отступлением от Его святого слова, и жена повинуетя требованиям мужа, направленным к ее и к их общему благосостоянию.

В намерении показать, что такие требования от христианских супругов удобоисполнимы и не суть только идеал, неприложимый к жизни, апостол Петр (1 Пет. 3, 6) находит в истории пример истинных супружеских отношений. Таковы патриархальные супруги Авраам и Сарра, лица, жившие хотя весьма давно в Ветхом Завете, но по своей вере и жизни принадлежащие к членам Царства Христова (Ин. 8, 39—40, 56; Мф. 8, 11; Евр. 11, 8—19). Сарра по-христиански повиновалась Аврааму; называя его

господином, она не была рабой мужа, но в то же время она не противоречила ему, не противилась его намерениям и распоряжениям. И Авраам настолько любил и уважал свою жену, что, несмотря на ее неплодие (недостаток весьма чувствительный в Ветхом Завете), не презирал ее и не укорял, но сносил горе бесчадия; и сам даже руководился иногда ее указаниями. Так Сарра в утешение мужу советует ему взять в жены Агарь служанку, которая от него и зачала (Быт. 16). По тогдашним понятиям, как мы знаем, это не противоречило супружеской верности и мотивировалось безграничным стремлением к деторождению. Но вот Агарь оскорбляет свою госпожу укорами в бесчадии, и любящий муж выдает жене “общницу ложа”, по выражению Златоуста, и даже отпускает Агарь из своего дома беременною. “Кто не сжалился бы над тою, которая зачала от него дитя? Но праведник не колебался, потому что любовь к жене предпочитал всему”, — пишет Златоуст.

Христианская история представляет нам образцы истинных, строго христи-

анских семейных отношений. Особенно первенствующие христиане были в домашней жизни, по выражению апостола, светилами посреди рода строптивного и развращенного (Флп. 2, 15). Их супружеская жизнь была чужда тех семейных нестроений, какие неизбежны там, где в обычае или угнетение жен, или неестественное преобладание жен над мужьями, или споры о безусловном равенстве прав того или другого пола. Христианские супруги проводили дни свои в мирном довольстве друг другом по плоти и по духу. Плодом такого супружеского согласия было семейное счастье, картину которого изображает Тертуллиан.

“Как описать счастье брака, определяемого Церковью, освящаемого ее молитвами, написываемого Ангелами на небесах, благословляемого Богом Отцом! Известно, что чада Божии не вступают в брак без согласия Отца своего. Как же приятны должны быть узы, соединяющие два сердца в единой надежде, в единой вере, в едином законе! Они, как дети одного Отца, как рабы одного Господа:

нет между ними никакого раздора или разделения ни в душе, ни в теле. Они два в единой плоти: где плоть едина, там и душа едина. Они вместе молятся, вместе припадают на колена, вместе постятся, взаимно ободряют и руководят друг друга. Они равны в Церкви и в общении с Богом, равно делят бедность и обилие, ничего один от другого скрытного не имеют, не в тягость друг другу; каждый из них может посещать больных и помогать нищим. Нет им стеснения творить милостыню, нет опасности присутствовать при совершении Святых Таин, нет препятствий к исполнению ежедневных обязанностей, нет укрывательств втайне креститься и потаенно произносить молитвы. Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь друг друга превзойти в хваленьях Бога своего. Иисус Христос радуется, видя такое домоводство их, посылает мир Свой на их дом и обитает в нем вместе с ними; а где Он находится, туда не может войти дух злобы”.

О СУПРУЖЕСКОМ ДОЛГЕ

Гармония супружеских отношений служит условием высокого счастья жизни обоих супругов. “Если всякий будет исполнять свой долг, тогда все будет твердо: ибо, видя себя любимую, жена бывает дружелюбна и покорна, а встречая повиновение, муж бывает кроток”, — замечает Златоуст.

Но, говорят, супружеские отношения основываются на таких чувствах, которые нельзя превращать в долг, в право. Что за любовь по приказанию, что за преданность по заповеди? Страсть так приятна сама по себе. Может ли она заимствовать в грустном принуждении ту силу, которой не может почерпнуть в своей собственной прелести?

Христианство, возбуждая в нас любовь вообще к людям, как нашим братьям во Христе, вовсе не принуждает нас к любви супружеской внешней, насильственной, не основанной на свободе (1 Кор. 7, 39), на внутренней симпатии, на нравственных влечениях супругов. Напротив, христианство о том и заботится, чтобы супружеские отношения имели эту внутреннюю основу, которая гарантирует их от непрестанных столкновений и раздора. Но, не освящая брака по расчету, или принуждению, христианство, как мы знаем, супружескую любовь не ограничивает страстью, не признает последнюю внутренней основой брака и не вверяет судьбу его этому слепому и прихотливому водителю.

Если всякая нравственность стремится к тому, чтобы не предоставлять чувства самим себе, а подчинять их требованиям разума и долга, то, конечно, нравственность христианская стремится к этому по преимуществу. Это не есть принуждение, не есть насилие. Это — гарантия человеческого достоинства. Предоставленная самой себе, любовь супруже-

ская легко переходила бы только в чувственное наслаждение, по удовлетворении которого являлось бы охлаждение и разрыв супружеских отношений; но опирающаяся на начала нравственные, на сознании долга, подчиненная разумно-нравственным требованиям, она постоянна и неисчерпаема. Чем более супруги вооружатся памятованием слова: *должен*, тем энергичнее заставят замолкнуть: он — мужское непостоянство и склонность к разврату, она — инстинкты кокетства; тем более любовь их, питаемая всеми этими жертвами, воспламенится и облагородится. Как государство, так и семья, не могут жить без руководства долга. Долг заставляет честно трудиться, призывает на службу обществу, с какими бы иногда неприятностями и испытаниями это ни соединялось, сколько бы это ни противоречило эгоизму, стремлениям к личному спокойствию и удовольствиям.

Итак, верным исполнением своего долга каждым из супругов, поддерживается гармония и прочность супружеских отношений. Но ведь легко может

случиться, что требования долга будут нарушаться одной из сторон: не разрушает ли это гармонию брака, не вызывает ли и другую сторону на отступление от своей обязанности и не ведет ли к разрыву супружеских отношений? Отсюда и самое требование нерасторжимости брака не обуславливается ли точным исполнением каждой из сторон своих супружеских обязанностей? Этого нельзя сказать. Христианство не считает гармонию супружеских отношений совершенно разрушенной в том случае, если одна из сторон не помнит своего долга. Напротив, гармония эта может поддерживаться и даже вполне восстановиться верностью долгу другой стороной. Мысль апостола Павла, высказанная им относительно смешанных браков, имеет некоторое приложение и к данному случаю. *Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим* (1 Кор. 7, 14).

Но каким образом муж будет видеть в жене Церковь, повинующуюся Христу, и любить ее, если она по своим поступ-

кам далеко не такова? Или каким образом жена может видеть в муже Христа, когда он злодей, негодяй? Можно ли повиноваться такому мужу, как Христу?

Относительно любви мужа мы говорили уже выше, что она не может уничтожаться непокорностью жены, напротив, еще более возрастает и достигает даже победы над злым нравом жены. В самом деле, трудно предположить, чтобы несмотря на всю любовь мужа, его заботы о ней, преданность и самоотвержение, жена, как бы она ни была дурна, не оценила этого и не примирилась с мужем. Так Христос покориł Себе Церковь, которая некогда была, как говорит Златоуст, порочнее и безобразнее всякой жены. В том-то и заключается высокогуманный и глубоко верный взгляд христианства на человеческую природу, что оно верит в усовершенствость этой природы, в нравственный прогресс человечества. Тем-то и высока, и отлична от всех христианская нравственность, что она не избавляет нас от наших обязанностей к другим, когда другие нарушают свои обязанности в отношении к нам. Иначе

никогда не могло бы быть мира между людьми. Христианин любит своего врага, и часто из врага делает его другом; он благословляет проклинающих его, и те умолкают. *И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?* (1 Пет. 3, 13). Так и в семейных отношениях. Муж действительно может быть жесток, может оскорблять жену; однако же это не мешает жене повиноваться ему, как Господу, относиться к нему так, как велел Христос, — с любовью, покорностью, уступчивостью, без заносчивости, без стремления властвовать над ним (1 Тим. 2, 12). Как особа государя является священной для христианина, как облеченная свыше верховною властью, так и жена христианка должна взирать на своего мужа, как бы он ни исполнял свой долг, как бы мало ни было в нем разума и верности. Христианин, несмотря на все нравственные безобразия того или другого лица, видит в нем все-таки человеческую личность, своего брата, сына Божия, и относится к нему с терпением и снисходительностью. Правда, указанные отношения людей, в частности, супругов

между собой весьма трудны и при низком уровне нравственного развития даже невозможны, но христианство собственно и заботится о возвышении этого уровня, указывает средства к тому. Трудно положение угнетаемой супруги, но ведь не легки и другие условия истинно человеческой жизни: нелегко прощать обиды врагу, нелегко всегда быть честным, трудолюбивым, поддерживать свое человеческое достоинство; между тем, человек нравственный от этого не отказывается. Даже в язычестве мы находим примеры нравственной силы и самообладания. Указав на пример Сократа, который, по преданию, терпел злую жену, Златоуст замечает в одной из своих бесед: "Мне весьма прискорбно, что и язычники превосходят нас".

Не жестоко ли, скажут, подчинять жену тирану-мужу и делать жертвой его произвола, в особенности такую жену, которая умнее его, образованнее и проч.?

Но дозволить ей не подчиняться и на грубости мужа отвечать тем же — не значит облегчать участь жены, напротив, это означает совершенно расстроить суп-

ружеские отношения и подвергнуть жену только большим оскорблениям и проявлениям грубой силы мужа. Допустить же развод — значит отказаться от высоконравственного значения супружества и снова ввергнуть женщину в бездну тех зол нехристианского брака, о которых было говорено выше. Да и вообще развод не только не уничтожает семейных раздоров, но как бы признавая их законность и нормальность, только поощряет их. Если принять принцип развода как средство против раздоров и правонарушений, тогда пришлось бы постоянно разводить людей между собою и ссорить человеческие общества, и все-таки не уничтожить зла. Между тем зло это искореняется с возвышением нравственного уровня людей, к чему стремится христианское воспитание.

Поставляя жене в обязанность, несмотря ни на какие дурные свойства мужа, любить его, быть покорной ему и уступчивой, христианство видит в этом средство для водворения мира в супружеских отношениях и восстановления семейного счастья. И чем умнее и обра-

зованнее жена, тем покорность ее мужу обязательнее и легче с одной стороны, а с другой плодотворнее, ибо не поработавшая ее мужу, она часто доставляет ей высокое нравственное торжество. Христианство находит для жены вполне возможным покорить таким образом даже неверного мужа, не христианина (1 Пет. 3, 1—2; 1 Кор. 7, 16). “Если муж будет язычник, то он скоро обратится; если христианин, то будет лучше”, — пишет Златоуст.

Не обязанная, разумеется, исполнять каких-либо противозаконных требований мужа, его прихотей, противных вере и нравственности, христианская жена старается вести себя, однако ж, с такой осторожностью и скромностью, чтобы не впасть в заносчивость и высокомерие. В самих своих действиях, по-видимому, несогласных с волей мужа, она показывает, что не мужу собственно хочет противоречить, не пред ним упорствовать, но не хочет быть противницей Закона Божия. Всякий отказ от исполнения несправедливых требований может носить характер величайшей покорности,

любви и кротости; а может быть и груб, дерзок, пренебрежителен. Последнее-то и не согласно с поведением христианской супруги; против этого-то апостол и писал: *учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии* (1 Тим. 2, 12). Напротив, первый способ действия может иметь весьма благотворное влияние на злого мужа и таким образом быть источником славы жены. Так христианство, ставя человека среди всех опасностей жизни, вооружает его нравственными средствами, с которыми он не только сам остается непобежденным, но еще становится победителем. *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков, —* говорил некогда Спаситель Своим ученикам, *— итак будьте мудры, как змии, и просты (кротки, незлобивы), как голуби* (Мф. 10, 16). Эти слова Спасителя могут относиться, конечно, к каждому христианину и, в частности, к женам. Этим советом они могут пользоваться и в случае религиозных разногласий с мужьями. *Жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, жи-*

тием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие (1 Пет. 3, 1—2; ср.: 1 Кор. 7, 16).

Таким образом, за женой признается такое же сильное нравственное влияние на мужа, на его исправление и усовершенствование, как это признано было и за мужем. Но жена в сем случае отнюдь не прибегает к каким-нибудь проявлениям власти, могущим только больше раздражать мужа, а действует влиянием своего скромного, покорного характера, необыкновенно смягчающего сердце мужа, примером своей чистой богобоязненной жизни, незаметно улучшающей и нрав мужа.

В самом деле, поведение, например, жены-христианки, естественно, должно сильно действовать на всякого мужа-язычника. Сравнивая скромный, беспорочный и благочестивый образ жизни такой жены с поведением языческих женщин — распутных, капризных и неверных, — каждый муж-язычник без труда приходит не только к уважению своей жены, но и к заключению в пользу

той религии, служительницей которой является она. В этом случае действительно нет нужды в слове проповеди, действию которой в мужчине нередко препятствует грубость сердца и склонность к сомнениям. Поведение жены наглядным образом убеждает мужа в преимуществах христианской религии. При этом, с другой стороны, следует заметить, что выражение апостола: *житаем жен своих без слова приобретаемы были* не исключает совершенно со стороны жены приличных женщине домашних наставлений, советов, увещаний по отношению к мужу. “Увещевай, советуй, убеждай, — взывает Златоуст к жене дурного мужа, — никакой учитель не может убедить так, как жена... Жена благочестивая и разумная скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ибо ни друзей, ни учителей, ни начальников муж не будет так слушать, как благоразумную супругу, когда она увещевает и советует”. Но апостол Петр хотел выразить собственно ту мысль, что постоянное, непосредственное влияние целой

жизни жены, проникнутой духом христианства, может действовать на мужа помимо и лучше всякого слова.

Тертуллиан яркими красками описывает трудность положения христианки в доме мужа-язычника, когда ее религиозные убеждения должны были бороться с любовью к мужу и вообще с супружескими обязанностями; но в надежде своей жизнью исправить мужа и привлечь его ко Христу он находит для нее лучшее утешение и подкрепление. “Жена, удостоившаяся добродетелями своими приобрести благодать Божию, вероятно, внушит мужу-идолопоклоннику столько уважения к себе, что не будет бояться найти в нем ни тирана, ни предателя. Он станет удивляться добрым ее делам, зная их по благородным поступкам. Он увидит, что она во многих отношениях достойнее его, и усиливающееся в нем почтение к ней не укоснит, может быть, сделать его новообращенным”. “Если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, — замечает Златоуст, — то по крайней мере заградишь ему уста и не допустишь хулить

христианство. А это не маловажное, но весьма великое дело, — чтобы наше учение было уважаемо за наше поведение”.

История христианской Церкви представляет нам много примеров того, как некоторые христианки, имевшие мужьями грубых язычников, не только умели уживаться с ними, но и оказывали на них свое благотворное влияние.

Благочестивая Нонна, в Каппадокии в IV веке, долго трудилась, чтобы обратить к христианству своего супруга Григория (отца св. Григория Богослова). “Жена, данная Богом моему родителю, — говорит Григорий Богослов, — была для него не только сотрудницею, что еще не очень удивительно, но еще и руководительницею; она сама словом и делом направляла его ко всему прекрасному. Считая для себя обязанностью во всем прочем повиноваться мужу, по закону супружества, в деле веры и благочестия она не устыдилась быть его наставницею... Часто молилась о его спасении с горячими слезами, часто обращала она к нему речь, исполненную самой сильной любви, а иногда христианских угроз,

увещаний и т. п. При этом ничто так не действовало на отца, как ее кроткий христианский нрав, ее пламенное благочестие, пред которым всего скорее смягчается душа и силою которого охотно склоняется к добродетели”.

Постоянно падающая капля воды должна была наконец пробить скалу. Повидимому, Нонна много раз умоляла мужа петь с ней псалмы. Но вот однажды Григорий увидел во сне, будто он пел вместе с женой псалмы. Сон этот произвел на него сильное впечатление; а Нонна увидела в этом действие Божие и сумела искусно воспользоваться благоприятным впечатлением. Он принял крещение и был впоследствии епископом города Назианза.

Также о сестре своей Горгонии святой Григорий Богослов замечает: “Она обратила к вере мужа своего и имела в нем не строптивного господина, а благого сослуживца...”. В ней строгость не казалась угрюмостью, а обходительность — вольностью; но в одной было видно благоразумие, в другой — кротость.

Еще более замечательна в этом отношении история Моники, матери блаженного Августина (IV в.). Муж ее Патриций был язычник, человек безнравственного, вспыльчивого и раздражительного характера. Но своей кротостью и непоколебимой твердостью правил Моника сумела внушить ему любовь и уважение к себе и обуздать грубость его нрава настолько, что он не решался делать ей какое-либо насилие. Она великодушно переносила его неверность, так что не заговорила с ним о том и речи, чтобы не возбудить взаимной вражды. Она умела не противоречить гневному мужу ни делом, ни словом. Но когда он приходил в себя и успокаивался, тогда она, улучив удобные минуты, представляла ему неосновательность его действий, если он действительно без причины выходил из себя, давая ему тут же сознавать и чувствовать это. Подруги Моники немало удивлялись ей и просили открыть им секрет такого влияния на мужа. Моника обвиняла их язык и указывала на христианскую заповедь о покорности, кротости и безмолвии жен

перед мужьями. Между тем некоторые из ее подруг вели себя с мужьями более мягкими — совершенно иначе: они часто спорили, бранились, шли наперекор, и результатом такого действия являлись всегда только большие страдания их же самих, конечно, вследствие преобладания физической силы мужей, так что следы дурного обращения с ними оставались на их обезображенных лицах. Только нравственные, христианские средства, какими пользовалась Моника в обращении с мужем, совершенно обезоруживали грубого язычника. Влияние Моника на Патриция постепенно росло. Сначала он, оставаясь сам пока еще неверующим, не отнимал у благочестивой жены права воспитывать сына в духе христианства: а впоследствии сам обратился ко Христу, именно под влиянием не столько слов, сколько примера святой жизни жены.

Выше мы видели и другие примеры благотворного влияния жен христианских на мужей-язычников, которые вследствие этого влияния иногда не только сами принимали христианство, но и распространяли его между своими под-

чиненными или же покровительствовали ему.

Нужно, впрочем, заметить, что бывали и такие случаи, когда язычники еще более ожесточались, если жены их принимали христианство: доброе поведение последних как бы служило для них нестерпимой укоризной и поводом к непримиримой ненависти. По свидетельству Тертуллиана, они иногда прогоняли от себя жен-христианок, или же преследовали их, делали им насилия и сами проводили жизнь распутную. В таком случае иногда жены считали справедливым искать развода. У святого мученика Иустина есть рассказ, приводимый и Евсевием, о том, как одна христианка, имевшая дурного и распутного мужа-язычника, чтобы, живя с ним, не сделаться участницей его непотребств и нечестия, развелась с ним и удалилась. Святой Златоуст, в объяснение слов: *Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится* (1 Кор. 7, 15), замечает: “Что значит, *если неверный хочет развестись?* Например, если он повелевает тебе приносить жертвы и участвовать в его не-

честии, по праву супружества, или же оставить его, — то лучше оставить брак, нежели благочестие. *Брат или сестра в таких случаях не связаны* (1 Кор. 7, 15). Если неверный ежедневно оскорбляет и заводит ссоры, то лучше разлучиться. Это выражает апостол словами: *к миру призвал нас Господь* (1 Кор. 7, 15). Неверный сам подает повод к разводу, подобно как и прелюбодействующий”.

О ЖЕНСКОМ ВЛИЯНИИ НА МУЖЧИН

Женское влияние на мужей, как и вообще на мужчин, — факт, не подлежащий сомнению. Оно заметно даже там, где женщина угнетена. Недаром историки ставят мерилom цивилизации положение женщины. Ибо, смотря по тому, какова будет женщина, таков и характер общественной жизни. Если хотите сделать мужчин великими и добрыми, научите женщин тому, в чем состоит величие и добро. Женщиною, как говорят, природа пишет в сердце мужчины.

Но дело в том, что, как влияние это может быть разного характера, так и средства, употребляемые при сем женщинами, различны.

Очень часто женское влияние на мужчину имеет характер соблазна и основывается на ее внешних качествах: красоте, грации, молодости и т. п. Поэтому, коль скоро этих качеств недостает от природы или от возраста, женщина прибегает к искусственным средствам для их восстановления. Она изыскивает наряды и украшения, надеясь ими восполнить естественные недостатки. Своими внешними прелестями, обольстительным кокетством и блеском нарядов стремится женщина покорить себе мужчину. Высшую степень развития такого влияния женщины видим в эпоху империи, в Риме, который быстро стал приближаться к своему падению, вместе с нравственным падением женщины. В Греции — стране красоты по преимуществу — такого рода влияние было весьма сильно, и оно проявилось особенно в гетеризме. Красивая, часто умная, красноречивая и ловкая, допущенная в разного рода общественные собрания, гетера (как известная Аспазия) играла видную роль в жизни мужчины, государственного деятеля, философа, поэта. Но

лишенная большей частью нравственных качеств характера, чуждая истинных женских добродетелей, она не могла иметь продолжительного, благотворного влияния и вскоре сделалась предметом самой ядовитой сатиры, клеймившей ее за нравственные качества самыми позорными именами. Не будем уже говорить о полигамическом языческом Востоке. Обратим внимание на евреев: и у них постоянно замечается подобный же протитутционныи характер женского влияния.

В дщерях сынов человеческих, прельстивших сынов Божиих, Библия указывает причину всеобщего растления и потопа (Быт. 6, 1—7). Дщери моавитские увлекают израильтян в пустыне и подвергают их тяжкому наказанию от Бога (Чис. 25). Сильный Самсон, обольщенный красивой Далидой, открыл ей тайну своей силы на свою погибель. Благочестивый Давид преклонился пред красотой Вирсавии и изменил благочестию. Мудрый Соломон вовлечен женщинами в идолопоклонство. Есфирь, решившись ходатайствовать за Мардохея перед му-

жем-царем, прежде чем идти к нему, облекается в самые лучшие и дорогие одежды свои и принимает веселый, обольстительный вид (Есф. 5). Иезавель, жена израильского царя Ахава, надеясь укротить Ииуя, которому было назначено истребить весь род ее, когда он прибыл в город Изреель, где она жила, намазала лицо свое, раскрасила веки, украсила голову и стала смотреть в окно (4 Цар. 9, 30). Иудифь, замыслив погубить Олоферна, поступает подобным же образом. *Она была красива видом и весьма привлекательна взором* (Иудифь 8, 7). Перед отправлением в шатер к Олоферну она сняла свою обыкновенную одежду, вымыла тело свое, умастила себя благовониями, красиво расчесала волосы, возложила на голову повязку, надела лучшие одежды, какие надевала при покойном муже, украсилась цепочками, браслетами и перстнями: *разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее* (10, 3—4). Воины Олоферна были поражены ее красотой, а сам Олоферн сделался жертвой красавицы.

Если соберут золото и серебро и всякие драгоценности, — говорится во 2-й Книге Ездры (4, 18—19), а потом увидят одну женщину, хорошую лицом и красивую, оставив все, устремляются к ней, и раскрыв рот, смотрят на нее, и все прилепляются к ней более, чем к золоту и серебру и ко всякой дорогой вещи. Пророки сильно восставали против дочерей сионских, прельщавших своими самыми изысканными нарядами и украшениями, своей игривой походкой, помизгиванием очес (подмигиванием, прищуриванием) и всем своим распутным видом. Самую плачевную будущность предсказывали пророки этим женщинам и тем, которых они увлекали (Ис. 3, 16—25).

Такими средствами женщина большей частью покоряла себе мужчину. Эти средства и доселе остаются у женщины, не проникнутой христианским духом, как самые действенные для привлечения мужчин. И доселе наряды составляют главный предмет женских попечений и даже разговоров. Но к чему это ведет женщину?

Христианство, заботясь возвратить женщине истинное человеческое достоинство, признавая за ней полное и законное право иметь влияние на мужчину, в то же время созидает это влияние на совершенно иных, нравственных началах, как это мы отчасти уже и видели. *Желаю, — пишет апостол Павел к Тимофею, — чтобы и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами (1 Тим. 2, 8—10). Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы, или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом. Так некогда и святые жены, уповающие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям (1 Пет. 3, 3—5; ср.: Тит. 2, 5).*

Вот в чем полагает христианство истинное украшение женщины, которое ее достойно. Внешние же украшения оно усвоивает преимущественно блуднице (Откр. 17, 4—18). Христианство в этом

случае совершенно последовательно своему общему взгляду на женщину. Конечно, страсть к нарядам и украшениям, вообще, без различия полов, противна христианству, заботящемуся о красоте душевной, нравственной (Мф. 6, 25—33). Но по отношению к женщине нужно было дать особую заповедь о нарядах, ибо это такое оружие в руках ее, которым, побеждая мужчину, она в то же время убивала себя, разрушала свое человеческое достоинство и свободу. Видя в нарядах первую потребность жизни, в наружной красоте первое из человеческих достоинств, женщина, естественно, делается пуста, мелочна, тщеславна. Приучая и мужчину смотреть на себя, как на забаву, на игрушку, она отказывается от своих человеческих прав и достоинств. Она наслаждается льстивыми комплиментами своих поклонников, торжествует от их мелких, фальшивых услуг и негодует при виде гордой соперницы. Но вот, по прошествии некоторого времени, муж уже не увлекается внешними достоинствами своей постаревшей супруги, он уже не сыплет на нее подарки,

не наряжает как куклу; она для него уже только хозяйка, горничная, существо, созданное для исполнения повелений господина, для расчета со слугами и т. п. Скоро становится невозможным и свет обманывать своей увядшей красотой; и старая кокетка делается предметом общего презрения.

От такой плачевной участи христианство хочет спасти женщину, делая предметом ее заботливости неувядающую красоту души, образование сердца и добродетельную жизнь. Но нелегко было бороться христианству с теми мелочными страстями женщины, которые доставляли ей столь мишурную славу, столь эфемерное торжество. О трудности такой борьбы еще Епиктет заметил следующее: "Женщины все свои надежды возлагают на наряды, поэтому большого стоит труда дать им почувствовать, что честь их состоит не в чем другом, как в приличии, стыдливости и целомудрии". Много усилий своего ума и красноречия постоянно употребляли отцы Церкви, чтобы поддержать истинное достоинство женщины, отклонить ее

от гибельной для нее привязанности к внешним украшениям и нарядам и привлечь к заботливости о внутренней красоте. Мы приведем некоторые отрывки из рассуждений отеческих об этом предмете, тем более, что они могут быть поучительны и для нашего времени.

Вот что, например, говорит учитель Церкви Тертуллиан в своем сочинении «О женском убранстве»:

“Надобно начинать с того, чтобы нравиться Богу. Наиболее оскорбляет Его безмерная склонность многих женщин употреблять всякого рода снадобья, чтобы сделать кожу свою белою и гладкою, чтобы красить лицо и щеки свои румянами, чтобы чернить свои брови сажею. Видно, что простое творение Божие им не нравится, когда они находят в нем недостатки. Они осуждают премудрость верховного Творца всех вещей; ибо исправлять или переделывать то, что сотворено Богом, значит именно осуждать Его... Что заповедал Иисус Христос? *Не можешь сделать белым или черным*, — говорит Он, — *ни одного волоса* (Мф. 5, 36). И жены смеют прекословить Богу?

Посмотрите, говорят они, как искусно из темно-русых или черных волос делаем мы белокурые, и оттого бываем приго- жее... Неужели не можете вы оставить в покое своих волос? Вы их то завивае- те, то развиваете, то подымаете, то пони- жаете; сегодня их заплетаете, а завтра оставляете волноваться небрежно; иног- да обременяете их множеством чужих волос, составляя из них или род шапки, которой покрываете голову, или вид пи- рамиды, чтобы шея была открыта. Ка- кая странность — хотеть преступать бес- прерывно заповедь Божию: *Кто из вас, заботясь, — говорит Спаситель, — мо- жет прибавить себе росту хотя бы на один локоть* (Мф. 6, 27). А вы хотите непременно прибавить к нему что-либо, накопляя на голове своей пуки волос с кучею украшений, которыми обременя- ете темя головы, как бы средоточие шле- ма. Если не стыдно вам носить такое бремя, то постыдитесь по крайней мере недостойнства его. Не кладите на голо- ву, освященную крещением, смертных остатков какого-либо бедняка, умерше- го от распутства, или какого-нибудь зло-

дея, осужденного умереть на эшафоте. Свободная голова должна устранять себя от рабства всех сих тягостных убранств. Впрочем, напрасно стараетесь вы казаться великолепно одетыми; напрасно употребляете искуснейших мастеров для уборки волос: Бог хочет, чтобы вы были под покрывалом. А зачем? Вероятно, затем, чтобы никто не видал головы жен, *постыжающих себя открытою головою* (1 Кор. 11, 5)."

"Ты нага, — обращается святой Киприан к суетной женщине, — хотя и одеваешься в заграничные платья и шелковые одежды! Ты безобразна без украшения Христова, хотя и украшаешь себя перлами и дорогими камнями! Роскошно убирая свои волосы, ты только уловляешь взоры юношей и влечешь за собою их вздохи, питаешь плотское вожделение и представляешь из себя меч и яд взирающим на тебя". Так писал Киприан, который сам на себе хорошо испытал силу женского влияния и имел случай оценить разницу его в христианстве и вне христианства. Григорий Богослов так рассказывает об этом: "Буду-

чи язычником и служителем демонов, Киприан отличался, между прочим, необузданными страстями и развратной жизнью. Но вот он пытается покорить одну христианскую прекрасную и благородную девицу Иустину, которая на все его соблазны и обольщения отвечает проявлениями христианской строгости и целомудрия. Она обращается с молитвой об укреплении к Жениху Небесному и Святой Деве Марии, постом и подвижничеством хочет истребить в себе красоту чувственную, увлекшую юношу, а в то же время при встрече с ним выражает такое достоинство и нравственное величие, которое, постепенно оказывая свое на него влияние, произвело, наконец, неожиданное действие. Нравственная сила победила Киприана, новая любовь возгорелась в нем. Он бросает прежний суетный и развратный образ жизни. Священник не верит, когда Киприан является к нему с намерением принять христианство: казалось невероятным, чтобы Киприан стал христианином, хотя бы все сделались христианами. Но он точно обратился; пред всеми в собрании

исповедует он свое неразумие, приносит сюда же свои языческие книги, которыми доселе увлекался, сжигает их и становится ревностным христианином”.

“Красота телесная становится обыкновенною вследствие привычки; но красота души каждый день обновляется, и больший возжигает к себе пламень. Итак, если хочешь угодить мужу, украшай душу скромностью, благочестием. Это единственное средство покорить мужей — и навсегда. Ни старость не изменяет сей красоты, ни болезнь не повреждает. Вот красоту тела стирает время и поедает болезнь. Но красота душевная выше всех этих перемен. Та — и зависть производит, и ревность возбуждает, а эта не подвержена таким страстям и не знает никакого тщеславия... Все украшения и уборы имеют некоторую цену в первые дни брака, но, впоследствии, время уменьшает их цену. Ибо, если и на небо, столько прекрасное, и на солнце, столько светозарное, по привычке, мы не всегда смотрим с равным удивлением, — после того будем ли удивляться искусством разукрашенному телу? Говорю это

для того, чтобы возлюбили красоту неувядающую, украшаться которой заповедует апостол Павел, т. е. *не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию* (1 Тим. 2, 9—10). Не подражай блудницам, которые посредством нарядов привлекают к себе многих любовников... Если Павел отвергает то, что служит признаком богатства, именно золото, жемчуг и ризы многоценные; то не гораздо ли больше нападает он на признаки крайней суетности, — притиранья, подкрашивание век, жеманную походку, изнеженный голос, взгляд влажный и блудного выражения исполненный, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало, или надевают платье, затейливо устроенный пояс, вычурную обувь”, — писал Златоуст.

“Скажу несколько слов, — пишет тот же святитель к диакониссе Олимпиаде, — об одежде твоей, об этой простоте и неизысканности, которую ты наблюдаешь касательно своего платья. Кажется, эта добродетель ниже других; но, если

тщательно рассмотреть ее, найдешь, что она весьма величественна, что она требует для себя души любомудрой, стоящей выше всего житейского и парящей к самому небу... Апостол знал ясно, что щегольство — тяжкая болезнь души, болезнь, с которой трудно бороться, — самый верный признак развращенного сердца, для исправления себя имеющего крайнюю нужду в любомудром уме. Это ясно доказывают собою не только светские женщины, вступившие в супружество, из которых ни одна охотно не слушает убеждений своего мужа касательно одежды; но это доказывают и те, которые, по-видимому, уже любомудрствуют и которые вступили в сонм дев. Многие из этих дев уже после того, как мужественно вышли на брань с тиранскою властью природы и чисто протекали поприще девства, и подражали ангельскому образу жизни, и в мертвенном теле показали начатки воскресения (ибо в оном веке, говорит Христос, ни женятся, ни посягают), и в борьбу вступили с бестелесными силами, и в тленном теле спорили с существами, не под-

верженными тлению, и самым делом совершили то, о чем многие даже слушать не в состоянии, и прогнали от себя похоть, как бешеную и непрестанно нападающую собаку, и укротили неистовое море, и среди жестоких волн плыли спокойно, носясь благополучным ветром по бушующему морю, и, ставши в пещь естественной похоти, не сгорели, но смело попрали этот огонь, как холодный пепел, — после всего этого девы постыдно и бедственно побеждены были страстью к нарядам, — и, устояв против сильнейших искушений, не устояли против искушения со стороны убранства”.

Григорий Богослов, восхваляя христианские качества своей сестры Горгонии, между прочим говорит: “Ее украшали не золото, отделанное искусною рукою до преизбытка красоты, не златовидные волосы, блестящие и светящиеся, не кудри, вьющиеся кольцами, не бесчисленные ухищрения тех, которые из честной головы делают род шатра, не многоценность пышной и прозрачной одежды, не блеск и приятность драгоценных камней, которые как бы окрашивают

собою самый воздух и озаряют лица, не хитрости и обаяния живописцев, не покупная красота, не рука земного художника, которая действует вопреки Зигждителю, и Божие создание покрывает обманчивыми красками, вместо образа Божия выставляет напоказ похотливым очам кумир блудницы, чтобы поддельною красотою закрыть естественный лик, хранимый для Бога и будущего века. Напротив того, она, хотя знала много всякого рода наружных женских украшений, однако же ничего не находила драгоценнее своих нравов и сокровенного внутри велелепия. Один румянец ей нравился — румянец стыдливости, и одна белизна, происходящая от воздержания; а притирания и подкрашивания, искусство делать из себя живую картину, удобно смываемое благообразие, она предоставила женщинам, определившим себя для зрелищ и распутий, для которых стыдно и позорно краснеть от стыда”.

Епископ Медиоланский Амвросий написал несколько трактатов о женщине, общая мысль которых: “Если я до-

стигну реформы женщин, я реформирую через это и мужчин; а ничто так не важно для реформы женщин, как отучить их от суетности и научить их истинному достоинству, нравственному величию, славе целомудрия и непорочности". Проповедь святителя имела успех. Нравы Милана и всей Италии улучшились. Весть об этом распространилась даже на Востоке, так что Василий Великий поздравлял Амвросия с успехом, восхвалял его таланты и добродетели и ставил в образец епископам.

Из представленного взгляда христианства на женские наряды и украшения, конечно, нельзя сделать того заключения, что христианство совершенно презирает внешнюю красоту, которая служит признаком здоровья и составляет вообще рельефное качество женской личности. Это было бы крайностью, искажением природы, чего вообще христианство не допускает. Поэтому-то языческое обвинение христиан в нечистоплотности и небрежности признано за клевету на христианство. Христианство заботится только о том, чтобы наруж-

ность не была предметом исключительной заботы женщины, как это вообще свойственно женскому полу, чтобы женщина прежде всего имела в виду свои внутренние человеческие достоинства; ибо наружность делает из женщины кокетку, или жалкую игрушку мужчины, а не существо разумно-нравственное, внушающее истинное уважение.

Поставляя для женщины на первом плане заботы о развитии внутренних качеств душевных, апостол Павел в то же время внушает женщинам не пренебрегать своей внешностью, а заботиться о приличии в одеянии, со стыдливостью и целомудрием (1 Тим. 2, 9).

Церковный писатель Тертуллиан замечает между прочим в своей апологии против язычников: “Мы живем с вами, питаемся той же пищей, носим те же одежды, имеем те же необходимые вещи в доме, те же нужды. Мы не уподобляемся индийским брахманам и гимнософистам... Мы помним, что надобно за все благодарить Бога, Господа и Создателя всяческих: не отвергаем ничего того, что Он сотворил для нас, а только воздержи-

ваемся от излишества и злоупотребления... Не должно совершенно осуждать и красоты, поскольку она составляет преимущество тела, и, будучи украшением дела рук Божиих, служит, так сказать, почетною завесою души нашей... Если же позволено хвалиться чем-либо, то надобно хвалиться преимущественно духовными благами. Прекрасные качества тела не должны нас много занимать, потому что главный долг наш есть — украшать душу свою... Слава наша состоит в заслугах добрых дел... Эта чистота, если смею сказать, так должна быть обильна, чтобы из сердца изливалась на платье, и из внутренности орошала всю внешность. Она, таким образом, оградит внутреннюю крепость надежными укреплениями внешности, и с большей безопасностью сохранит верность, подобающую Богу. Надлежит совершенно отказаться от всякой неги, обессиливающей строгую добродетель... Все, что мною доселе сказано, не к тому клонится, чтобы обратить вас к образу жизни грубому, возбуждающему отвращение, или советовать вам не соблюдать опрятности в

своей внешности. Намерение мое состоит только в том, чтобы показать вам, до какой степени и до каких пределов может простирается заботливость ваша о своем теле, дабы целомудрие было неприкосновенно. Не должно выходить из границ скромной благопристойности и приличной опрятности”.

И действительно, в костюме женщин первых веков христианства видим поразительную простоту, скромность и благоприличие. Климент Александрийский, осуждая наряды, довольно подробно рассуждает в «Педагоге» о том, в какой мере могут быть допущены украшения женщин, какого характера должен быть костюм их. Изображения христианских женщин, находящиеся в римских катакомбах, отличаются строгим, но и изящным приличием в одежде.

После этого очевидно, что христианство осуждает собственно те крайние увлечения женщин своей внешностью, которые совершенно унижают ее нравственное достоинство, обнаруживают ее тщеславие и суетность, делают ее предметом только чувственного влечения

мужчины и ведут к нравственной распущенности, с ее ужасными, совершенно искажающими женскую натуру последствиями. Но вместе с кротостью и скромностью оно поставляет чистоту и целомудрие, даже и во внешнем виде, лучшим украшением женщины, источником ее нравственного достоинства, свободы и влияния.

О ПОКРОВЕНИИ ЖЕНЩИНАМИ ГОЛОВЫ ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ

В связи с учением апостола Павла о нравственных качествах женщины находится наставление относительно покрыва женщины головами во время молитвы (1 Кор. 11, 3—13).

У древних народов, особенно восточных, был обычай, чтобы женщины в общественных собраниях являлись с покрытой головой. Авимелех, царь Герарский, желая наградить Сарру, жену Авраама, подарил ей женское покрывало (Быт. 20, 16). Ревекка, встретив Исаака на пути, когда в качестве невесты приближалась к дому Авраама, сошла с верблюда и покрыла лицо свое покрывалом (Быт. 24, 65). Женщина считала бесчестьем для себя, если бы кто-нибудь, кроме мужа, увидел ее без покрывала.

Древние римляне иногда разводились со своими женами, если узнавали, что они являлись вне дома без покрывала. Тертуллиан говорит христианкам своего времени: "Вас осудят языческие женщины Аравии, которые не только голову, но и все лицо покрывают, так что лучшие довольствуются вполтину только видеть свет свободным глазом, чем выставять напоказ все лицо". В христианской Церкви удержался также этот обычай. Христианки являлись в церковные собрания с покрывалом на голове, как это было и в иудейских синагогах. Неимение покрывала было признаком бесстыдства, позора, считалось крайним неприличием.

Между тем в Греции подобный обычай хотя существовал, но при богослужении не всегда соблюдался, в свидетельство благоговения к богам. Отсюда языческие комедиографы начало преступных связей большей частью приписывали посещению храмов. Особенно это можно сказать относительно Коринфа. Мы уже говорили, что нравы языческо-

го Коринфа отличались крайней распущенностью, что это был город разврата. Разврат здесь был даже освящен самой религией. Здесь в огромном храме Венеры — богини любви — собирались тысячи женщин для проституции. Девушки всей Греции и Азии выставляли здесь напоказ свои прелести. Образовалось даже особое слово “коринфствовать”, что означало развратничать, предаваться распутству, любодеянию. И известную древнюю пословицу — *не всякому удастся быть в Коринфе* — объясняли в том смысле, что слишком дорого обходилось быть в Коринфе, полном женских прелестей. Очевидно, что нелепо было бы женщинам в таком городе являться в храмы покрытыми. Это шло вразрез со всем проституционным характером города. И действительно, коринфские женщины являлись в свои языческие храмы не только с открытыми лицами и головами, но и с обнаженными плечами, красуясь и прельщая своими роскошными формами.

С распространением Евангелия в Коринфе распущенность нравов не сра-

зу могла исчезнуть, что мы и видим из Послания Павла к Коринфянам, направленного против разного рода злоупотреблений. Между прочим, христианские женщины из язычниц никак не думали, чтобы им нужно было оставлять свой давний, родной обычай ходить без покрывала, и в церковные собрания являлись с открытой головой. Они убеждены были, что христианству нет нужды противодействовать этому чисто внешнему, но элегантному и общепринятому обычаю. Могли также думать, что христианство, проповедуя свободу и равенство полов (Гал. 3, 28), не станет и в этом случае отличать женщин от мужчин, которые в Греции при богослужении не покрывали головы; только рабы перед своими господами и осужденные на смерть преступники являлись с покрытой головой. И вот, коринфские христианки отвергают покрывало, как неприятное напоминание о несвободном состоянии женщины.

Златоуст предполагает, что в бытность свою в Коринфе апостол преподавал, меж-

ду прочим, наставление и касательно покрывала. Но этому предмету, вероятно, не придали особенного значения, тем более, что женское тщеславие побуждало не отступать от давнего обычая и не скрывать своих, может быть, роскошных волос. Некоторые же, хотели, может быть, просто выразить пренебрежение к иудейству, не одобрявшему такой нескромный обычай языческого происхождения (1 Кор. 3, 3—4).

Как бы то ни было, но это незначительное обстоятельство возбуждало споры в Церкви, и споры, должно быть, немалые. Апостол разрешает эти споры, разными доводами доказывая, что женщине неприлично быть с открытой головой, ибо это есть знак и непокорства и бесстыдства. *Хочу, чтобы вы знали, —* так начинает свои доказательства апостол, *— что всякому мужу глава Христос; жене глава муж, а Христу глава Бог* (Кор. 11, 3). Христианство, как мы уже знаем, объявляя равенство всех людей в Царстве Божием, в то же время не уничтожает и идеи подчинения, напро-

тив, проводит ее даже в высшей сфере. В своей градации главенства, апостол, сопоставляя мужа как главу жены — со Христом как главой мужу, вовсе не хочет этим унижить жену; точно так же, как он не унижает Христа, сопоставляя Бога Отца как главу Христа — со Христом же как главою мужу. Или здесь понятие главы, как думает Златоуст, не должно быть принято в одинаковом смысле во всех случаях, чтобы иначе Сына не сделать ниже Отца столько же, сколько мы ниже Сына, а жену не сделать ниже мужа столько, сколько мы ниже Сына. Или лучше, понятие главы во всех трех случаях следует ограничить только известным, так сказать, ближайшим и непосредственным смыслом. А то иначе тоже придется допустить неправильную мысль, будто Отец только глава Сына, а не всего (Ин. 10, 29; 1 Кор. 8, 6; Еф. 4, 6), и что Христос только глава мужа, а не всей Церкви, и жены и всего (Кол. 1, 16—18; 2, 10; Еф. 1, 10, 22; 4, 15). Итак, апостол в данном случае имеет в виду не безусловное главенство и

подчинение, и останавливается на таких чертах, по которым нужно было Бога Отца назвать главою Христа, Христа же — главою собственно мужа, а мужа — главою жены. Какие же эти черты? Будучи равен Богу Отцу по существу (Ин. 10, 30; Кол. 1, 15; Флп. 2, 6), Христос в Своем сыновнем достоинстве и мессианском служении является подчиненным Богу Отцу, Который послал Его (Флп. 2, 8—9; Рим. 8, 3; Ин. 8, 28—29; 10, 36—37) и воскресил Его из мертвых (Кол. 2, 12). Итак, Бог Отец глава Христу; Христос же глава мужу. Сам будучи мужем (Деян. 2, 22), во всем уподобившись братии своей (Евр. 2, 14, 17; ср. Еф. 2, 6—7), но, представляя в то же время Собою Мужа Совершеннейшего (Деян. 3, 14—15), как новый Адам (1 Кор. 15, 45—47), как Первенец из мертвых и Владыка царей земных (Откр. 1, 5), Христос покорил Себе и непокоримую и надменную своею мудростью и силой мужскую натуру (Флп. 2, 8—10; 1 Кор. 15, 27; Кол. 1, 18). Итак, мужу — глава Христос. Жене же глава — муж. Человеческая

природа их в сущности одинакова, и в Царстве Божием они равны, но самый тип мужчины самостоятельнее, независимее, могущественнее. Женщина ищет в нем опоры, ждет его инициативы и без него беспомощна, недерзновенна; если же решается покинуть инициативу мужа, то легче подвергается опасности падения, как Ева, дерзнувшая без мужа вступить в сношение со злой силой и прельстившаяся (1 Тим. 2, 13—14). Так мужчина решительно беспомощен в духовной жизни без своего главы Христа, Который для него опора и упование. Так и Христос в деле домостроительства является не один, не без зависимости: Он творит волю Отца (Ин. 8, 29), предается Его власти (Мф. 26, 39—42), взывает к Его помощи (Ин. 17, 9—26).

Итак, мужчина может быть не выше женщины ни в области ума, ни тем более в области чувства; он может быть даже ниже ее в отношении живости чувства и в деле других нравственных проявлений, но он имеет какое-то невыразимое внутреннее могущество, силу

воли, которая выражается во всех отношениях. Его Я, так сказать, сильнее женского; он обладает каким-то инстинктом господства, тем гордым и твердым нравом, который возвысил римлян над народами более образованными, более утонченными. Женщина же скорее обладает дарами побежденных наций, дарами прекрасными, но которые даже и в красоте своей лишены независимого величия.

Выясняя далее идею мужского и женского типа, апостол говорит: *Муж есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа* (1 Кор. 11, 7). Как выше понятие главы принято было в известном не безусловном смысле, так и образ Божий в данном случае апостол понимает только со стороны идеи силы, могущества. В этом отношении образ Божий непосредственно выражается только в муже, который в лице Адама получил господство на земле (Быт. 1, 26). А жена разве только опосредованно, через мужа, отображает в себе образ Божий в этом смысле; хотя в другом отношении она всецело и непосредствен-

но обладает образом Божиим как существо разумно-нравственное. Вот почему апостол, назвав мужа образом и славою Бога, жену осторожно называет только славою мужа, чтобы не подать повода к ложному выводу о жене как вообще не имеющей образа Божия. Жена отображает в себе собственно силу и могущество мужа, которыми сама по себе она не обладает; в этом отношении она светит, так сказать, заимствованным светом (как луна, которая от солнца заимствует свой свет), поэтому, *жена есть слава мужа*. Назвать так жену дает полное право и самая история творения мужа и жены. *Не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа* (1 Кор. 11, 8—9). Апостол имеет в виду то место из Книги Бытия, где говорится, что Бог, *взял одно из ребр* спящего Адама, создал из него жену. Он видел, что *не хорошо быть человеку одному*, что ему нужен помощник (Быт. 2, 18, 21—23). Таким образом, в истории творения мужской тип является как нечто первичное, основное, са-

мостоятельное, но еще неполное; женский — как последующее, не самобытное, но более цельное развитие того, что было уже в муже (ср.: 1 Тим. 2, 13). Неестественно было бы отнять могущество у мужчины и перенести его на женщину. Впрочем, опасаясь, чтобы это как бы предпочтение мужского пола не повело к действительному унижению женского, чтобы самих женщин оно не привело к небрежению о своем достоинстве, а мужчинам не дало повода к неуважительному отношению к ним, апостол тотчас же спешит оговориться; подтверждая совершенную индивидуальность того и другого пола, он доказывает и их взаимную необходимость друг для друга, их одинаковую несостоятельность друг без друга. *Ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж чрез жену; все же — от Бога* (1 Кор. 11, 11—12).

Различие типов мужского и женского, известным образом выражающееся во взаимных отношениях супругов, естественно, должно выражаться и вовне.

И вот обычай покрывания женщинами головы, существовавший у большинства древних народов, как и у иудеев, апостол хочет удержать и в христианстве, ибо этот обычай хорошо выражает идею женственности.

Апостол предписывает женам иметь на голове символ власти над ними (ст. 10), т. е. покрывало. Каким же образом покрывало может выражать подвластное состояние? Феофилакт Болгарский разрешает этот вопрос таким образом: “Покрытие головы означает наложение власти на голову: покрывало на голове занимает место властителя и служит знаком подчинения... Покрытою головою, опущенными вниз глазами жена доказывает свою почтительность и верность положению подчиненной”.

“Покрытие есть знак покорности и подчинения, — говорит Златоуст, — оно побуждает смотреть вниз, смиряться и соблюдать добродетель, которая для подчиненного состоит в послушании”. Но апостол, собственно, не считает нужным разбирать этого вопроса. Он опирается

на общепринятый обычай, от которого только в Коринфе дерзнули отступить. Апостол уверен, что о том его спрашивать не будут: “действительно ли покрывало выражает подчинение?” Все сами так думали; подобно как у нас снятие шляпы в знак почтения считается общепринятым обычаем и выражение отдать почтение считается равносильным выражению снять шляпу. Таким образом апостол в 10 ст. кратко, метонимически говорит, что жена должна иметь на голове власть. Каждый понимал, что этим указывается на покрывало.

По всему ходу речи апостола видно, что он главным образом коринфским женщинам хотел внушить, как вести себя во время молитвы — с открытой или покрытой головой, ибо они в этом отношении допускали злоупотребления. Мужчинам, собственно говоря, не было и повода, чтобы покрываться вопреки христианскому требованию, ибо и у греков, как мы видели, молились с открытой головой; разве христиане из иудеев могли препираться в этом случае? Отно-

сительно же женщин действительно нужно было говорить с такой настоятельностью, какая замечается у апостола. Но с другой стороны, так как апостол находит нужным мысль о необходимости женщинам покрывала утвердить на принципе отношения полов, то ему естественно было вместе с заповедью женщинам дать соответственное наставление мужчинам. Этим апостол выразил и ту важную мысль, что муж не имеет какой-нибудь привилегии — свободно, по произволу, распоряжаться своим внешним видом, во имя того, что он глава жены; напротив, и он подчиняется в этом отношении строгому закону. Так всюду является совершенное равенство мужа и жены перед нравственным законом, при естественном различии их отношений друг к другу.

Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая (ст. 4—5).

Если муж представляет собой идею главенства, могущества по отношению к жене, то ему и во внешнем виде следует выражать это, иметь тоже на голове знак власти, но уже власти своей собственной, а не власти над ним, т. е. быть с открытой головой. Покрывать свою голову ему неприлично, срамно, ибо это значит отказываться от дарованной ему власти, самовольно и не по праву унижать в себе образ Божий, в этом смысле, вопреки мысли Божией (ст. 7). “Когда имеющий власть приступает к царю, — говорит Златоуст, — то он должен иметь на себе знак своей власти. Посему, как никто из имеющих власть не осмелился бы явиться пред облеченным диадемой без пояса и приличной сану одежды, так и ты, без знаков своей власти, т. е. без обнаженной головы, не молись Богу, дабы не нанести бесчестия и себе и почтившему тебя... Покрываясь, ты делаешь то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее с головы, и вместо диадемы надел рабскую одежду... Для жены же бесчестно не иметь знаков своей подчиненности”.

А что свободная от покрова голова выражала именно идею власти и свободы — доказывать это апостолу опять не было нужды, ибо это было общеизвестно. Если же иудеи и римляне покрывались при богослужении, то они в этом случае не отступали от принятого взгляда, но своим покровением хотели выразить только свое смирение и уничижение пред Божеством, подобно тому, как смирение рабов пред господами у греков выражалось покрытою головою первых. Между тем апостол нашел такой обычай совершенно неприличным достоинству мужа, представляющего в своем лице Божественную славу, которая по изображению в пророческих видениях (Ис. 6; Иез. 1) является открытою, в противоположность служащим ей Херувимам и Серафимам с закрытыми лицами. Соответственно этому открытая голова на молитве для мужчины составляет честь, так же, как для женщины покрытая, ибо она выражает тем свою естественную зависимость от мужа, славу которого составляет. Отсюда и прибав-

ленное апостолом в ст. 10 выражение — для Ангелов (жена должна покрываться) — может иметь тот смысл, что покрываясь, жена делает это, как бы в подражание и угождение Ангелам, служащим славе Божией с закрытыми лицами. Мужеский пол, как представитель Христа и в сем смысле образ и слава Божия сый, должен соответствовать явлениям славы Божией, предстоять в церкви с открытыми головами; а женщины, как служащие славою уже для представляющих сияние славы Божией мужей, должны покрываться, имея в этом первообразом для себя Ангелов, которые, служа славе Божией и славословящую, или сами покрывают лица своими крилами, или имеют простертую над своими главами твердь.

Таким образом, являясь на молитву без покрывала, женщина явно отрекается от своего достоинства, как славы мужа и, не приобретая достоинств мужа, с которым хочет сравняться, теряет и благопристойность жены. Она нарушает идею женской покорности, а следова-

тельно и скромности, и тем кладет на свою голову клеймо позора, все равно как если бы она была обрита или острижена. А обритая голова в древности действительно служила знаком бесчестия, позора. У иудеев, как и у всех почти древних народов, волосы женщины считались особенным украшением ее, данным от природы. Поэтому брили или стригли голову или в знак сильной печали, как бы подавляющей и презирающей самую красоту, или же, большей частью, в знак зазорного поведения женщины, когда она предавалась блуду или прелюбодеянию. Остригая блудницу, ее лишали естественного украшения, потому что его недостойна та, которая презрела неразлучное с красотой чувство стыдливости и скромности. Поэтому, как наказание лишением волос — этого естественного украшения, служит знаком потери всякого стыда и целомудрия, так и отложение покрывала, как символа нравственной красоты, свидетельствует о том же (ср.: Ис. 47, 2—3). Открытая голова женщины равняется обритой го-

лове блудницы. Видя женщину без покрыва, каждый вправе заключить, что она не честная женщина, живущая с мужем, а блудница. В силу этого апостол и делает такой вывод: *Если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается* (ст. 6). Таким образом, на непокрытие женщиной головы нельзя смотреть, как на что-то среднее между ее покрытием и обритием, ибо непокрытие и обритие в существе дела тождественны. Волосы для женщины составляют покрывало (ст. 15). Но они покрывало естественное, данное природой, а то — добровольно надеваемое на голову и служащее со стороны женщины сознательным выражением необходимой для нее скромности и стыдливости, ибо природе должна соответствовать воля. “Для того Бог и повелел природе покрывать голову волосами, — рассуждает Златоуст, — чтоб жена, научившись от природы, и сама покрывалась”. Если волосы составляют честь для женщины, потому что они

даны вместо покрывала, то, значит, и самое покрывало составляет ее честь. Пусть же женщина сбрасывает и свой естественный покров — волосы, если она решилась сбросить символ своей нравственной красоты — покрывало; для нее уже стыда не будет, если она, решившись на последнее, сделает и первое. Этим последовательным выводом апостол хочет рельефнее выставить все неприличие либеральных стремлений коринфянок. Ибо отложение искусственного покрывала не так еще, может быть, бросалось в глаза, со стороны своего неприличия и срама, могло считаться безразличным делом, но лишение покрывала естественного — волос — слишком явно (по крайней мере, с тогдашней точки зрения) свидетельствовало о чем-то дурном, постыдном.

Апостол замечает далее, что сама природа даже научает нас, как срамно мужчине растить волосы и тем уподобляться женщине, а женщине стричься (ст. 14 и 15). Очевидно, природа разумеется здесь не в смысле постоянных и неиз-

менных законов природы, а в смысле естественного, инстинктивного чувства приличия, которое под влиянием обстоятельств, может меняться, но его требования, выражаясь в том или другом обычае, в данное время или в данном обществе становятся как бы требованием самой природы; отступление от обычая считается ненатуральным.

Мы сказали, что апостольское наставление женщинам о покрывале относится собственно к молитвенным собраниям, как это прямо видно из стихов 5 и 13; но, по мнению святых отцов, основанному на апостольском сравнении непокрытой женщины с обритою, апостол имеет в виду постоянное покровение женщины; хотя он не упоминает о том, может быть потому, что и без того женщины в другое время не нарушали обычая покровения, и вопрос был предложен коринфянами только относительно молитвенных собраний.

Замечательны также заключительные слова апостола, направленные против тех, которые, несмотря на его дово-

ды, захотели бы отстаивать свое нововведение: *спорить, мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии* (1 Кор. 11, 16). Говоря так, апостол как бы предчувствовал, что этот пункт долго еще будет служить предметом распрей для людей, не понимающих духа христианского учения об отношении полов. Так в гностических еретических сектах долго еще жил нехристианский взгляд на женщину и ее отношение к мужчине. Под влиянием частью псевдоаскетизма, считая половое различие явлением ненормальным и супружеские отношения неприемлемыми с нравственными началами, некоторые женщины у гностиков хотели и своим внешним видом не напоминать об этом различии. Для этого они стригли волосы и носили мужской костюм. Обычай этот существовал и не только в еретических сектах. В житии святой Синклитии, Афанасия Александрийского, сказано: "Распродав все оставшееся ей имение и раздав нищим, она призвала некоего пресвитера и остригла себе волосы. Тогда оставила все ук-

рашения, ибо в обычае у жен называть волосы красотою. Это действие было символом того, что в душе ее не было никакого излишка и никакой прикрасы; и тогда-то в первый раз она удостоилась названия девицы". Христианской Церкви пришлось бороться с таким выражением мнимого благочестия. "Аще которая жена ради мнимого подвижничества острижет власы, которые дал ей Бог в напоминание подчиненности: таковая, яко нарушающая заповедь подчиненности, да будет под клятвою. Аще некая жена, ради мнимого подвижничества применит одеяние и вместо обыкновенной женской одежды облечется в мужскую: да будет под клятвою" (VI Всел. Соб., прав. 96).

Подобным образом Церковь, разумеется, осуждала и со стороны мужчин нарушение апостольской заповеди о волосах, данной в II главе Первого Послания к Коринфянам.

Апостольское учение о женском покрывале, как символе ее подчинения, для нас особенно важно, ввиду распростране-

ния тех, вовсе не христианских идей о свободе и равенстве, во имя которых и коринфянки не хотели иметь никаких знаков подчинения, рисовались своим независимым положением и тем подавали повод к нареканиям на христианство. Апостолу главным образом нужно было пресечь развитие этого, вовсе не христианского духа ложного либерализма и раздоров, подавить это стремление коринфских христианок рисоваться своим как будто особенным, независимым положением. С этой стороны, учение апостола о женском покрывале всегда будет служить обличением против той ложной эмансипации, которая, останавливаясь на наружности, на стрижке волос и т. п., не видит и не понимает нравственно-человеческого равенства мужчины с женщиной; игнорируя особенности женской натуры, заявляет громкое требование равенства и даже отождествления чисто внешнего, неестественного. С другой стороны, это учение апостола направляется и против женского тщеславия и нескромности, которые весь-

ма унижают христианку, как будто она может привлекать к себе, только выставляя свои внешние красоты, подобно коринфским язычницам.

О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И О ЖЕНСКОМ СВЯЩЕНСТВЕ

Идея женского приличия, выражаемая покрывалом, в дальнейшем раскрытии приводит к выводам и о значении женщины в жизни общественной, о ее отношении к публичной деятельности. Отсюда сфера деятельности женской определяется такими условиями, которые, отвечая человеческому достоинству женщины, в то же время не идут в разрез с достоинствами женскими, не подвергают ее опасности утратить присущую ей скромность и покорность, выйти из своего естественного круга и придать ей несвойственное.

Между тем в первое время под влиянием христианства в женщине пробудилось сознание о высоте и равноправии и социального положения с мужчи-

ной, доведшее ее до действий несогласных с указанными чертами женского права, действий, на которые она не уполномочивалась. Сюда относятся притязания коринфских женщин на публичное церковное учительство.

Церковное учительство в христианстве составляет прямую обязанность лиц, особо для того поставленных и принадлежащих к церковной иерархии. Лица посторонние, непосвященные, никогда не имели на то права. Исключение касалось разве особых случаев, когда, например, кто-нибудь сподоблялся чрезвычайного дара духовного, как то было в Церкви апостольской (1 Кор. 14, 31); или когда епископ приглашал на церковную кафедру кого-либо из христиан, прославившихся знанием Писания и красноречием. Так Ориген, не будучи еще пресвитером, проповедовал всенародно в церкви, по приглашению епископов. Если же церковное учительство составляет собственно дело лиц, принадлежащих к церковной иерархии, то понятно, что женщина не имеет права на него как устраненная из иерархии.

На основании той близости, в какой находились женщины к Иисусу Христу и апостолам, той любви и преданности делу веры и Евангелия, которыми они превосходили иногда мужчин, их готовности на разного рода труды, лишения и самопожертвования для Церкви Христовой, мы вправе были бы заключать, что они получают и те особенные обетования и поручения, какие даны мужчинам.

После того как апостолы, избранные Иисусом Христом для особенной цели, поколебались в скорбные минуты дней плоти Его (Евр. 5, 7), один вовсе изменил Ему, другой с клятвой отрекся от Него и все, оставив Его, разбежались (Мф. 26, 69—75; 27, 3; Мк. 14, 10, 50; Лк. 22, 4—5); после того как этим они не оправдали своего избрания, по-видимому, можно было ожидать, что Господь устранил их от порученного им дела и возложит его на женщин, которые не усомнились о Нем в самом решительном случае, не ослабели в своей приверженности к Нему во время измены ближайших учеников и, таким образом, подавали большие надежды. Между тем Гос-

подъ, воздавая всякому свое, не отказывая и возлюбившим Его женщинам в должной чести и обетованиях, не изменяет прежнего Своего изволения относительно избрания на особенное служение веры — мужчин. По Воскресении Своем, устроая Царствие Божие, Святую Церковь Свою (Деян. 1, 3), не женщинам, а мужчинам, святым апостолам говорил Он: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что я повелел вам... Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари... Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас... Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Мф. 28, 18—20; Мк. 16, 15; Ин. 20, 21—23). Из других мест Евангелия видно, что не к женщинам, а к мужчинам, святым апостолам относились некоторые особенные наставления о проповедании всюду Царствия Божия, об открытом учительстве, об отлучении упорных и непослушных от общения с

Церковью, о совершении Таинства Евхаристии в воспоминание Спасителя и т. п. (Мф. 10, 1—28; 18, 15—18; Лк. 22, 19—20). В таком смысле поняли и апостолы это учение об их особой власти, особых обязанностях. *Итак каждый должен разуметь нас, как слугителей Христовых и домостроителей таин Божиих*, — писал апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам (4, 1; ср.: 12, 28. Рим. 15, 16). Свое служение, апостольство они ясно отделяли от каких-либо других родов служения в Церкви (1 Кор. 12, 28). На место выбывшего из их среды Иуды они с молитвой жребием избрали Матфея (Деян. 1, 23—26). Апостолы заправляли всеми делами христианской общины (Деян. 4, 33, 35; 6, 2), они предлагали поучения в Церкви (Деян. 2, 42; 5, 21, 28, 42). Они судили неправильно поступавших верующих (Деян. 5, 1—10; 8, 20—24; 1 Кор. 5, 1—5; 2 Кор. 2, 6—10). В случае нужды апостолы избирали для служения в церкви новых лиц и через возложение рук поставляли их на это служение (Деян. 6, 2—6); совершали крещение и через воз-

ложение же рук сообщали новоуверовавшим Святаго Духа (8, 16—19, 35—39). Из антиохийских учителей и пророков апостолы, по повелению Святаго Духа, отделяют Варнаву и Савла от общества верующих и посылают в другие места, с целью проповедовать Евангелие и устроить Церкви (Деян. 13, 1—3). Во всех местах, где образовывались новые церкви, новые общества верующих, апостолы поставляли избранных для священнослужения и управления церквами; лица эти назывались пресвитерами и епископами, или блюстителями Церкви, домостроителями тайн Божиих, пастырями Церкви, поставленными к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова и т. п. (Деян. 14, 23; 20, 17—28; 1 Тим. 3, 1—10; 5, 17; Тит. 1, 5—9; Еф. 4, 11—12; Флп. 1, 1). Этих особо поставленных лиц (мужского пола) апостолы уполномочивали проповедовать людям истины спасения во всякое время, со всяким долготерпением, и назиданием, и властью (1 Тим. 4, 13; 2 Тим. 4, 2; Тит. 2, 15), священнодействовать Таинства веры Христовой (Иак.

5, 14—15; 1 Тим. 5, 22; Тит. 1, 5); совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех людей в собраниях верных (1 Тим. 2, 1—2); благоустраивать все по духу веры святой (1 Тим. 4, 16; 5, 1—4, 7, 11, 16, 19, 20; 6, 17—20; 2 Тим. 2, 16, 23); с кротостью наставлять противников (2 Тим. 2, 25); заграждать уста непокорным, пустословам и обманщикам (Тит. 1, 10—11; 3, 10). Таким священноначальствующим лицам принадлежит сугубая честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении (1 Тим. 5, 17).

Все эти преимущества и апостольские наставления относятся к лицам священнослужащим и священнодействующим, поставленным из мужчин. Напротив, женщины, весьма приближенные к апостолам, пользовавшиеся с их стороны глубоким уважением, часто имевшие большое влияние в своих домашних церквях, как это мы видели выше, никогда не поставлялись на высшие священныя должности, не уполномочивались и на открытое учительство в церковных собраниях. Даже Сама Пресвя-

тая Дева Мария — Лицо всеми благоговейно уважаемое, как за Ее высокое достоинство Матери Господа Спаса мира, так и за Ее святость, глубину веры и знание истин евангельских, — Святая Дева, находясь в общине первых христиан (Деян. 1, 14), нигде, однако же, не выступает со словом проповеди, учительства, предоставляя это право мужам как лицам, уполномоченным на то, апостолам — Петру, Иакову и др. В этом случае Святая Дева представила Собою высокий тип чистой женственности. Так же ведут себя и равноапостольные мироносицы. Первые свидетельницы Воскресения, уполномоченные от Самого Воскресшего на благовестие о великом событии (Ин. 20, 17; Мф. 28, 10), они не выступают, однако же, в роли учителей публичных, в общем церковном собрании.

Только в некоторых еретических обществах женщина была допущена к священнодействию и церковному учительству. Тертуллиан упоминает о Квинтилле из секты каинитов. Епифаний Кипрский свидетельствует о священнодей-

ствии женщин у коллиридиан. Фирмилиан Каппадокийский в письме к святому Киприану упоминает об одной женщине, выдававшей себя за пророчицу и священнодействовавшей между катафригийскими еретиками. Известны также имена Приски, Максимииллы, Прискиллы, которые принадлежали к монтистическим сектам, где они занимали должности епископские и пресвитерские. Подобное же, как известно, допускают протестанты, баптисты, некоторые и из наших раскольников. В Америке, где женщины стремятся к полной равноправности с мужчинами, в некоторых церковных общинах допускается женская иерархия.

Этот обычай женского священнодействия Апостольские Постановления называют не христианским учреждением, а нечистивым заблуждением язычества, где божества женского пола имели и своих жриц. При этом от лица апостолов прибавляется: "Сам Учитель наш и Господь Иисус, послав нас двенадцать учить народ и языки, никогда не посылал женщин на проповедь, хотя и не

было в них недостатка... Если бы необходимо было, чтобы учили женщины, то Сам Господь первый повелел бы, чтобы и они вместе с нами оглашали народ" (Апост. Пост., кн. III, гл. IX и VI).

Сказанному не противоречит учреждение так называемого диаконисского служения, которым ограничено иерархическое значение женщины в христианской Церкви. Мы рассмотрим, в чем состояло это служение, чтобы лучше выяснить характер женской деятельности в христианстве.

О ДИАКОНИССАХ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Восхваляя и представляя римлянам Фиву, апостол Павел называет ее “служительницею” или “диакониссой” кенхрейской Церкви. Уже самое выражение апостола “сущую служительницу” показывает, что здесь разумеется особая должность, церковный чин, а не просто те или другие услуги Фивы для Церкви. Так понимали и лучшие из древних толкователей Священного Писания. Ориген, объясняя это место из Послания апостола Павла, замечает: “Здесь авторитетом апостольским подтверждается мысль, что для церковного служения поставлялись даже женщины”. А святой Златоуст прямо говорит: “Называя Фиву служительницею, Павел означил тем ее степень”.

Полагают, что и те женщины, которых приветствует апостол Павел в Послании к Римлянам, принадлежали также к числу диаконисс, хотя, вероятно, в то время служение диаконисс не было еще организовано в определенный чин.

Мы знаем уже, по какому побуждению была установлена диаконская должность в первенствующей Церкви. Апостолы, не желая сами отвлекаться заботами о больных, бедных, вдовах, сиротах и тем мешать служению слова, сочли нужным учредить особую диаконскую должность (Деян. 6, 1—6). Сначала на эту должность поставлены были семь избранных мужей, а потом стали выбираться и женщины. Название же должности осталось одинаково для того и другого пола, потому что характер их служения сначала был совершенно одинаков. И как диаконам апостол Павел предписал известные наставления и правила (1 Тим. 3, 8—13), так и относительно диаконисс сделал некоторые постановления.

В Первом Послании к Тимофею апостол Павел дает, между прочим, настав-

ление о том, какие женщины должны быть причислены к вдовицам, получающим свое содержание от церкви, наравне со служителями последней (1 Тим. 5, 9 и др.). Вдовиц этих апостол не называет диакониссами, но есть основание думать, что многие из них занимали при церквях именно эту должность. Самые свойства и добродетели, которыми апостол обуславливает принятие в число вдовиц, — такого рода, что трудно допустить, будто отсутствие их могло лишать вдовиц, несмотря на гнетущую бедность последних, участия в благодеяниях, расточаемых церковью на бедных.

Для нас не имеют особенного значения вопросы о том, где первоначально явился чин диаконисс, давно ли и почему он прекратился? Относительно последнего заметим вообще, что это учреждение исчезало само собой по мере уменьшения тех нужд, каким служили диакониссы, и на Западе ранее, чем на Востоке. Впрочем, со времени реформации в протестантской церкви эта должность опять получает большое значение и широкое развитие.

Какие же были условия и обязанности диаконисского служения?

На основании вышеуказанного места из Первого Послания к Тимофею, где говорится о принятии в церковь вдовиц не моложе 60-ти лет, бывших за одним мужем и прославившихся добродетелями, в некоторых церквях утвердилось мнение, что действительно только шестидесятилетние вдовы имеют право служить в церкви. Это мнение значительно ограничивало церковно-служебные права женщин, но оно не было слишком распространено и утвердилось преимущественно в Западной Церкви. Тертуллиан сильно осуждает одного епископа за то, что тот поставил в диакониссы двадцатилетнюю девуцу. “Девуца-вдовица: что может быть необычайнее этого? — восклицает карфагенский пресвитер. — Она отрицает в себе то и другое, отрицает и то, что она девушка, потому что она считается вдовицею, и то, что она вдовица, так как она называется девуцею”.

Иное видим мы в церквях Восточных. Правда, и здесь были попытки

предоставить право диаконисского служения исключительно вдовам, но попытки эти оказались безуспешными. Видно, церковная практика противоречила такому взгляду. Действительно, вышеприведенное приветствие Игнатия Богоносца “девицам, называвшимся вдовицами”, т. е. диакониссами, дает право заключать, что не вдовы только допускались в чин диаконисс. Впоследствии девицы как будто даже получают преимущество перед вдовами в этом отношении. “В диакониссы должна избираться дева чистая, или же, по крайней мере, вдовица от первого брака — верная и честная” (VIII, XXVIII), — говорится в Постановлениях Апостольских. Григорий Нисский в жизнеописании сестры своей Макрины говорит, что она была посвящена в диакониссы будучи еще девой; здесь же он упоминает о девице-диакониссе Лампадии. У Созомена есть рассказ о вифи-нянке Никарете, славившейся девством, которая из смирения и любви к философии отказывалась от открытого служения диакониссы, хотя архиепископ Кон-

стантинопольский Иоанн Златоуст и сильно уговаривал ее к тому. 6-е постановление Юстиниана гласит, что в “диакониссы следует поставлять или девиц, или вдовиц от первого брака”.

Были и еще женщины, имевшие право на степень диакониссы. Это жены тех лиц, которые, получив какую-нибудь священно-церковную степень, оставляли жизнь супружескую. Есть рассказ о блаженной Тиме (конца I или начала II веков), которая сначала жила со своим мужем Фемистрагорой; потом, когда последний был посвящен в диаконы святым Авксибием Солосским, они прекратили свои супружеские отношения и жили как брат с сестрой. В это-то время Тима была посвящена Авксибием в диакониссы. Святой Епифаний Кипрский говорит, что в церкви “диакониссы должны быть однобрачные и воздерживающиеся от сообщения со своими мужьями, или вдовы после первого брака, или постоянные девственницы”. 48-е Правило 6-го Вселенского Собора гласит: “Жена производимого в епископское

достоинство, предварительно разлучаясь с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его во епископа, да вступит в монастырь... Аще же достойна явится, да возведется в достоинство диакониссы”.

Итак, собственно женщины, не связанные семейными узами, допускались к должности диаконисс. Это и понятно, потому что обязанности диакониссы были так велики и трудны, что совмещать их с семейными обязанностями было слишком неудобно (1 Кор. 7, 34—35).

Слова апостола, очевидно, выражают не закон, безусловно обязательный и навсегда неизменный, а скорее предосторожность, которая была нужна для предотвращения злоупотреблений в случае посвящения молодых диаконисс. Чистая и добродетельная жизнь в сем случае была лучшим мерилом для избрания вообще в священный сан и, в частности, в диакониссы. Вот почему мы видим в христианской Церкви диаконисс даже моложе 40 лет, даже 20-летних девиц, силы которых, естественно, были зна-

чительнее для такого служения, как, например, заботы о больных. Подозрительная жизнь, дурные слухи, отсутствие честности, болтливость, невоздержание и нравственные другие недостатки служили препятствием при получении диаконисской должности (1 Тим. 5, 13).

В число лиц, служащих при церкви, апостол не желал допускать таких, которые не отличаются самообладанием и воздержанием (Тит. 1, 7—8). Вообще вдовам апостол советует вступать в брак в том лишь случае, когда они не обладают силой воздержания (1 Кор. 7, 8—9). Следовательно, второбрачные устраняются от диаконисской должности как невоздержанные. Требование, чтобы диаконисса вдовица имела детей, оправдывается тем соображением, что такие были бы опытнее в прохождении диаконисского служения, в круг обязанностей которого входило, между прочим, воспитание бедных сирот, советы молодым женщинам и т. п. Вот почему и Феодосий Великий обращает особенное

внимание на этот пункт, узаконивая не поставлять в диакониссы женщин, не имевших детей и не достигших 60-ти лет.

Лица, избранные в диаконы, по описанию Деяний Апостолов были поставлены в эту должность апостолами с молитвой и возложением рук (6, 6). Диакониссы, как лица, имевшие назначение, сходное с диаконским, также поставлялись с посвящением. Правда, в писаниях апостольских нет на это указания, но позднейшие свидетельства (со II века) говорят, что диакониссы получали особое посвящение, которое не должно смешивать с посвящением дев. Диаконисское посвящение соединялось с молитвой о ниспослании благодати Всесвятого Духа и возложением рук и омофора епископского (хиритония). При этом посвящающиеся диакониссы опоясывались ораем. По посвящении они входили в состав клира и, как служительницы Церкви, получали и содержание от нее, подобно прочим клирикам. Замечательны выражения молитвы епи-

скопа при посвящении в диакониссы: “Боже Святый и Всесильный, иже... не точию мужем, но и женам Святаго Твоего Духа благодать и пришествие даровал еси: Сам и ныне Господи на рабу твою сию призри, и во услужение Твоего дела призови ю, и ниспосли на ню богатый и изобильный дар Святаго Твоего Духа...” и т. д. Но уже при самом посвящении диакониссы высказывалась мысль о ее низшем служении. Причастившись, она не выходила с чашею из алтаря для причащения других. В молитвах на ее посвящение нет и намека на то, чтобы она поставлялась “для служения Пречистым Тайнам”, о чем говорится в молитвах на посвящение диаконское.

Тщательное испытание перед поставлением в диакониссы, определенное отцами 4-го Вселенского Собора (Пр. 15), касалось не нравственной только стороны, но и умственной. И это вполне сообразно с обязанностями диаконисс. Иногда для них назначался учитель, который учил их читать книги и псалмы.

Нам уже известно, чем первоначально вызвано было утверждение диаконства, — неудобством для самих апостолов заботиться о телесных нуждах верующих, служить им за трапезами и т. п. Вскоре и диаконы, обремененные множеством различного рода обязанностей, должны были разделить с диакониссами. И вот диакониссы, прежде всего являются на устраивавшихся в воспоминание Тайной Вечери, вечерах любви, прислужницами бедным женщинам или вдовам, жившим на содержании церкви. Вместе с тем они наблюдают и за порядком в этих собраниях, насколько то касалось женщин. На этом, между прочим, основании диакониссам отделялась обыкновенно некоторая часть от приношений. Писатель одного древнего послания к антиохийцам приветствует “стражей святых врат, сущих во Христе диаконисс”. Отсюда видно, что обязанность диаконисс с древних времен состояла, между прочим, в том, чтобы быть придверницами в церквях и наблюдать, чтобы мужчины не входили в женское

отделение храма, а женщины — в мужское, равно также — не позволять оглашенным оставаться в церкви более известного времени, не допускать в храм неверных и вообще не имевших почему-либо права присутствовать при богослужении. В случае, если странница или вновь присоединенная к Церкви, не знала, где ей занять место, диаконисса обязана была указать ей место.

Больные, как и бедные, в древности пользовались особым попечением церкви. Обязанность заботиться о них лежала на диаконах, а чаще на диакониссах, которые, как женщины, были способнее с нежностью и самоотвержением ухаживать за больными, дни и ночи проводить при их постели, исполнять все их желания, а иногда и капризы. Блаженный Иероним свидетельствует, что при церкви есть довольно престарелых женщин, услугами которых могут пользоваться больные. Еще естественнее и приличнее было служение диаконисс больным лицам женского пола. “Диаконы должны быть во всем безу-

коризненными, — сказано в Постановлениях Апостольских, — чтобы могли служить немоцным (мужчинам), а жена (диаконалисса) должна тщательно пещись о женщинах” (III, XIX). Дიაконалиссы посещали также лиц, за исповедание Христа заключенных в темницы. Они приносили им милостыню, собранную с общества христиан, служили и т. п. В известном рассказе Лукиана о философе Перегрине, говорится, что около темниц, в которых содержались христиане, “поутру рано можно было видеть ожидающих старух, вдов и юных сирот”. Посылать диаконалисс в темницы для служения мученикам было гораздо удобнее в первые времена христианства, чем посылать диакона для той же цели, потому что женщина возбуждала менее подозрения в язычниках, на диаконалиссу менее могли обращать внимание. В этих же видах диаконалисса удобно могла служить, когда епископу нужно было что-нибудь передать христианкам, например, распоряжение о месте или времени богослужения, так часто изменявшихся во

времена гонений; в особенности, если эти христианки жили в языческих домах. “В некоторые дома, — говорится в Апостольских Постановлениях (III, XV), — ты (епископ) не можешь послать диакона, по причине неверных; в таком случае ты пошлешь диакониссу”.

Еще более необходимо было служение диаконисс при крещении женщин. В первые века христианства в Церковь Христову постоянно вступали взрослые лица обоего пола. Совершать крещение над женщинами священнослужителю-мужчине было не совсем ловко и прилично, а для иного, может быть, и соблазнительно. Конечно, диаконисса не была совершительницей Таинства, а только служебным лицом при совершителе последнего, его помощницей, насколько того требовало приличие. “Для приличия диаконисса прислуживает пресвитерам при крещении женщин”, — как сказано в Апостольских Постановлениях (VIII, XXVIII). Как пишет Епифаний Кипрский: “Чин диаконисс существует в Церкви не для священно-

действия или какого-нибудь другого служения подобного рода, но ради скромности женского пола, для присутствия во время крещения, чтобы, когда обнажается тело женщины, не видели его священнодействующие мужи". Служа при крещении, диаконисса помогала крещаемой раздеваться и одеться, войти в воду и выйти из нее, осматривала ее тело, и, по древнему церковному обычаю, помазывала его елеем, за исключением чела. Нередко диакониссы должны были принимать на себя роль восприемниц новокрещеных женщин, особенно ввиду того, что во времена гонений трудно было находить для крещаемых особых восприемников. Поэтому мужчин воспринимали диаконы, а женщин — диакониссы. После крещения диаконисса принимала на себя некоторое посредничество в сношениях епископа с женщинами-христианками и их с ним. Во избежание дурных подозрений женщина в случае нужды являлась к епископу не одна, а в сопровождении диакониссы. Есть свидетельства об участии диаконисс

и при заключении браков, при принятии кающихся женщин в общение с Церковью и пр. Наконец, они приготавливали к погребению тела умерших женщин.

Святой Епифаний прямо говорит, что они отнюдь не были пресвитерами или священниками, т. е. совершительницами священнодействий христианских. В Западной Церкви были, впрочем, притязания со стороны некоторых диаконисс расширить круг своих действий в алтаре (например, кадить), касаться священных сосудов; но это злоупотребление было остановлено предстоятелями Церкви. Папа Сотер около 173 года издал строгое определение против такого рода посягательств диаконисс на недозволенное им священнослужение. Сюда можно отнести и притязание некоторых западных аббатисс благословлять народ, возлагать руки, посвящать дев. Капитулярый Карла Великого возбраняет такое притязание, как несогласное с древним обычаем христианской Церкви.

Важнейшая из всех обязанностей диаконисс состояла в том, чтобы учить

женщин, которые готовились к принятию крещения, начальным истинам христианской веры и нравственности. Эта обязанность требовала и от самой диакониссы знания и достаточной опытности в делах веры и нравственности. Вот почему Карфагенский Собор постановил, чтобы “вдовицы или инокини, которые поставляются для служения при крещении женщин, так были приготовлены к своей должности, чтобы на простом и священном наречии могли учить несведущих и необразованных женщин, как им отвечать на вопросы крещающего, во время совершения Таинства и как жить по принятии крещения”. Разумея, конечно, такого же рода частное, домашнее учительство, апостол Павел внушал старицам, чтобы они были доброучительны и наставляли молодых в правилах христианской нравственности (Тит. 2, 3—5).

Таким образом христианство нашло приличным иерархическое значение женщины ограничить низшей священной степенью диакониссы; в то же вре-

мя права ее, как учительницы истинам христианской веры и нравственности, оно ограничило сферой частной жизни. В этом случае христианство осталось совершенно верно своему общему взгляду, не отрицающему женственности во имя общечеловеческих прав, но и не доводящему значения ее до унижения человеческой личности и правоспособности женщины. Поэтому, когда со стороны коринфских женщин явилась попытка расширить свою деятельность и наряду с мужчинами, призванными к тому, взойти на церковную кафедру с публичной проповедью, апостол, услышав о том, тотчас же увидел в этом знак разрушения тех истинных женских достоинств, какие он старался утвердить в христианке. Чтобы предупредить опасность, он должен был точнее изложить христианский взгляд на неприличие этого дела и дать положительную заповедь на этот счет. *Жены ваши в церквах да молчат* (1 Кор. 14, 34). *Учить жене не позволяю... но быть в безмолвии* (1 Тим. 2, 12).

В основание своей заповеди о безмолвии женщин в церкви апостол полагает

известную уже мысль о подвластности и скромности, как отличительных чертах женской натуры. С этой целью он ссылается опять на историю первобытной жизни и останавливается на обстоятельствах падения первых людей. Особенное же внимание при этом апостол обращает на то, что жена, созданная после Адама, первая поддалась обольщению и впала в преступление, тогда как Адам прельщен не был (1 Тим. 2, 13—14). Это библейское сказание, имеющее глубокий нравственно-психологический смысл, будучи односторонне и поверхностно понято, послужило в дальнейшем, как мы видели, к крайне порицательному взгляду на женщину, которая стала считаться как бы началом греха (Сир. 25, 27—28).

Апостол тоже, как видим, в грехопадении первоначально жены находит как бы основание к устранению ее от общественного служения. Но мысль апостола совершенно другая. Адам, как глава остается главным виновником греха и смерти (Рим. 5, 12, 14; 1 Кор. 15, 22). Но Адам не прельстился отвне; он поддал-

ся нравственному, непротивозаконному влиянию жены. Жена же не устояла перед обольстительным влиянием внешней силы. Не укоряя Евы, апостол только показывает в ней пример того, к чему ведет стремление женщины выйти из круга женского приличия. Ева, получившая заповедь от Бога через посредство мужа, и в этом принявшая урок о важности этого посредства, вскоре, однако же, решается оставить главенство и поддержку мужа и, вопреки женской скромности и покорности, помимо мужа вступает в общение с чуждой силой, которая ее и увлекает ко злу, увлекает тем легче, чем беззащитнее и способнее к падению женщина, утратившая свои женские достоинства и вышедшая из-под влияния мужа. Падшая жена вместе с собой доводит до падения и Адама, и тем разрушает гармонию райской жизни. Это обстоятельство и послужило поводом к тому, чтобы естественная зависимость жены от мужа, нарушенная ею с такими печальными последствиями, была подтверждена особым Божественным по-

становлением о подчинении мужу: *К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16). Апостол Павел приводит это постановление как основание к тому, чтобы устранить жену от несвойственной ей роли церковной учительницы (1 Кор. 14, 34). “Учила некогда жена мужа, и все испровергла. Она во зло употребила власть, поэтому сказал апостол, да не учит”, — пишет Златоуст.

Церковное учительство проникается обыкновенно властительным характером и повелительным тоном — чертами, которые уже признаны несообразными с женским типом. Стремление женщины на кафедру церковную есть знак самовластия, неподчинения, притязания господствовать над мужем. Ее существенные достоинства — скромность и покорность — утрачиваются на кафедре церковной, а с утратой их женщина теряет свое нравственное величие и влияние, и добру научить не может. Обязанная учить женщин скромности и покорности, проповедница сама же собствен-

ным примером будет разрушать силу своей проповеди, и не убедит ни одной женщины. Не убедит тем более мужчину, который вообще будет шокирован наставительным и повелительным тоном жены. Он поддается не логике ее, а тихому, незаметному нравственному влиянию. Да и не странно ли положение жены, являющейся в церкви публичной наставницей и обличительницей своего мужа, а дома обязанной оказывать ему полное повиновение? Так, рассматриваемая заповедь апостола тесно связана со всей системой христианского учения об обязанностях и взаимных отношениях полов. Поэтому апостол иногда говорит безраздельно: *учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем* (1 Тим. 2, 12), выражая тем, что эти два действия находятся в тесной связи между собой, друг друга обуславливают и равно неприличны женщине.

Стоя на точке зрения женского приличия, апостол и вообще находит неуместным, несогласным для женщины с ее скромным и тихим нравом говорить

что-нибудь в церковных собраниях, или расспрашивать, если что для нее покажется непонятным, как это допускалось иногда в Коринфе. В таком случае она пусть или дома с мужем рассуждает по поводу тех или других недоразумений (1 Кор. 14, 35), или вообще пусть учится в безмолвии, не выходя из пределов женского приличия и степенности (1 Тим. 2, 11), не вдаваясь в опасную для ее скромности область многоречия и спорливости. *Так бывает во всех церквях у святых*, — прибавляет апостол (1 Кор. 14, 33); это общий обычай, сообразный с благопристойностью и порядком (ст. 40), а не какое-нибудь частное мнение, и коринфяне вовсе не вправе ссылаться на свой авторитет в этом деле (ст. 36).

Для нас собственно важно это прямое и решительное запрещение апостола относительно *учительства* женщин, запрещение, основанное на требовании женского приличия. Апостол видел, что дозволить женщине учительство значило стать в противоречие с основным принципом своего учения о женских досто-

инствах и добродетелях, значило испортить этот чистый женственный тип, который хотело создать христианство. Не то, чтобы женщина была не способна к учительству: она может не менее мужчины проникать в сердце человеческое, она способна глубоко веровать, горячо любить и говорить с глубоким убеждением, прочувствовать то, что говорит. Не за легкомыслие, непостоянство и вообще нравственную слабость, как иногда думают, женщина устранена от церковного учительства. В Новом Завете нет этой мысли. Без сомнения, евангельская женщина служит для всех прекрасной учительницей нравственности, но она действует в сем случае, как мы видели, не столько словом и доказательством, и тем менее публичным учительством, сколько жизнью. Она не проповедует о необходимости веры в Спасителя, о самопожертвовании и преданности, но в твердой уверенности в Божественной силе Христа прикасается к краю Его одежды; полная горячего чувства любви, возливает драгоценное миро на Его

ноги; сопровождает Его на Голгофу и бесстрашно стоит у Креста, к укоризне тех, которые, будучи ближайшими учениками Христа, почти все разбежались. Собственно же первообраз служения женщины в церкви, можно сказать, представляет евангельская престарелая вдовица Анна, служившая (и день и ночь) Богу при храме постом и молитвой. Когда молитва ее об исполнении Божественного обетования о Спасителе мира (ибо такова вообще была молитва верующих людей того времени) была услышана, она вместе со старцем Симеоном встречает во храме младенца Мессию и, исполнившись духа пророческого, прославляет Бога. Но в то время, как Симеон выступает на открытую проповедь о Мессии во храме, Анна говорит о Нем в Иерусалиме всем чающим избавления; таким образом она подготавливает почву для будущего посева, является как бы женщиной-предтечей, тихо проводя христианские начала в жизнь, еще до проповеди Христа и апостолов (Лк. 2, 36—38). Очевидно, если бы женщина

была не способна к учительству по своим умственным и нравственным свойствам, то ей, конечно, нельзя было бы дозволить и частного, домашнего учительства, на поприще которого, как мы выше видели, она так блистательно заявила себя. Притом ей не позволяется не только учить в церкви, но и спрашивать: стало быть, здесь дело не в неспособности, а в неприличии вообще говорить женщине открыто в церкви.

Из сказанного следует, что рассматриваемый пункт христианского учения о женщине далеко не ведет к тому заключению, которое иногда делают, — будто женщина должна быть совершенно устранена от жизни общественной, от влияния на общество и предназначается к пассивной, служебной роли в семье.

Тот же апостол говорит во всех Посланиях об общественной деятельности женщины, о ее служении человечеству, но он желает, чтобы эта деятельность не выходила из пределов женского приличия, а сообразовывалась всегда с суще-

ственными достоинствами женскими. Общество может достигать своего совершенства и полноты своей жизни лишь при участии женского начала, и женская личность, таким образом, получает свою самобытность, именно как женская, в христианском значении этого слова. Призванная к любви, женщина при посредстве этой нравственной силы, скрытой и внутренней, может иметь гораздо больше влияния, чем власть внешняя, могущество открытое, от которых она устранена, как ей не свойственных. При этом должно признать, что такого рода женское влияние ближайшим и непосредственным образом сказывается в жизни семейной, что мы уже и знаем из рассмотрения значения христианской супруги. Теперь мы перейдем к рассмотрению семейного значения женщины в других отношениях.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Цель, которая по существу соединяется с браком — рождение детей — в христианстве получает высшее нравственное значение как приготовление новых членов Царства Божия на земле. Хотя родители одинаково обязуются заботиться о благосостоянии и воспитании детей (2 Кор. 12, 14; Евр. 12, 9; Кол. 3, 20; Еф. 6, 4; 1 Тим. 5, 10), и сами одинаково пользуются от них известными обязательствами (Еф. 6, 1—3; Мф. 19, 19; Кол. 3, 20; 1 Тим. 5, 1—4); но в деле воспитания, в отношении образования характера детей, христианская мать получает преимущественное значение, ибо это дело оказывается особенно сродным женской натуре и составляет ее особенную заслугу. Эту мысль и высказывает

апостол Павел в Послании к Тимофею вслед за тем, как представил основание для отстранения женщины от роли, ей не свойственной, и как бы в утешение женскому полу, подвергшемуся укоризне в лице прародительницы Евы, впадшей в преступление (1 Тим. 2, 14). *Жена спасется через чадородие (чадородия ради), если пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием* (ст. 15).

Это не значит, что апостол ставил собственно чадородие необходимым условием спасения христианской женщины: это было бы явное противоречие тому, что сам же апостол говорит о спасительности безбрачия (1 Кор. 7, 7 и дал.; 25; 38), было бы и весьма странно ввиду того, что многие женщины могут не иметь детей по тем или другим причинам. Выражение апостола указывает только на важность призвания женщины как матери. Вне христианства это призвание имело ничтожное значение. У матери отнимали иногда даже заслугу в самом рождении и называли ее только носительницей. На Востоке и у древних

народов ее часто устраняли от влияния на детей. Евреи ограничивали призвание матери преимущественно многоплодием. Некоторые даже из европейских законодательств отводят роль матери слишком пассивную и жалкую. Но в христианстве значение ее весьма велико, серьезно и священно. Не напрасно апостол прибавляет: *если пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием*. Это показывает, что не чадородие, собственно, служит к спасению женщины, а пребывание в вере, любви и пр., в которых она воспитывает и детей. Женщина, как поясняет это место святой Амвросий, спасется через рождение детей в веру, т. е. и сама пребудет добродетельной и детей сделает такими же, и таким образом спасется. О добродетельной матери говорит апостол, а не о всякой, что она получит за детей великую награду и воздаяние. Напротив, небрежение о детях подвергает ее тяжкой ответственности на Страшном Суде Христовом. Воспитательная деятельность христианской женщины вменяется в такое до-

стоинство, которое в древней Церкви давало ей преимущественные права на диаконисское служение (1 Тим. 5, 10). “Дело матери не родить: это дело природы, но воспитывать — вот дело матери, потому что это зависит от произволения. А чтобы тебе увериться, что не рождение чад, но хорошее воспитание их делает матерью, послушай Павла, который венчает вдовицу не за рождение, но за воспитание детей. Ибо, сказав: *Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя... известная по добрым делам*, — указал потом на главное из добрых дел. Какое же это дело? *Если она воспитала детей*”, — пишет Иоанн Златоуст. Сообразно с этим нравственно-воспитательным призванием матери любовь ее к детям должна иметь характер не только естественной привязанности и нежности, но и нравственной заботливости. Что может быть естественнее любви к детям? Но и об этом апостол считает нужным напомнить (Тит. 2, 4), ввиду тех злоупотреблений, какие существовали в

мире нехристианском. Что же касается любви в смысле нравственной заботы, то на это нужно было обратить особенное внимание, как на что-то новое, или, по крайней мере, весьма редкое для древней жизни. Мнение об общественном воспитании детей, две тысячи лет назад высказанное Платоном и в новое время поддерживаемое социалистами и коммунистами, противно христианскому воззрению (1 Тим. 5, 4), которое в этом случае, как и везде восстанавливает естественный первоначальный закон человеческой жизни. В самом деле, сама природа связала ребенка самыми тесными узами с родителями и, в частности, с матерью. Сама природа, вложив в материнскую грудь источник первого питания для ребенка, хотела как будто этим самым показать ненарушимость и святость ее права. Низводить женщину, как мать и как кормилицу, до роли публичной наемницы — это варварская идея. Избегать кормления по небрежности к ребенку, по желанию освободить себя от этой нелегкой и невеселой обязанности — вот

что безнравственно и противно христианскому материнскому долгу.

Недаром женщина обладает и нравственными качествами такого рода, которые гармонируют с детской природой и делают ее для ребенка необходимой. Мать инстинктивно понимает нужды ребенка, который еще не говорит и едва способен думать. Если он плачет, она одна может успокоить его своим кротким и нежным голосом. Она одна может объяснить ребенку его первые детские впечатления. Развивающемуся детскому любопытству прекрасно соответствует материнская терпеливость; его резвость сдерживается мягкостью, его незнание никогда не испытывает над собой ее излишней строгости. Что учитель вверяет только памяти нашей, то мать умеет вырезать на сердце; к чему он только едва возбуждает веру, к тому она внушает любовь. В этом отношении мать имеет преимущество и перед отцом. Она, собственно, создает нравственную атмосферу дома, которая в такой же степени служит питанием для

нравственного существа человека, как физическая атмосфера для его телесного состава. Тогда как отец воспитывает более при помощи авторитета и разума, мать достигает того же результата лаской и нежностью сердца. Отец подчиняет себе волю ребенка большей частью посредством уважения к себе, а мать располагает этой волей при помощи любви. Нередко семейство сравнивают с государством. В данном отношении отец является в нем как бы представителем непопулярной партии, которая всегда опирается на авторитет и подчинение, а мать — представительницей партии либеральной: она всегда склоняется в пользу слабости ребенка, в пользу его детской природы; объявляет ему прощение и милость. Она проникает в самые сокровенные изгибы характера дитяти, и, ослабляя принудительный отцовский элемент, благоприятствует свободному развитию природных способностей ребенка. В педагогических средствах — гимнастике и музыке — находят как бы некоторое указание на отцовский и ма-

теринский элемент в воспитании. Гимнастика — это твердая сила воспитания, предлагаемая отцом, которая научает дитя побеждать самого себя, бороться с затруднениями, быть свободным и, в то же время, человеком долга; музыка — это кроткое воспитание матери, которая баюкает дитя нежным словом, заглушает в нем противные порывы и, в то же время, не уничтожает его воли. Не то же ли психологическое основание лежит и в наставлении апостола Павла родителям, когда отцам он предписывает не раздражать детей (Еф. 6, 4; Кол. 3, 21) и тем как бы хочет строгий авторитет отца смягчить добрым и нежным чувством; а матерям, предписывая любовь (Тит. 2, 4), дает понять, что это чувство должно быть не простой только естественной привязанностью, доходящей до слабости в нравственном отношении, но разумно-нравственной любовью (1 Тим. 2, 15). Сблизив мать с ее ребенком, сама природа как бы хочет указать, кому она вручает наше первоначальное нравственное воспитание.

А если все наши чувства, мнения и вкусы развиваются под непосредственным влиянием матери, то отсюда понятно само собой все ее великое значение для нашей будущности. Многие великие люди говорили, что они всем обязаны нежным заботам своих матерей. Впрочем, нет нужды указывать примеры материнского влияния на детей, которое всегда и везде существовало, хотя далеко не всегда было беспрепятственно и признавалось законным.

Христианство же не только признает это влияние вполне законным и необходимым, но и, направляя его к целям чистым, нравственным, делает источником славы для женщины. “Педагогика, — говорит Климент Александрийский, — есть наука благочестия, которая научает, как достигать познания истины, и которая верно наставляет на путь, ведущий к небу”.

Не отвергая никаких полезных знаний, пригодных в жизни и согласных с человеческим назначением, христианство на первом плане поставляет нрав-

ственное воспитание; оно хочет сделать из ребенка прежде всего истинного человека-христианина, который на всех поприщах будет исполнителем, честен, надежен. Вот как рассуждает святой Златоуст об этом предмете: "Не так полезно образовать сына, преподавая ему науки и внешние знания, посредством которых он станет приобретать деньги, сколько научить его искусству презирать деньги... Богат не тот, кто заботится о большом стяжании имения и владении многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его: в этом величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся о том, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому, и бедному, этому поучаются не от светских учителей и не при пособии наук, а из Божественных Писаний... С таким (т. е. нравственным) образованием сын твой и в свете будет самым приятным

человеком: все станут уважать его, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти; впрочем, он получит власть и не домогаясь ее, и у царя будет в большом почете. Ибо такому нельзя укрыться: во множестве здоровых один может остаться незамеченным; но если между множеством больных найдется один здоровый, то слух о нем скоро достигнет ушей царских, и ему будет поручено начальство над многими... Если люди, занимающиеся изображениями царей, пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя Небесного (ибо человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстанавливаем Божие подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобивыми, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставим их не дорожить земными благами”.

При такой задаче призвание женщины оказывается необычайно важным и

серьезным. Это призвание прежде всего от нее самой требует надлежащего умственно-нравственного развития, образования. Нормальное воспитание детей, с какой стороны его ни рассматривать — физической ли только, умственной, или нравственной — невозможно без знаний, без надлежащего образования самого воспитателя.

Ввиду же всей важности и серьезности семейного значения женщины нет основания для тех жалоб, которые иногда высказываются в наше время. Жалоб на ничтожество значения женщины в жизни, до тех пор, пока она не будет допущена к разного рода внешней общественной деятельности. Семейное, воспитательное значение может возвышать честь и достоинство женщины даже более всякого рода внешних дел и занятий. Так же и отсутствие той политической власти, в которой некоторые видят величайшее благо для женщины с избытком вознаграждается для женщины той властью, какой она пользуется в частной жизни, воспитывая в семье

мужчин и женщин, которым придется в свете исполнять мужские или женские обязанности. Образовать характер рода человеческого, конечно, значит иметь больше власти, чем может ожидать женщина, получив права избирать членов парламента, или участвовать в законодательных трудах.

Воспитательная обязанность указанного характера была верно понята и строго выполняема многими христианскими женщинами первых веков. Позабывшись предварительно о своем собственном нравственном и умственном развитии в духе Христовой веры, они старались и детей сделать добрыми, честными, истинными христианами, достойными гражданами неба, наследниками вечного блаженства.

Так, Евника, вместе с Лойдой, воспитали Тимофея, впоследствии епископа и сотрудника апостола Павла. В Листре и Иконии, где проходил Павел с проповедью, христиане свидетельствовали о Тимофее как о собрате, отличном по знаниям и благонравию. Апостол ясно ви-

дел, сколь добрые семена посеяны в этом человеке, поэтому взял его с собой, и Тимофей действительно оправдал надежды Павла. Он сделался преданнейшим учеником и другом апостола, деятельным его помощником и спутником в деле проповеди. Апостол рукоположил его во епископа в городе Ефесе и написал к нему два послания с целью дать ему разного рода пастырские наставления и укрепить его в служении, как пастыря еще юного, не вполне опытного и не чуждого увлечений; но в одном месте апостол высказал, между прочим, что он не может сомневаться в чистоте веры Тимофея уже и потому одному, что хорошо помнит, какими истинно христианскими качествами отличались его мать и бабка, под влиянием которых он воспитывался (Деян. 16, 1—3; 1 Тим. 1, 3; 2 Тим. 1, 5—6).

Еще во времена Спасителя сказалось благотворное материнское влияние. В конце своего служения Христос торжественно въезжал в Иерусалим (Мф. 21). Народ с восторгом встречал Его, и дети

радостно восклицали: *Осанна Сыну Давидову!* Недовольные этим, книжники и фарисеи еще более вознегодовали, услышав детское приветствие. Они видели, что это кричат будущие христиане, будущие проповедники и мученики за веру Христову; они видели, что нарождающееся поколение воспитывается не в тех идеях, не в том нравственном направлении, какое они хотели дать. Можно догадаться, от кого дети научились так приветствовать Спасителя. Их матери, горячие почитательницы Христа, научили их тому.

Из времен гонений известно много случаев твердости в вере детей, воспитанных матерями-христианками. “Сын мой, — говорила одна мать своему сыну во время гонений, — не считай твои годы, но с самых юных лет начинай в сердце твоём носить истинного Бога. Ничто в свете не достойно столь горячей любви, как Бог; ты скоро увидишь, что для Него оставляешь, и что в Нем приобретаешь”. Такие внушения не оставались тщетными. “От кого узнал ты, что Бог един?” —

спрашивал языческий судья одного христианского отрока. Отрок отвечал: “Этому научила меня мать; а мою мать научил Дух Святый и научил ее для того, чтобы она меня научила. Когда я качался в колыбели и сосал ее грудь, тогда еще научился веровать во Христа”.

Особенного внимания заслуживают в этом отношении знаменитые матери трех великих святителей Церкви IV века. Святая Эмилия, бывшая замужем за славившимся в Малой Азии адвокатом Василием, в своем собственном воспитании многим обязана благочестивой Макрине, матери своего мужа. Макрина была ученицей святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Во время Диоклетианова гонения, в начале IV века и после, она и муж ее были в числе тех, которые решились лучше скитаться из одного места в другое, терпеть нищету, голод и разные бедствия, чем изменить вере. Впоследствии внук ее, святой Василий Великий писал о ней к неокесарийцам: “О вере моей какое доказательство может быть яснее того, что

воспитан я бабкою, блаженною женою, которая по происхождению ваша? Говорю о пламенной Макрине, от которой изучил я слова блаженнейшего Григория, которые и сама она сохраняла как дар предания, и в нас, еще малютках, запечатлевала, образуя нас догматами благочестия”.

По смерти мужа, на руках Эмилии осталось девять детей. Всех их она воспитала в глубоком благочестии. Трое из них впоследствии были епископами и великими учителями Церкви: Василий Великий Кесарийский, Григорий Нисский и Петр Севастийский. Из дочерей старшая Макрина прославилась строгим подвижничеством, обширным образованием и благотворным нравственным влиянием на младших братьев и сестер и даже на саму мать, хотя последняя сама стояла на высокой степени нравственного совершенства. Феосевия посвятила жизнь свою на то, чтобы быть верной помощницей брату Григорию в чине диакониссы. Память ее прославил великими похвалами святой

Григорий Богослов. Дети еще одной из дочерей Эмилиии начальствовали в кесарийской обители. Святой Григорий Богослов с восторгом говорит об Эмилиии: “Она подарила миру столько и таких светильников, сыновей и дочерей, брачных и безбрачных; она счастлива и плодovitа, как никто. Три славных священника; одна участница в тайнах священства; и прочие — лик небожителей. Изумляюсь, какая это богатая семья Эмилиии! Благочестивая кровь — собственность Христа; таков корень! Превосходнейшая! Вот награда твоему благочестию: слава сыновей твоих, с которыми у тебя одни желания”. Сын Эмилиии — Василий Великий с торжеством указывал врагам своим на то, что его учила вере мать. И правила христианского закона были так укоренены в нем, что родители уже не опасались за сына, когда он впоследствии отправился учиться у языческих наставников философии, красноречию и правоведению.

В то же самое время и при таких же счастливых семейных условиях воспиты-

вался в другом городе Каппадокии — Назианзе, друг Василия, молодой Григорий, впоследствии великий богослов и епископ Константинопольский. О матери его, благочестивой Нонне, мы знаем уже, какое влияние оказала она на мужа, обратив его в христианство. Ее влияние на детей не менее велико и благотворно. “Мать моя, — пишет Григорий, — наследовав от отцов святую веру, наложила и на детей своих эту золотую цепь”. Сын молитв материнских, Григорий, во исполнение ее обета, был посвящен Богу и “от самых пеленок воспитан во всем прекрасном, совершеннейшие образцы которого он постоянно для себя видел дома”. Кроме Григория, известен еще сын Нонны — Кесарий, знаменитый не только по врачебному искусству при дворе императора Юлиана, но и по христианскому благочестию и твердости в вере. Дочь Горгония, прославленная Григорием в надгробном слове, представляет образец высоконравственной христианки.

Анфуса, мать Златоуста, овдовев в двадцать лет, не захотела вступить во

второй брак, а вся отдалась обязанностям христианской матери; она занялась воспитанием сына, благоразумно управляла его имением, старалась дать ему обширное и прочное образование, особенно же, основательно познакомить его со Священным Писанием. От матери получил первые уроки христианской нравственности знаменитейший учитель нравственности. Ничто впоследствии не могло изгладить этих уроков из души его: ни поучения языческих наставников, ни примеры товарищей, ни увлечения юности.

Нельзя умолчать и о знаменитой Монике, которая представляет замечательный образец не только супруги, но и матери. “Я обязан ей вдвойне жизнью, — говорит блаженный Августин, сын ее, — потому что она рождала меня и плотски для временной жизни, и духовно для жизни вечной... Она, истинно воспитывая своих детей, каждый раз снова в болезнях рождала их (Гал. 4, 19), когда видела удаляющимися от Господа”. Августин получил от матери первые уро-

ки христианской веры и нравственности. В детстве, не успев укрепиться в христианстве, а с другой стороны, отличаясь необыкновенной живостью и горячностью натуры и живя в кругу развратных товарищей, он вскоре увлекся примером их и стал вести жизнь беспорядочную, развратную, даже впал в манихейскую ересь. Первоначальная судьба его, отчасти сходная с судьбой Златоуста, в этом отношении, однако же, имеет глубокое различие. Златоуст остался верен началам, положенным матерью, несмотря ни на какие увлечения юности. Не то было с Августином. Правда, он сам утверждает, что пробуждавшиеся по временам воспоминания детства влекли его к Богу, но юношеские страсти подавляли это стремление. Сильно печалилась Моника, узнав о падении своего Августина. Дни и ночи проводила она в слезах, умоляя Господа Бога возвратить ей сына, которого она оплакивала, как умершего, так как жизнь и спасение души его были для нее одинаково дороги; а она видела, что душа его в опасно-

сти. “Она оплакивала меня, — рассказывает Августин в своей «Исповеди», — более чем плачет мать над умершим ребенком своим; ибо видела меня мертвым для Тебя. Ты услышал ее, Господи! Ты не отринул слез ее, которые лились обильными потоками всякий раз, как она возносила к Тебе молитву свою. Не Ты ли, Господи, послал ей это успокоительное сновидение, после которого она снова позволила мне жить в ее доме и вкушать пищу за ее столом, чего она не допускала с тех пор, как я увлекся столь противными ей убеждениями!”

И сама мать убеждала Августина и просила одного святого епископа поговорить с сыном, чтобы обратить его, но, по-видимому, все было напрасно. Епископ, впрочем, утешал Монику, говоря: “Успокойся и продолжай молиться; невозможно, чтобы погибло чадо стольких слез”. Между тем Августин уехал против воли матери сначала в Рим, потом в Милан учителем красноречия. Не снеся разлуки с сыном, мать его прибыла в Милан. Она воспользовалась тем мучи-

тельным настроением, в каком находился ее сын, под влиянием проповедей знаменитого миланского епископа Амвросия. Моника познакомилась со святым епископом, советовалась с ним о сыне, слушала его наставления; а он часто говорил Августину о счастье иметь такую мать.

Долгое время происходила борьба в душе Августина. Но вот молитвы матери были услышаны, заботы ее о погибающем сыне увенчались успехом. Столько лет блуждая без Бога, разочарованный, истерзанный страстями, он снова обратился к Нему. Он решился оставить свою кафедру и удалился с матерью и другом Алипием в загородный дом, где оба друга стали готовиться к Святому крещению молитвою и чтением Священного Писания. Моника помогала новообращенным; сердцем, исполненным живой веры и любви, умом, издавна обращенным к Господу, понимала она то, что им было еще недоступно. “Нам казалось, — говорит Августин, — что не слабая женщина, а великий муж воссе-

дает между нами, и мы спрашивали, из какого небесного источника текут ее слова”.

Возвращаясь вскоре затем с сыном на родину, благочестивая Моника не доехала до Африки. Казалось, она только ждала обращения сына, чтобы отойти ко Господу, к Которому постоянно стремилась всеми чувствами и мыслями своими. Она могла теперь радостно умереть; она совершила свое дело: исторгла сына из омута страстей и безверия, дала Церкви верного и славного служителя; показала христианским матерям, как сильны моления, заботы и слезы матери, как много может сделать женщина, одушевленная христианской верой и любовью.

Долго не мог утешиться Августин, оплакивая такую мать. “Скорбь моя утихла, — пишет он, обращаясь к Богу. — Но потом пред душою моею снова предстал образ смиренной рабы Твоей, так внезапно оставившей нас; мне опять живо вообразилось ее благочестивое хождение пред Тобою, ее боголюбезное, любвеобильное, самое нежное и кроткое

обхождение с нами; и мне сладко было плакать пред очами Твоими о ней умершей, которая обо мне столько лет плакала, чтобы увидеть меня живущим пред Твоими очами”.

Перед такими-то великими женщинами христианства, воспитывавшими даже целые поколения — честные, добродетельные, святые, — не могли не преклоняться с удивлением и сами язычники. “Что это за женщины у христиан!” — восклицал Ливаний, один из знаменитых ученых-язычников IV века, который сам имел своей профессией воспитание и образование юношества, но не видал таких великих плодов, каких достигла тихая, не видная для мира, воспитательская деятельность христианских матерей.

О ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЯХ

Нельзя обойти молчанием еще одной стороны семейного значения христианской женщины. Это — попечительность о доме, которую апостол также вменяет семейной женщине в обязанность (Тит. 2, 5; ср.: 1 Тим. 5, 14).

Попечительность о доме, или хозяйстве, составляла во все времена особенный род женской деятельности. Премудрый Соломон представил живую, поэтическую картину хозяйственной деятельности доблестной жены (Притч. 31, 10—31). Но нельзя сказать, чтобы деятельность эта вообще понималась в должных границах. Замечания некоторых авторов о рабстве хозяйки дома имеют справедливые основания, хотя по своему обобщению представляются крайни-

ми. Дело в том, что рабство это является не только в смысле физического обременения хозяйки множеством тяжких трудов и работ по дому, но и в смысле нравственного порабощения, когда женщина ограничена лишь кругом домашнего хозяйства, когда ее назначение и достоинства не идут далее этого круга. Из всего сказанного выше о женщине мы видим, как такое положение неприемлемо с христианством, несмотря на то, что христианство считает все-таки попечительность о доме одной из важных обязанностей женщины.

Тогда как мужчина естественно заботится о содержании и общем управлении дома, о средствах к жизни всей семьи (Еф. 5, 28—29; 1 Тим. 3, 4, 12; 5, 8), на женщине лежат внутренние заботы о доме и семье. Она хранит приобретенное мужем, распоряжается им и наблюдает, чтобы вся семья была в довольстве и покое. Таким образом, если интересы самого семейства настоятельно требуют наблюдения за хозяйством, то очевидно, что это не есть занятие грубое и низкое, недостойное забот женщины; это труд

также благородный и для женщины притом весьма приличный. По натуре более сродная с семейной жизнью, по своему положению большей частью свободная от общественных занятий, она, естественно, способнее к тому, чтобы вникать в разного рода подробности хозяйственного управления, входить часто в самые мелочные нужды семьи; она дорога в хозяйстве и по своей терпеливости, и по своему вкусу, вносящему всюду порядок, правильность, изящество. Сообразно с этим, Климент Александрийский называет женщину стражем дома и славою семьи и говорит, что “женщин не следует устранять от телесного труда: несколько не стыдно им молоть хлеб, готовить съестное, и нет ничего неприличного для жены — хозяйки дома и помощницы мужа — заниматься варением пищи”. Тот же учитель Церкви, защищая жизнь семейную против ее порицателей, замечает, между прочим, что это благородное попечение о семье и доме есть как бы малое отображение над всем управляющего Провидения. Таким образом, и эта сторона деятельно-

сти получает в христианстве высшее освящение и разумное значение. Пренебрегать такого рода деятельностью, брезгливо сторониться хозяйственных обязанностей, как соединенных иногда с не совсем красивой обстановкой, — недостойно женщины серьезной, честной, деловой, истинно понимающей свое призвание и достоинства. Другое дело, если попечительность переходит в одностороннюю, исключительную и слепую преданность хозяйственному интересу, с забвением всех других нравственных обязанностей. Марфа, слишком увлекшаяся этой практической хозяйственной деятельностью, не получила одобрения от Иисуса Христа.

Христианская попечительность чужда этой ограниченности, этой суеТЫ, которые привязывают лишь к внешним, материальным интересам; она имеет также характер чисто нравственный, является как долг, обусловливаемый нравственными целями. Христианская хозяйка, сознавая свое высшее общечеловеческое призвание, в своей хозяйственной деятельности видит лишь одно

из проявлений этого призвания, одно из средств к целям нравственным. В этом отношении можно опять указать на пример Нонны, матери Григория Богослова, о которой он замечает: “Она в совершенстве исполняла наставления, находящиеся в книге Притчей (31, 10—32): она так успешно вела домашние дела, что как будто вовсе не занималась религиозными; однако же она была так благочестива, что казалась совершенно чуждою всех хозяйственных интересов. Ни один из этих отделов обязанностей не вредил другому, напротив, казалось, что они взаимно поддерживают и совершенствуют друг друга”. Заправление христианки хозяйством, ее наблюдение надо всем — обуславливают порядок в доме, спокойствие и благосостояние всей семьи, не внешнее только, но и внутреннее. Внешняя аккуратность и попечительность хозяйки ведет к мирным отношениям с мужем, для которого свой дом делается таким образом приятнее всех других, также к довольству и спокойствию детей, которые видят образец трудолюбия и внимательности, и сами

становятся честней, усердней, привязанней к дому; словом, христиански поставленная деятельность хозяйки ведет к водворению в доме царства Божия. “Видишь ли снисхождение Павла? — говорит Златоуст. — Тот, кто всячески старался отклонить нас от забот житейских, теперь оказывает великое попечение о делах домашних. Ибо, когда эти дела будут управляемы хорошо, тогда и духовные найдут себе место, а иначе и они расстроятся. Жена, попечительная о доме, будет и целомудренною; жена, попечительная о доме, будет и бережливою; она не станет допускать ни роскоши, ни безвременных расходов, ни чего-нибудь другого подобного”. Действительно, попечительность о доме у апостола является признаком честной, серьезной, трудолюбивой женщины. Вне этого качества женщина является склонной к праздности, болтливости, пустым пересудам и т. п. Поэтому-то апостол и предписывает молодым вдовам, если они не посвящают себя безбрачию, с целью самоотверженного служения делу веры и

любви, — лучше выходить замуж, сидеть дома, рожать детей, заниматься хозяйством, чем проводить время в праздности, таскаться по чужим домам, подслушивать и болтать, чего не должно (1 Тим. 5, 13—14; ср.: 2 Сол. 3, 11—12).

Таким образом, мы видим, что гармоничное примирение двух сторон женской личности — общечеловеческой и непосредственно женственной — составляют заслугу христианства. Призывая женщину к высокому служению истине и добру, христианство предоставило ей полный простор для развития разумно-нравственных сил, и соответственно отличительным чертам ее натуры, дало этим силам надлежащее направление, указало характер и сферу их деятельности. Задача благотворного развития женщины заключается в усвоении ею христианского идеала. Средство к тому — духовно-нравственное воспитание, серьезное и прочное образование, проникнутое светом евангельской веры и любви. Без этого женщина не может иметь истинного значения, хотя бы достигла

внешней свободы и самостоятельности. Только в обществе придерживающемся христианских заповедей, женщина может быть истинной христианкой и достичь должного совершенства.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Значение женщины в христианстве	10
Об отношении Господа Иисуса Христа к женщинам	15
Отношение к женщине в христианской общине	58
Женщины — распространительницы христианства	90
О девстве	120
О семье, церковном и гражданском бра- ке, о разводе	148
О взаимоотношениях супругов	180
О супружеском долге	215
О женском влиянии на мужчин	234
О покровении женщинами головы во время молитвы	256
О роли женщины в общественной жиз- ни и женском священстве	281
О диакониссах в раннехристианской Церкви	291
О воспитании детей	318
О домашних обязанностях	343

